СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ВЬЕТНАМА

БИБЛИОТЕКА ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1982

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ВЬЕТНАМА

ПЕРИОДА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1964—1975 гг.

Перевод с вьетнамского

МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1982

Составитель
Н. И. НИКУЛИН

Вступительное слово
Михаила ИЛЬИНСКОГО

Автор статьи «Вьетнамское стихосложение»
Т. Н. ФИЛИМОНОВА

Биографические справки, примечания
и филологический перевод текста
И. П. ЗИМОНИНОЙ

Редактор переводов
ВЛ. БУРИЧ

Художник серии
Л. М. ЧЕРНЫШОВ

С $\frac{4703000000-016}{078(02)-82}$ 253—81

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ

Я не сделаю открытия, сказав, что поэзия живет в сердце каждого вьетнамца. Издревле ни один праздник, ни одно событие в жизни народа — и радостное, и печальное — не проходило без стихов. Рифмой искусно владели короли и простолюдины, полководцы и рядовые воины, крестьяне, кочевники, лесорубы. Любовь к поэтическому слову передавалась от поколения к поколению, крепла в суровых схватках с природными бедствиями, жила в народном сердце в годы испытаний, когда иноземные поработители вторгались на землю Вьетнама.

Я помню, как в 1968 году, в разгар всеобщего восстания в Южном Вьетнаме (патриоты даже атаковали американское посольство), крупнейший поэт старшего поколения Те Лан Вьен показал мне, корреспонденту «Известий», письмо, которое прислал ему оттуда его юный друг. Я прочел:

«...Чтобы писать, нужно много душевных сил. Днем приходится то ходить на боевые задания, то отбивать атаки карателей, то прятаться от бомб, то работать на полях. Вечером, когда берешься за перо, чувствуешь себя совсем обессиленным...»

И Те Лан Вьен ответил своему юному другу: «Я очень люблю писать, сидя за столом у окна, выходящего на тихое озеро и фруктовый сад. Но я больше доверяю написанному в трудных условиях. Тот, кто умеет ценить свет слабой лучинки, заботится о свете, что упадет с бумаги в душу читателя. Я верю твоим стихам. Я люблю их...»

Свет от стихов. Он покорял сердца, звал на борьбу. В том же 1968-м зенитчик на горе Кует, что рядом с городом Винь, во время налета американской авиации прикрыл своей грудью поэта Суан Зиеу. Пришедшему в госпиталь Суан Зиеу молодой боец сказал: «Я прикрыл вас грудью и сделаю это столько раз, сколько позволят мне силы. Ваши стихи мощнее тысяч зениток. Они не только стреляют по врагу, они воспевают жизнь, вселяют веру в победу. Они вмещают в себя и зернышко риса, который даст

новый колос, и снаряд, выпущенный по американскому самолету, и горечь утрат, и радость встреч с родным домом».

Свет от стихов.

Во время всеобщего восстания на Юге пал смертью героя 28-летний поэт Ле Ань Суан: стихи о родном Бенче, собранные в книге «Цветы кокосовой пальмы», увековечили его имя.

Через тюремные застенки и концлагеря марионеточного сайгонского режима прошел молодой поэт Нгуен Кхоа Дьем: его стихи из цикла «Надежды дорог» знают все юноши и девушки единого социалистического Вьетнама.

Фам Тиен Зуат, Нгуен Зюй, Чан Мань Хао... Сколько новых поэтов вошло в литературу за годы отражения американской агрессии! Они сражались за родину и воспевали самое прекрасное, самое дорогое — свою землю, мужество своего народа.

Я помню, как поэт Хюи Кан (ныне заместитель министра культуры СРВ) познакомил меня с самым юным тогда поэтом — десятилетним Чан Данг Кхоа. Тот сидел за черным резным столом, на котором стояла ваза с гладиолусами, а рядом лежали его игрушки, сделанные из обломков американского самолета.

— Человечество не знает ничего более жестокого и страшного, чем война, — сказал Хюи Кан. — А у нас целое поколение выросло в годы войны. Вместо школьного звонка они слышали удары деревянного молотка по осколкам бомб. Слова «мама» и «родина» они писали на клочках обгорелой бумаги. Но чем больше трудностей выпадало на их долю, тем дороже становился им терпкий запах родной земли, тишина гор, малахитовая зелень рисовых полей.

Молодому поколению предстоит с честью приумножать то, что завоевано их отцами и братьями, августовской революцией, то, что отстаивалось ценой огромных жертв в борьбе с колонизаторами, империалистическими агрессорами, международной реакцией. И люди планеты верят, что юность Вьетнама справится с этой задачей.

А молодым поэтам — идти вместе с героическим народом. И пусть громче звучат их стихи.

Михаил Ильинский

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВУ КУАН ФЫОНГ

ПОСЕЩАЮ ДОМ ХО ШИ МИНА

Время замерло.
Вот он, дом, где жил Бак *.
Пол прохладный,
чан для риса,
книжная полка, гамак.
Все по-прежнему, все как при нем,
словно ждет его старый дом...
Землю в саду недавно вскопали.
Тихий вечер прохладу несет цветам...
Этим вечером мы перейдем реку Лам.
В Бентхюи рвутся бомбы... в Бентхюи
идут сокрушительные бои...

Я стою в крытом листьями доме твоем,
этот сад, этот вечер, цветы апельсина...
Будем годы идти, будет невыносимо,
все же выдержим, вспоминая тебя,
удивляясь твоим великим делам...

Этим вечером мы перейдем реку Лам.
А в глазах будет этот знакомый дом,
эта крыша из пальмовых листьев,
что скрывает сердце страны,
эта крыша,
что раскрыта для всех четырех сторон света...
Сколько дождей над лесами,
но высушит их солнце лета.

Вся земля наша стала отчизной для нас.
Старый дом, в котором ты жил,

* Слова, помеченные знаком *, объяснены в примечаниях.

словно друг прибавил мне сил,
словно друг позволил передохнуть,
подбодрил, провожая в путь.

1967 г.

ЛЮДИ, КРАСЯЩИЕ МОСТ ЛОНГБЬЕН *

Ребенком видел я, как люди красят мост,
мост длинный, как те десять лет,
которые я в школе проучился:
пока один конец докрасят,
глядят — другой уж облупился.

Прошли за годом год.
Сезон разлива
сменял сезон спокойных чистых вод,
менялись берега — где были дюны и наносы,
зияли ямы, и наоборот.
Менялся я, давно осталось детство позади,
копились в сердце радости, заботы,
одно лишь не менялось — эти люди,
что красили моста огромные пролеты.
Вот и сегодня, так же как всегда,
они работают, внизу блестит вода,
вверху сиянье первых звезд...
Рабочие поют и красят мост.

Враг много раз обстреливал Лонгбьен,
есть несколько разрушенных пролетов,
но маляры не бросили работу,
ночных не пропускали смен.
Им некуда укрыться от обстрела,
нет шалаша укрыться от дождей,
над ними проплывают облака,
под ними плещется река,
у многих поседела голова,
а мост блестит от свежей краски
и жизнь спешит, шумлива, многолюдна,
спешит, внимания не обращая
на тружеников, красящих пролеты,

ни в дождь, ни в зной не покидающих свой пост...
И в дни, когда особенно мне трудно,
я думаю о тех, кто красит мост.

Февраль 1970 г

СБОР УРОЖАЯ В КУКФЫОНГЕ

Вот это дерево цветет уже века,
тысячелетняя печаль его цветка как предков зов,
мы знаем аромат и вкус его плодов,
незрелые, они опасны для зубов, они таят
вкус юности, ее зеленый сладкий яд;
и корни сильные, как и века назад, пьют сок земной...

Сегодня ты пришла, чтобы побыть со мной,
а кто до нас стоял под кроною густой, что как шатер?
Быть может, некогда угрюмый житель гор,
пещерный человек, сжимая свой топор, из-за ствола
выглядывая, ждал, чтоб жертва подошла...
Остывший тот очаг, та древняя зола всё греет нас,
и в сердце тот огонь поныне не погас,
а ветер давних дней пошевелил сейчас вот эту прядь...

Спасибо дереву, что так умеет ждать,
природа столько сил должна была отдать, чтоб вызрел плод,
и дерево стоит, и людям тень дает,
одна у нас земля и корень, что живет там, в глубине...
И жизнь еще несет нас на своей волне,
и знаю я теперь, стихи помогут мне, помогут жить...

Май 1970 г.

ЦВЕТЫ ФЕНИКСА *

Цветы феникса алые, радости детской цветы,
цветы совести, справедливости и чистоты,
прижимая к себе их, по улице дети идут,
и как солнце горят цветы феникса средь синевы...

Облака этим вечером зелены от свежей листвы,
цветы феникса алые, словно алостью ветра полны,

город шумный, как море в часы прилива,
я купаюсь в радостных криках детворы...

Словно именно эти цветы нам на диво
сотворили все это — небо, деревья, ковры зеленой травы.
Ветер дует так радостно в тысячи окон раскрытых,
плоды, точно сладкие губы жаркого лета.

И земля как хмельная под потоками яркого света,
рис весенний ждет жатвы на горе и в низине,
налилась кукуруза, покрываются золотом дыни,
тыква тыкву за руку держит тонкой рукою...

У Лонгбьена песни звучат, летят над рекою,
эти люди идут на фронт, другие — на сбор урожая.
Год, когда сражается край наш на трех фронтах,
побеждая.
Ты, роса серебристая, ветки деревьев омой!

Это голос цикад или голос жизни самой?
Цветы феникса алые, алые, как никогда...
Любить нелегко, если любишь от всей души.
О, лети, летний ветер, цветы на ветвях вороши!

1970—1971 гг.

ТЕНИСТЫЙ САД

Ты возвратилась ли в тенистый сад,
где кожица плодов впитала жар лучей,
где зеленеет молодой бамбук, бананы зреют
и дольки сочные личжи * тают
свой терпкий аромат?

Порывы ветра листья шевелят,
деревья, словно волны, набегают,
гудят и суетятся пчелы,
и слушает земля, как корни тянут сок...

А может быть, ты далеко, и зной жесток,
вокруг тебя колючки и песок
и нет поблизости ни тени, ни плода?..

А сад живет, бушует полая вода,
она поит деревья и траву,
в корнях сильнее соки бродят,
деревья после половодья
нарядной зеленью покрыты,
лонганы *, апельсины, миты *
родной земли впитали сладость...
Итак, я написал стихотворенье
о саде, полном тени и прохлады, —
все началось с воспоминаний о тебе.

1971 г.

РАЗГОВОР С РЕБЕНКОМ

Если ты глаза зажмуришь
на лужайке жарким летом,
ты услышишь говор птиц,
все их тайны и секреты.

Если ты глаза зажмуришь,
сказку слушая про фею,
можешь ты увидеть Там *,
поиграть немного с нею.

Если ты глаза зажмуришь,
вспомнив об усталой маме,
тут откроются глаза
почему-то сами.

1971 г.

СТОРОЖКА, ОХРАНЯЮЩАЯ ДАМБУ

Кто эти люди, что сидели здесь когда-то,
на столько жизней раньше нас,
в сторожке возле старой дамбы
и пели:
«Эй, широкая река,
поросшие бамбуком берега!»?

Сторожки возле дамб живут года,
живут, как эта тихая вода,

которая то прибывает,
то спадает,
и только на сторожке возле дамбы
не видно времени следа.

Она, как сердце нашего народа,
любовно обнимает берега
и отмели...
Река, река! Куда бежишь так быстро?
Кто там несет бамбуковое коромысло?
Чьей силою распахана земля?
Чей пот воздвиг здесь эту дамбу,
что так прочна и высока?

Ил станет зернышками риса,
и станут песней крылья журавля,
от мха зеленой станет черепица,
сторожка будет здесь стоять века,
как дух народа нашего крепка.
Я этой ночью бодрствую на страже,
я слушаю, как плещется река
и гром доносится издалека,
чтоб на песчаных отмелях разбиться...

Река из географии влилась
в историю, чтоб стать ее страницей.
Звук барабана поднял ополченье,
и сотни боевых американских лодок
остались в этих возмущенных водах!
Здесь столько бомб взорвалось! А река
опять чиста, опять тиха,
и за спиною старой дамбы
все те же орошенные поля...
О преступленья, заключенные навек
в названиях родимых рек!

Сторожка продолжает жизнь свою
и, помогая человеку,
здесь сторожит родные берега
и к морю провожает реку.
И, бодрствуя с людьми, что охраняют дамбу,
винтовки смотрят в сторону врага.

1972 г.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

1

Прямо в душу проник тихий голос гамака,
что в полдень в тени качала мать,
колыбельной слова не забыть, не рассказать,
о судьбе людей пелось в песне той.

Ребенок сирота, старик слепой,
голос гонга глухой — душа села,
не накормит голодных песня его...

Через мост за водой идешь ты рано поутру,
твоя одежда порвана, ты замерзаешь на ветру...

Где-то дан * поет, и напев знаком,
мерзнут пальцы у того, кто играет на нем.

В сердцевину дерева душа Чыонг Ти * влилась,
кто поет, тот исторгает слезы из глаз.
Девушка Киеу * пред разлукой слезы льет...
Почему сыну мать так печально поет?

Человек!
Луна!
Неба синий свод!
Что-то там нас ждет,
а гóлоса не подает!
Нынче дождь в горах, гремит гроза,
а какая среди капель твоя слеза?

Еще песня-беседа не спета пока,
а пора уже прощаться, в праздник ночь коротка.
Вот луна плывет у всех на виду.
О песни-куанхо!
Сказала милая: приду!

Цветы шунт красивые расцвели на пруду,
но красивей тех цветов тот, кто песню поет.
Черпай воду, милая, из глубокого пруда,
его сушит луна, не высушит никогда.

2

К облакам летит надежда
и слетает с облаков...
Лишь драконы изменились за столько веков.
Старый тростник выпускает цветы...

Песня душу обжигает, хоть слова ее просты,
след на камне оставляет, как стальной резец,
душу дерева наружу вызывает певец.
Больно дереву от песни, только стонов не слыхать.

Надевает нон * отец и идет пахать,
сзади мать несет корзины, там малютка сын,
а навстречу им несут дорогой паланкин,
в том нарядном паланкине сидит важный господин.

Ой, журавль, ты летишь выше горных вершин,
в резиденции министра ты светильник держишь в клюве
всякий раз, когда сановник зажигает в нем огонь,
слышно хлопанье крыльев далеко в небесах,
в безграничных небесах!

3

Песню славную одну поет вьетнамский народ,
героиней этой песни стала матушка Шуот *.
Птицы мудрые садятся на крыши домов,
вы входи́те в историю прямо босиком,
вы пишите стихи на воде веслом.

Бамбук красив, он вдоль берега стоит,
мы сажаем бамбук, о бамбуке поем.

Отдавала дочь одежду, чтоб отец воевал,
чтоб холодной зимней ночью одолел перевал.
«Колодец глубок, зато с другим соединен...» —
вот из песни слова, о тебе поется в ней!

По ночам, когда машины шли во тьме без огней,
песня песню находила, перекличка в песнях шла.
«Человек, человек,
велики твои дела,
не вернешься ты домой,
пока враг не уйдет!»

Вспоминаю, как, бывало, мать под деревом сидела,
и тебя я вспоминаю, как ты в поле жала рис,
как на фронт меня ты с песней
в теплый вечер провожала,
и из диня * по деревне
разносился голос твой...

Озорник веселый Теу * в шутку выставил живот,
себя хлопая по телу, очень важно поет.
Сион Ван * терпеливо объясняет все глупцам,
старый пьяница смешит своими шутками народ.

Звуки гонга, звуки гонга,
точно горы высоки,
точно горы высоки,
точно реки широки...
Песни, песни в нашей жизни
как моря без берегов,
в них сто тысяч справедливых
утешающих слов.

Кхен * мягко звучит, ты его только тронь!
Видишь, в гору по дороге
поднимается конь.

Журавль полетел
вдоль синих рек...
О певец, о певец!
О поющий человек!

1972 г.

САДЫ ТХУАНВИ

Я поражен, здесь можно заблудиться,
листва все скрыла, словно черепица,
птиц голоса слышны в кудрявых кронах,
и с ветром аромат плодов струится...

Я заблудился здесь между стволами,
где зелень охватила все, как пламя,
но на тропу ведут деревья нгау,
и вслед мне машут яблони ветвями...

Идут сады зеленым караваном,
вот миты, мандарины и лонганы,
и где-то меж стволов дым лентой вьется...
О Тхуанви, мой край обетованный!

Шумит деревьев светлая стихия,
сплетаясь, корни соки пьют земные,

чтоб утолить могучих веток жажду,
поить плоды, от солнца золотые.

О руки, что, усталости не зная,
здесь трудятся, борясь и побеждая,
и шепчутся таинственно деревья,
о человеке мне напоминая.

Тхайбинь, 6 марта 1973 г.

ПРОВОЖАЯ ДОЧЬ НА РЫНОК

Вот повязан на голову яркий платок,
и серебряный обруч надет.
Уж оседлана лошадь чуть свет,
чтоб на рынок успеть, путь далек.

На дороге в тумане звенят бубенцы,
и на сердце от них веселей,
голоса молодые, и песни, и смех,
на дороге ты встретишь друзей.

В этот час ты на рынок спешишь не одна,
ржет лошадка, спускаясь с горы,
солнце хмеля добавит в пиалу вина,
небеса к тебе будут добры...

Так же ржала когда-то лошадка моя,
уносясь в предрассветный туман...
Звуки дана * ты слышишь? Давно я седа,
но по-прежнему молод наш дан!

Отдаю тебе, дочь моя, это седло,
еще может оно послужить,
выпей чашку вина, чтобы, слушая кхен,
от напева его не грустить.

Кхен поет о разлуке, о встрече поет,
жизнь как ярмарка вечно шумит...
Подведу тебе лошадь, прощусь у ворот,
только сердце с тобой полетит!

Мыонгкхыонг, ноябрь 1973 г.

ПАСТУХ ИГРАЕТ НА ДУДОЧКЕ

Жуют коровы свежую траву,
вечерний сумрак гасит синеву небес и вод,
а на поляне, где туман ползет,
бамбуковая дудочка поет, лаская слух,

играет песню нежную пастух,
и вот уже последний луч потух, бредут стада.
«Мерцает в тихом озере вода...» *,
и окружила облаков гряда вершины гор...

А на дороге давка и затор,
идут телята через косогор на водопой,
там пыль и блеянье... А здесь покой —
«...вон два дрозда над быстрою рекой взмывают ввысь...» *.

Уж в небе звезды первые зажглись,
и звуки смолкли, словно унеслись вдаль за холмы...

Пастух сидит среди вечерней тьмы,
и ночь несет дыхание зимы.

Бави, ноябрь 1974 г.

ПЕРВУЮ НОЧЬ В САЙГОНЕ СПЛЮ В ГАМАКЕ

Здесь стулья свалены, столы лежат вверх дном,
здесь запах бегства, след смятения на всем... Ну что ж, опять
придется эту ночь под звездным небом спать,
посветит нам луна, а нам не привыкать и, если так,
то на балконе мы повесим свой гамак.
Но нет, не спится нам — внизу, рассеяв мрак, в огнях Сайгон...
В землянках фронтовых мне часто снился он...
И прошлое встает, как неотвязный сон с тоской своей...

На Чыонгшоне * дождь — пришел сезон дождей...
И вспоминаю я оставшихся друзей, наш котелок
и чай из имбиря, и наш сухой паек,
и лампы фронтовой хоть слабый огонек, а не задуть!
Как рвали горы мы, прокладывая путь...
Те ночи — ты бы мог, скажи, когда-нибудь забыть о них?
Когда, усталые, в укрытиях сырых
щепотку соли мы делили на двоих, как груз тоски...

Что может быть теплей протянутой руки
в горах, где тьма и лед, а камни велики и склон так
крут...
Все ж к цели нас привел нелегкий наш маршрут,
и горы ветер свой за нами следом шлют петь в тишине...
Гамак качается, как лодка на волне,
и улицы внизу красуются в огне, не спит Сайгон...
О чем-то шепчется листва зеленых крон,
и джунгли города баюкают наш сон, как Чыонгшон...

Июнь 1975 г.

САЙГОНСКОЙ ПЕВИЦЕ, ПОЮЩЕЙ В ЧЫОНГШОНЕ

«Гамаки мы повесим рядом в джунглях Чыонгшона...» * —
эта песня написана в джунглях ле *, в джунглях кхоп *,
в эти годы в Сайгоне, где нет перевалов и троп,
ты не знала о джунглях, проходя по бульварам мощеным.

«Ты садишься в машину, а дождь не утих...»
Только эти дожди здесь тебя не задели!
Когда кончились овощи, думаешь, что мы там ели?
Клубни, дикие клубни — ты когда-нибудь видела их?

«На Чыонгшоне Восточном рис ночами носили для нас...»
Но носила не ты, а другая,
и когда она в джунглях была, ты сидела, гостей угощая...
Но она не вернулась с задания, потому ты поешь нам
сейчас.

Над Сайгоном ночным реет красное знамя.
Ты поешь, я сижу у самой эстрады,
ты глаза подвела, ты намазала губы помадой...
даже зеркальца не было в джунглях у той, что всегда
была с нами.

Песня, словно рука, хранящая наше тепло и наш пот,
ты поешь о том времени, что миновало,
о печалях, о радостях, о которых ты только сегодня
узнала,
и отныне та добрая девушка за собою тебя поведет!

Декабрь 1976 г.

ВЫОНГ АНЬ

ЦВЕТЫ В ГОРНОМ СЕЛЕ

Рука — живой цветок.
Слова моей матери

1

Раскрыл ладони —
десять пальцев.
И мама говорит:
у среднего фаланга плоская, чтоб рюмку
наклонять, когда мы пьем вино,
большой наш палец крепок, точно хоп *,
а указательный — чтоб указать на дверь,
когда пристанет
чиновник или поп.
Мизинец — тот добро обычно сторожит...
Так мама говорит,
она в дверях на корточках сидит,
глядит на поле —
там риса зеленое лицо, кто выкрасил его?
А дальше — поля гладкое лицо,
кто поле отутюжил?
Рис клейкий * в середине,
крахмалистый вокруг него по краю,
там, где клочки земли,
как будто на спину друг другу
взобрались.
Я пальцы растопырил, чтоб про них узнать,
а мама начала перечислять:
вот этим рис сажать,
вот этим жать,
вот этим собирать
цветы в селеньях горных,
вот этот
аиста зовет,
чтоб облака унес,
ручью велит на миг дыханье задержать...

2

По лестнице спустилась мама вниз,
там курица кудахчет во дворе,
снесла яйцо, оно как серебро,
оно пока что первое в гнезде...
Выглядывает мама за калитку:
— Ой, дети!
Сколько там людей! —
И руку мамы тянет сын:
— Ой, мама,
сколько там машин! —
И дергает за юбку дочка:
— Скорее, мама! —
Мать провожают дети до моста.
Гордится мальчик:
— Мой папа здесь дорогу проложил! —
Гордится девочка:
— Винтовки мама носит в горы...

3

Съедают дети наспех свой обед,
съедают втихомолку ужин,
они приучены к порядку,
и знают руки то, что сделать нужно.
Довольна мама, встала подбоченясь,
глядит с улыбкой — собран рис,
лиловые и алые цветы,
медвежья желчь * и ароматная корица —
сокровища мыонгов *.
И говорит, грозя с улыбкой сыну:
— Опять ты трогал там машину? —
На дочь глядит:
— Ну как, винтовку держишь по науке?
А ну-ка покажите руки! —
Дочь показывает руки...
сын показывает руки.

ВОЛАН * И ГОНГ

Луна ждет полнолуния,
ждет праздника волан.
В. А.

Из трех селений горных
уходят парни поутру на фронт.
Эй!

Девушки, берите гонг!
И девушки винтовки протирают,
подвешивают гонги.
Эй!
И девушки ножи все утро точат,
привязывают шест, хлопочут, —
подвешивайте барабан скорей!
Эй!
Для гонгов ставят семь жердей.
Вот ставят девять гонгов, пять вдоль крыши, по прямой...
А где волан,
что с красной бахромой?
Окрасить бахрому сумейте!
Потом ее пришейте!
Потом бросайте вверх воланы,
чтоб голос гонга, нежный и гортанный,
их оплетал...
Зеленому волану — девять разных дорог под облаками,
волану красному — лететь все выше за дома...
Как крылья ласточки, трепещет бахрома —
летит волан лоскутный легче ветра...
А этот, с обручем,
как спелый абрикос на ветке...
Эй!
Девушки смеются —
воланы в руки не даются!
Хохочут парни, бегают за ними,
волан летит, как хвост павлиний...
Эй, бейте в гонги!
Всех сзывайте!
Чтоб парни вышли полю поклониться,
еще воланы вверх бросайте,
чтоб парни с горными делянками пошли проститься...
Воланов бахрома повисла вдоль дороги,
протяжен гонгов мелодичный звук,
раскрывший горные тропинки, и отроги,
и поле за деревнею,
и луг...
Волан передают
и тех, кто остается, за руки берут.
И парни, уходящие на фронт,
с собой уносят то,
что пел им гонг.

1969 г.

ДОРОГА НА ФРОНТ

Луч солнца на себе плавучий мост несет,
чтоб облака в горах прикрыли переход. Издалека
я слышу, говорит бессонная река:
— Мост гору понесет, хоть ноша велика, но он силен...

В походе помни все: горы отвесный склон,
дорогу среди скал, и реку, и понтон, и тот паром,
а главное, солдат, родимый помни дом,
свой край, где ты рожден, и не забудь о том, как шел отряд
как скрыли облака винтовки и солдат от пуль врагов...

Мы помним путь на фронт, он труден и суров, но трижды свят

Перевал Лихоа, 1969 г.

ВЫОНГ ЧАУНГ

МОЙ САД

Плоды крушины — словно бы гранаты,
А кукурузный стебель — ствол ружья.
На перец глядя, пулю вижу я,
На нгоу * — парашют в лучах заката.

1965 г.

ПОЕЗД СНОВА ПРИШЕЛ В НАШИ КРАЯ

Воспоминание о дне, когда поезд пришел в Нгеан, мою родину, после четырех лет разрушительной войны.

Паровоз окликает округу гудком.
Так гуди и лети прямиком,
Чтобы люди очнулись вблизи и вдали.
Знаю, долгие годы все вместе

Ждали мы этой радостной вести.
И сегодня селенья родимой земли
Ощутили взволнованно:
Приближается поезд, все громче гудок —

И крестьяне торопятся наискосок
И взбираются вверх по откосу:
Тронуть рельсы, взглянуть на колеса.
В этом поезде память моя и твоя —

Поезд в наши вернулся края,
Где исчерканы рельсы осколками косо,
Где валяются трупы врагов под откосом,
Где с трудом мы наладили временный мост.

Путь в родные края был непрост.
Поезд густо дымит. И слезящихся глаз
Друг от друга мы вовсе не прячем сейчас:

Дни былые к нам в судьбы вошли.
Смерть несли самолеты нам и корабли.
Рельсы часто меняли свой вид под огнем
Но дорога — жила она ночью и днем.

Паровозный гудок — это песня труда.
Это голос побед, навсегда озаренных
И разрывами бомб, и щебенкой в лучах
раскаленны
Дым в объятьях деревьев — он не улетит никуд

Вон идут пассажирские и грузовые вагоны.
Из открытых окошек уносятся песни в полет
Вон, брезентом укрыта, платформа ползет
Мимо радостного вокзала.

И колеса вращенье смиряют устало.
Первый рейс после долгих губительных лет.
Дальше поезд отправится. Этому вслед
Новых — прежде ушедших — прибудет немало.

1968—1969 гг.

ЛЕЖУ В ГАМАКЕ

Мне без подушки в гамаке удобно.
Спокойно спал я ночью, и с утра
Мне не страшны туман или жара —
Собою укрывают нас деревья.

Бросаем мы друг другу сигареты,
Крепим в часы привалов гамаки.
И вот клубятся сизые дымки
Над гамаками в зарослях зеленых.

Колышутся над гамаками ветки,
Просеивая звезды сквозь листву.
Теперь мне перестрелка наяву
Слышна оттуда, где мы будем вскоре

Без веера прохладно в гамаке,
И руки отдыхают понемногу,
И сладко-сладко вытянуты ноги.
И вновь упруга кожа на щеках.

Росли в веревочных мы гамаках.
Лежать в брезентовых настал нам срок,
И, словно мать, поет нам ветерок
И Чыонгшон хранит нас от врага.

Май 1969 г.

ДЕВУШКА-ПЧЕЛОВОД

Посвящается Т.

Когда ты дни цветенья полюбила?
Лиловых роз воздушны лепестки,
Цветущей тыквы лепестки легки
И солнечным дыханием объяты.

Цветенье полюбила ты когда-то.
И в жизнь твою навек вошли цветы,
А после пчеловодом стала ты,
Объездив край любимый постепенно.

Ты пчел свозила в рощи Хынгиена.
И был цветами путь в лугах одет,
И на ветвях покачивался цвет,
И пчелы ветерок опережали.

Над речкой Красной встала кукуруза.
И новый звук уверенность обрел:
В гуденье ветерка — гуденье пчел.
Весь мир пропах медовым ароматом.

Ваи * в Хадонге расцвели богато.
В Боха от апельсинов все бело,
В Шапа от персиков — как рассвело.
Да, весь наш край стал ныне лугом тучным.

Ты — с пчелами и ночью неразлучна —
Заветный рядом ставила сосуд *.
Ждала: пусть пчелы крыльями блеснут
И лапки поутру пыльцой обсыплют.

Зимою ветер оголял соаны *,
И улья словно спали до весны.
И ты, чтоб были дни не так скучны,
Перебирала сотовые рамки.

Ты с матерью в разлуке пятый год,
Ты исходила десять тысяч тропок.
Рои делила, матери писала —
И письма пахли так, как пахнет мед.

Пусть дым и пламя рушились с высот —
К цветам летели пчелы прямиком.
Ты как солдат вставала на врага:
Мед — это результат твоих побед.

* * *

Пусть медом будет раненый согрет!
Пусть видит небо он большим цветком!
Ты — пчеловод, но ты громишь врага.

1969 г.

БРОСАЮТ ВОЛАН

Девушки волан за миг
Скручивают, как вань тинг *.
Ярко, точно хвост павлиний,
Он горит в руках у них.

Парни столб врывают в землю.
И, наметив вышину,
Приколачивают обруч —
Словно полную луну.

Молодежь в селенье горном —
У всех румянец на щеках
И сила мудрая в руках.
Так бросай волан повыше!

И волан взлетает к небу,
Словно язычок огня.
И, тепло души храня,
Вскидываются ладони,
Заслоняя небосклон, —
Подхватить волан твой мне бы.

А волан летит над нами.
А волан летит как пуля.
И под шум со всех сторон
В обруч попадает он.

Пусть он вновь, друзья, взлетает,
Всех нас этим веселя:
И зеленые поля;
И тебя, моя земля;
И ребят, которым скоро
Брать придется вещмешки;
И победы, от которых
Мы теперь недалеки.

Ты на фронт ушел когда-то.
Тет * встречал. Страдал от ран.
Над тобою, над солдатом,
Снова ввысь летит волан.

В синем небе, в мирном небе
Вновь он весело расцвел.
И на фронте знают это
Парни наших горных сел.

Декабрь 1970 г.

КИНООПЕРАТОР

Посвящается военным кинооператорам, принимавшим участие в боях на дороге № 9

Объектив твой — как дуло одной из винтовок.
Кинокамера — словно с патронами ящик.
И, снимая, ты целишься тоже в бою настоящем.
Ты, как я, разгибаешь усталую спину.

Я в засаде лепешки тебе отдавал половину.
Мы из фляги одной пили поочередно...
Я с прицельною планкой сверяю свой взгляд —
Ты для съемки прикидываешь расстояние.

Если слить воедино суровые звуки Б-40 *
И резкие звуки очередей из АК *,

То твоей кинокамеры рокот получится
наверняка
Словно это танк подкрадывается в черном дыму.

И врагам непонятно, откуда является смерть,
И они озираются по сторонам воровато:
Кинокамера бьет по ним или же бьют автоматы
Неприятель бежит: он в испуге и недоуменье.

Тыл увидит когда-нибудь это сраженье:
Та дорога, и трупы, и мы, запыленные сплошь.
Только ты в своем фильме-то и на мгновенье
Перед полными залами не промелькнешь.

Апрель 1971 г.

ГОЛОСА ЦИКАД В ЭТОТ ПОЛДЕНЬ

Мы укрепили знамя на броне.
Под сенью джунглей танки в тишине стоят.
Торчат из люков головы ребят:
Мы дышим небом, слушаем цикад. И вдруг,
Срывая шлем, глядит на друга друг —
Неужто лето все-таки вокруг? Вдали

Мы сели в танки — персики цвели,
И веяло весною от земли. Машин
Касались ветви близ крутых вершин.
Дорогою под номером «один» вперед
Стремились мы — и танка низкий свод
Скрывал от нас голубизну высот, и птиц,
И тени, павшие от веток ниц,
И ясный свет, не знающий границ. Вперед,

Перетирая камни, танк идет,
В себя вбирая путь нелегкий тот. Порой
Мы слышим: бьется знамя над броней.
Снарядов слышим заунывный вой. Подчас
Мы слышим, с утомленностью борясь,
Удары сердца каждого из нас. Звучат

Они с иною музыкой не в лад.
Но как прекрасны голоса цикад, сквозь бой
Летящие то низко над землей,

То высоко — над самою листвой. Весь свет
Был нынче этой музыкой согрет
Накопленный за много трудных лет. Не вдруг

Земля свершила свой извечный круг,
И мы цикад услышали, мой друг: свои
Мы проводили дни, как в забытьи,
Пока летели в танке сквозь бои.

Июнь 1975 г.

ПЕСНЯ НАД РОДНОЮ РЕКОЙ

Вот пристань Кунг. Но где сампан?
Вечерний отражен туман — в реке.
Моста пролеты вдалеке.
Сижу безмолвно на песке и жду...

Вдруг чей-то голос на лету
Двум берегам вернул мечту. Чиста
Река под сводами моста.
Но там и у́же неспроста она.

Того мне берега слышна
Задумчивая тишина — в такой
Крик раздавался над рекой,
Сампан спешил на зов людской. Горда

Безмолвной памятью вода.
Негромко певший здесь тогда народ
Сампан возил на берег тот
Во имя всех, кто дома ждет. В пути

Нон чудом держится почти,
Но ты не устаешь грести, сильна.
Ты вся вперед устремлена —
Напев твой слушает волна, строга.

А я, ушедший бить врага,
Познал другие берега с тоской,
Чтоб снова над родной рекой
Услышать мирный голос твой.

Июнь 1976 г.

КАК МЫ ЭТОЙ ВЕСНОЙ

Пусть окошко отворится
Ветру свежему в забаву.
Сад, родная, внемлет птицам,
Внемлет листьям он и травам.

В этой комнате по праву
Мы с весны живем — и вот:
Радостей у нас на славу,
Но в избытке и забот.

Станет шкаф с кроватью рядом,
А малыш наш будет тут.
Стол придвинем ближе к свету:
Как просторен наш приют!

Под ногой цветная плитка,
Стены светло-зелены,
Словно их покрасил кто-то
В предвкушении весны.

Мы с тобой, как птичья пара,
Ладим мирное житье.
Отовсюду нас недаром
Манит гнездышко свое.

Помнишь темную землянку?
Помнишь рвущийся фугас?
Помнишь, мы сыграли свадьбу
И родился сын у нас?

А теперь, смотри, богата
Нами ранняя весна:
Дождик льет зеленоватый —
Словно в комнате стена.

С лампочки подслеповатой
Наш сынок не сводит глаз.
Все нежней ты, как когда-то
В дни, далекие от нас.

Так ответь-ка мне сейчас:
Сколько же еще народу
Сможет справить новоселье
В радостное время года?

1977 г.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ТЕБЕ

Пою тебе без слов и песне в такт
Качаю твой брезентовый гамак, чтоб ты
Касался взглядом синей высоты,
Воспринимал мелодию мечты и мог
Забыть со мной разлуки долгий срок,
Вдыхая этот свежий ветерок. Пою —
И солнце кожу смуглую твою
Легонько золотит в родном краю с утра.
Солома сохнет в глубине двора,
Сегодня не смягчается жара никак.
Лучами мир вокруг меня пропах...
Моя рука качает твой гамак. Страшна

Сама разлука больше, чем война.
Пять лет жила я без тебя одна. Пять лет
Был у дорог солдатской формы цвет —
Зеленый цвет. И я смотрела вслед войне
И о тебе мечтала в тишине.
Из Чыонгшона ты пришел ко мне. В горах
Ты посох нес бамбуковый в руках.
Ты, мой любимый, порохом пропах сейчас.
Сомкни же веки утомленных глаз,
Пусть край родимый обступает нас. А срок

Придет, ты свой достанешь вещмешок —
И мягок будет путь для твердых ног, и враг,
Тобой повержен, превратится в прах,
И в джунглях ты повесишь свой гамак опять.
Там будет тень. Там будет благодать.
Там этой колыбельной вновь звучать.

Декабрь 1978 г.

ЛЕ АНЬ СУАН

ВСТРЕЧА

Иду в строю, плетусь в хвосте.
Колючий дождь в лицо летит.
Поля бескрайние в воде,
а ветер дует и свистит.

Вдали светлеет окоем.
Доносится орудий гром.
Спешит отряд, бежит бегом,
а на полях вода кругом.

Пустое — думать о тепле,
о доме речи не веди.
Дождь моросит и моросит,
огней не видно впереди.

Вдруг слышим: хлюпанье шагов,
ступает кто-то по воде.
И небо сумрачное вмиг
повеселело в темноте.

Вот радость! Девушек отряд.
И тихий смех, и голоса.
И мимо девушка идет,
в моих глазах — ее глаза.

Я слышу голосок ее:
«Счастливого пути... пути!..»
Как бы повеяло теплом,
и легче стало мне идти.

Ушла. За полем не видать.
Мы встретимся когда-нибудь?

Ваш путь лежит в восточный край,
в Долину Тростников * — наш путь.

Откуда родом ты, скажи!
Не знаю, как тебя зовут.
Винтовка на твоем плече,
цвет формы черный, как мазут.

Лицо твое как огонек.
Я чувствую: струится свет.
Хотя ушла ты далеко,
смотрю взволнованно вослед.

Винтовку крепче я сожму.
Мы всех врагов прогоним прочь.
И солнцем полнится душа.
Светлеет ночь.

Сентябрь 1965 г.

ЛОДОЧНИЦА

Ты связная. Тебе восемнадцать исполнилось лет.
На реке Анхоа ты встречала свинцовый рассвет. Сколько раз? Расскажи.
Будет дождь ли ночной или зной, разъярясь, припечет, ты мгновенно свяжи
один берег с другим в ураган или в полной тиши. Но свяжи, словно мост.

Уже в лодке была, когда небо едва рассвело, еще полное звезд.
Ты взялась за весло. Начался партизан перевоз. Всполошились враги.
Обстреляли тебя на стремнине широкой реки.
Но тебя испугать не смогли. Это все пустяки. Уж характер такой!

Вовсю пули свистели над самой твоей головой.
Не пригнулась в ответ. Поднялась. Рядом шквал огневой. Но, лицом весела,
ты смотрела вперед. Вражья пуля весло разнесла.
Ничего. Продолжала грести и обломком весла своей твердой рукой.

Ты смогла партизан переправить на берег другой.
Не увидеть тебя — ты слилась с предрассветной рекой.
Все вокруг говорят,
что одежда твоя словно феи волшебный наряд *.
Так случилось, что в день ты мгновенно меняла подряд
основные цвета.

То оранжевый цвет, словно в небе бескрайнем звезда.
То зеленый, точь-в-точь как волна. Ты могла без труда
цвет любой подобрать.
Это цвет вороной — на рассвете тебя не видать.
Этот красный, как кровь храбрецов. И вот желтый опять.
Всех оттенков не счесть.

Этот черный — цвет формы южан. Как народная месть.
Ослепительно белый, как платье у школьниц, тут есть.
Наряду с белизной —
фиолетовый, словно цветок на поляне ночной.
Каждый цвет закрывает тебя пеленой от коварных врагов.

Над рекой снова шквал огневой. Даже воздух лилов.
Ну и что! Твоя лодка скользит между двух берегов.
То сюда, то туда.
И в ней столько людей, что глубоко осели борта.
Еще больше возьмешь, если будет приказ. Не беда!
Бьется сердце в груди.

Твоя лодка уткнулась в песок. Что еще впереди?
Ты спокойно на берег сошла и мелькаешь среди
партизанок-подруг.
Я смотрю на тебя: ты мне кажешься ласточкой вдруг.
Знаю я, этим горд, состоит партизанский наш юг
из героев-солдат.

Твою лодку качает волна. То вперед. То назад.

Октябрь 1965 г.

ЧЕРЕЗ МОСТ

Посвящается двенадцати девушкам из Бенче, на своих плечах державшим мост, когда бойцы переходили через реку в Долине Тростников.

— Что дрогнули ваши шаги, нерешительны стали?
Пусть наши затекшие слабые плечи устали, но так ли,
как ваши?
Вы целые сутки в бессонной дороге, на марше.

Что ночь простояли в холодной воде мы — неважно.
Вам больше досталось.

Мы знаем, мы видим: вас большая мучит усталость.
Привал бы вам сделать, и вы отдохнули бы малость.
И стало бы легче.
Тяжелые диски натерли до крови вам плечи.
Дождем заливало, дорога была бесконечной. На этой
дороге

о корни деревьев разбили распухшие ноги.
Жалеем вас, сильных и стойких. В боях закаленные
долгих, отрядом единым
идете упорно залитой водою долиной.
Пришли, так всходите на мостик цепочкою длинной.
Быстрее! Не бойтесь!

Ведь держат его наши плечи и руки, заботясь
о вас, храбрецах. Торопитесь! Вы тут же вольетесь
в отряды другие.
Не мешкайте! Строем идите, бойцы дорогие.
Пройдете вы мост, отойдите чуть-чуть от реки и —
в атаку! Стеною!

— О девушки, бьет вас свинцовой накатной волною.
Вы словно опоры моста над стихией речною. Стоите вы
гордо.
В зеркальной воде отражается часть небосвода.
По взглянешь на вас, и тускнеет природа. Намного вы
краше.

Солдатское сердце забьется тревожно на марше —
я вас вспоминаю и плечи округлые ваши.

Октябрь 1965 г.

СТАРЫЙ САД

В старый сад я вернулся опять.
Как попало в нем пальмы лежат.
На заре не кричат петухи,
и огней в темноте не видать.

Не нашел я деревьев вутка —
посадил их ребенком давно.

Лишь пространство пустое кругом,
заросло сорняками оно.

У околицы лагерь врагов, —
погубили враги все сады.
Убежали крестьяне в поля,
их дома среди грязной воды.

Но крестьяне приходят сюда,
как появятся солнца лучи.
Засыпают воронки землей,
расчищают от грязи ручьи.

И стволы расщепляют у пальм,
вот и колышков высится ряд *.
А из пальмы, упавшей вчера,
блиндажа получился накат.

Партизаны таятся везде.
Так укрылись — не видно следов.
Окружили надежно врага,
он боится пустынных садов.

Как попало деревья лежат.
До чего же безрадостный вид!
Но взгляните: встал колышков лес,
и душа моя мщеньем горит.

Ноябрь 1965 г.

К КОКОСОВОЙ ПАЛЬМЕ

С детства помню пальмы у тропинки к дому.
Шелестели пальмы, навевали дрему.
Слушая, как ветер носится на воле,
бабушку спросил я: «Пальмы здесь давно ли?»

Бабушка сказала: «Маленькой была я
и под пальмы эти приходила в зной.
Земли здесь такие — топи и болота.
Голодали сильно мы в глуши лесной».

Двадцать лет как не был я в родной деревне.
Ливни проходили, жарила жара.

Бабушки могила скрылась под травою,
пулями на пальмах содрана кора.

Пальма, пальма, пальма! Даже в лихолетье
на упругих листьях глянец не погас.
Слышу, воет ветер — зов тысячелетий,
в нем мечи скрежещут, плещется листва.

Здесь, под этой пальмой, сам Нгуен Динь Тьеу *
выступил однажды. В чтение стихов
вслушался и вижу: армия повстанцев,
топями шагая, бьет опять врагов.

Вот стою под пальмой — как она взметнулась!
Рядом с нею поросль — нежный, мягкий цвет.
Новые окопы пахнут глиной влажной,
тут же вижу старый — давней битвы след.

Пальмовые рощи, вы не изменились,
разве еще больше вы любимы мной.
Из древесной плоти кровь текла — и дважды! *
Пальмы, как и люди, ранены войной.

Пальмы, вы стоите высоко и гордо.
Листья, как и прежде, влажно-зелены.
Корни в землю входят глубже год от года.
Так крестьяне наши с родиной слились.

Раненая пальма мужеством прекрасна.
Слышу твою песню, лишь наступит тишь.
Если упадешь ты, гибель не напрасна —
факелом горящим путь нам озаришь!

Край родимый в ранах, бомбами разбитый.
Пальмы его дети. Вечна эта связь.
Горечь всех пожарищ корни их вобрали,
но в плодах их сладость все же родилась!

Пальмовая роща — музыка природы.
Бабушку представлю — снова боль в груди.
В детстве, замирая, сок я пил кокоса,
но не знал, что будет горе впереди.

Вверх смотрю на солнце: вешнее, литое.
Родина свободна — ждали мы того!

Бабушки лицо я вижу молодое,
в памяти возникло — не забыть его.
Так же, как и пальмы у дома моего.

Январь 1966 г.

РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА

То детства моего река.
Пролеты длинного моста.
Поднявшись с мамою сюда,
смотрела вниз: сошла вода.
Стояла сушь и духота.

В протоках — рыба. Мелкота.
Лежала, выбившись из сил:
ушица будет на обед.
Бреду за мамой я вослед,
проваливаюсь в топкий ил.

То детства моего река.
И волны плещутся вблизи.
Но джонки детство увезли
туда, где есть морской простор.

Да, двадцать лет прошли с тех пор.
Опять я подошла к реке.
Лежат креветки на песке
и смотрят на меня в упор.
Черны стволы кустистых пальм *,
их пламенем обжег напалм.
Но ветер песню вдруг запел!
Но листья все же зелены!
О, сколько бездыханных тел
родных и близких, жертв войны,
на гребне вздыбленной волны
качалось.
Водой тела унесены.
Багрила кровь речной поток —
сраженье шло у берегов.

Идут бойцы. За строем строй,
и мост дрожит от их шагов.

Пролеты длинного моста.
Я здесь. Я не уйду с поста.
И не пугает высота,
когда я прихожу сюда.
Все та же сушь и духота.

В реке опять сошла вода.
Но вдруг я вижу: у воды
о неужели, мама, ты?!
В руках корзина. Рыба в ней.
Твоих ступней видны следы,
точь-в-точь
расцветшие цветы.

То детства моего река.
Там волны плещут в берега.
И джонки длинные плывут,
чтоб с нами вместе бить врага.

Март 1966 г.

ФАКЕЛ ИЗ ЛИСТЬЕВ КОКОСОВЫХ ПАЛЬМ

Любимая моя, тебя враги убили.
Сжигает душу месть.
Вот факелы твои — ты скручивала их.
Но нет тебя в живых.
Мне люди говорят наперебой:
«Учительница бросилась в огонь,
детишек двух спасла, пожертвовав собой».
О волосы твои! Так листья пальмы глянцево блестят.
Но волосы напалмом сожжены.

А ведь еще недавно, как-то вдруг,
увидел я, как стайка птиц вокруг
тебя кружила. Ты скрутила жгут
из листьев пальмы, вслед за ним другой.
Они горели ночью над рекой,
когда бойцов перевозил паром в дождь проливной.

Еще вчера ты встретилась со мной.
Стояла с факелом горящим на виду,
светила мне, купался я в пруду.

Глаза твои — две трепетных звезды —
роняли свет на гладь ночной воды,
горел вблизи слепящий факел твой,
и запах шел дурманный, огневой.
Так остро пахнет треснувший кокос,
так пахнет водопад твоих волос.
Любимая моя, тебя враги убили!
Сжигает душу месть.
И нет тебя, и все-таки ты есть.
Ты словно факел,
грозный, огневой.
По всем дорогам буду с ним шагать.
Твоих убийц я должен покарать!

Я словно в детство возвращен опять.
Передо мною школьная тетрадь.
В стихах — твой свет. Ему всегда сиять!
Родной и ласковый, неугасимый свет.

1966 г.

НОВАЯ ШКОЛА

Враг школу разбомбил, одна доска осталась,
на ней темнел осколка след кривой...
Упали листья пальм, обожжены напалмом,
на чистые листы роняя пепел свой.

Но вскоре дети в школу новую ходили,
отмыли доску, чтоб писать родную речь,
а листья пальм ребята сохранили,
чтоб сделать факелы и вечером зажечь.

У новой школы запах как в траншее.
Горит фонарь, глаза детей ясны...
Вот стерт урок, и на доске виднее
снаряда след — почетный шрам войны.

По вечерам ученики идут из школы,
и столько радости в их звонких голосах,
трепещет пламя факелов веселых —
нам дети свет несут в своих руках.

Январь 1966 г.

НОЧЬЮ САЖАЕМ РИС

Как ночами сажаем мы рис — никогда не забыть.
Хоть работа у нас тяжела, продолжаем шутить. Виден
свет фонарей.
Дорогая моя, попроворнее будь, побыстрей
управляйся с рассадой, немало осталось полей. Я на
страже стою.

Охраняю тебя, и поля, и деревню мою.
Бьют орудья в Бенче и Мокае. Я звук узнаю. Бьют они
по врагу.
Моя матушка, ты настрадалась на долгом веку,
наработалась ты. Отдохни. Я тебе помогу. Но тебе дорога

и минута. Твоя перебита осколком рука,
а работаешь так, словно хочешь унизить врага.
Разбомбил он дома.
Не оставим родные места, не сойдем мы с ума.
Будет время, и рисом наполним опять закрома. Это
время придет.

Потому и сажаем мы рис, наклонившись, всю ночь
напролет.
И, блистая надеждой, грядущее вдруг прорастет.
Из ночной темноты.

Посмотри на поля, они краше, чем летом цветы.
Зеленеет рассада среди неподвижной воды. До чего ж
хороша!
Кукарекает где-то петух. Мы стоим чуть дыша.
Тишина. Небо в звездах, но ночь безвозвратно ушла.
На полях созревающий рис...

Март 1966 г.

КОЛЫШКИ ИЗ БАМБУКА

Вот она, яма-ловушка, и колышки в ней из бамбука.
Ядом обмазаны, острыми смотрят концами.
Вражеской армии, знаю, не справиться с нами.

Вот она, яма-ловушка, и колышки в ней из бамбука.
Майские грозы пройдут, громыхая, над нею.
Грохот войны беспощаднее, жестче, мощнее.

Вот она, яма-ловушка, и колышки в ней из бамбука.
Снизу ощерятся грозно, как будто дреколье.
Матерь-земля мне роднее — одно у нас горе.

Вот она, яма-ловушка, и колышки в ней из бамбука.
Время придет, иноземного духа не станет.
Радостно я запою для тебя, боевая подруга!

Март 1966 г.

Я СМОТРЮ НА АНДЫК *

Я смотрю на Андык.
Там могила Динь Тьеу. Она в зоне врага
и колючей проволокой взята в кольцо,
потому что поэт — среди нас, партизан.

Я смотрю на Андык.
Золотая на нем пелена.
А закат отгорит, в тот же миг
из могилы поэта прозрачная всходит луна.

Я смотрю на Андык.
Сквозь вечерний туман
вижу я партизан.
Они в зоне врага
и лежат за могильным холмом.

Апрель 1966 г.

ОБРАЗ ВЬЕТНАМЦА

Ты внезапно упал на горячий бетон Таншоннята *.
Но поднялся рывком, снова к схватке смертельной готов.
Так и умер стреляя,
огнем своего автомата
устрашая трусливых врагов.

Ты вставал в полный рост, и бросались они врассыпную,
в страхе прячась от пуль, приползали к твоим же ногам.
Ты погиб как герой. И судьбу ты отверг бы иную.
«В наступленье, вперед!» — твое сердце командует нам.

Недвижимо стоишь, как из бронзы отлитый.
Простоту воплощая и честь.

Иноземных вояк, тобою в сраженье убитых,
здесь немало лежит — их не счесть.

Не оставил нам фото, не знаем мы адреса близких.
Незаметно ты в вечность шагнул. Не вернешься назад.
Отчеканен в веках, над страною ты встал обелиском.
Пусть узнают потомки, каким был вьетнамский солдат!

Ты обычный боец. Но храбрее не знали солдата.
Твоим именем гордым теперь называют страну.
Ты в бессмертье уходишь с бетонных полос Таншоннята,
и отчизна с тобою вступает в Весну.

Март 1968 г.

ЗЫОНГ ХЫОНГ ЛИ

ЛЮБИТЬ ДРУГ ДРУГА, ЗАБЫВАЯ О СЕБЕ

В командировке находясь, все вспоминаю,
Как в джунглях жили мы, работая над сводками
с фронтов;
Была там девушка, что весь сезон дождей
По джунглям, залитым водой, бродила в поисках ракушек
и корней.

День быстро пролетал, и быстро ночь на землю
опускалась,
Нас настигала у костра усталость.
Мы вместо угля жгли сухой бамбук
И слышали сквозь шум дождя машинки нашей стук.
Горели строчки новостей у нас перед глазами,
Дрожали пальцы рук твоих, встревожены боями,
Слетались из лесу пернатые друзья и бодрствовали
вместе с нами.
Все трудности нам были по плечу,
Да, птицы, спать я вовсе не хочу.
Ведь скоро утро, птицы, голодны вы, птицы?

Сезон дождей — и голод, голод, голод,
Сезон дождей — но ждали сотни дел,
И год как день один короткий пролетел;
Перебазировались часто мы и часто рисковали,
Когда в корзинах за плечами мы таскали
Депеши, маниоку, кур, оленье мясо, рис —
И бомбы с Б-52 * на нас неслись
В квадрат А7, А5, А9 — эти коды мы запомним на всю
жизнь.

А наши зонгом * крытые времянки,
Змеиные овраги, комары, пиявки
И приступы жестокой лихорадки!

Расщелину я вспоминаю средь камней,
На сваленном бревне мы отдыхали в ней —
Опустишь наземь с плеч корзины
И у костра подкрепишься жарким змеиным.

Года и месяцы, соленые как соль,
Открыли настежь души, где одна на всех таилась боль.
Мне так понятно все, что чувствовала ты,
Что вдохновляло все твои труды —
Что было в блеске глаз товарищей твоих,
Ведь каждый думал только о других:
Любить друг друга, забывая о себе,
Любить, любить, любить друг друга, забывая о себе.

Биенье всех сердец, объединившихся в борьбе,
Жило в тебе, как правда главная в одной людской судьбе.
Погибших и живых сердца,
Решившись выстоять до самого конца,
Стучали горячо в тебе —
Любить, любить друг друга, забывая о себе.

ЗДЕСЬ, ГДЕ Я ВНОВЬ ПОСТИГАЮ АЗЫ

Забыто столько слов, но здесь я снова
хочу постигнуть смысл родного слова.

Здесь,
в сырости землянок, в поздний час
лежу, подолгу не смыкая глаз.
Под взрывы бомб у бездны на краю
я в рифмах изливаю боль свою.
Все говорю, ни слова не таю.
Жизнь. Смерть.
История. Народ.

Здесь,
где геройства взлет и где коварства дно
тебе воочию увидеть суждено,
все истины проверены давно.
Тут вера каждая сто крат закалена
и кровью красною сто крат окроплена.

Здесь,
где убийц карают в тот же час,

где ренегата маска не спасет,
героям пьедесталы не нужны.
Живя в окопах, в пламени войны
они воюют, любят, сеют хлеб,
и всей земле их подвиги видны.

Здесь
сущность жизни вдруг открылась мне,
здесь наконец я красоту постиг.
Что я могу поведать об огне
им, кто огонь хранит в сердцах своих!

И к каждой паре глаз, глядящих на меня,
я ощущаю нежность и любовь.

1975 г.

СОН ФЕИ-ГЕРОИНИ

Ты спишь. Зеленая листва колышется, легка,
Поет в кокосовых стволах прохлада ветерка,
И белый полотняный тент, простершись над тобой,
Как бабочка, трепещет от движенья гамака.

Орудия врага все так же с кораблей палят,
И самолеты над тобой, как хищники, кружат,
И бомбы, воя и свистя, по-прежнему летят —
Ты просыпаешься на миг и вновь спокойно спишь.

Чудесен твой прекрасный сон, мгновенный тихий взгляд,
Ты словно фея, что хранит волшебный этот сад,
Мила, как эта полноводная река Тхубон,
Чьи волны теплые тихонько рядом с фронтом спят.

Кто б знал, что накануне ты с четверкой смельчаков
Вела жестокий бой на тесных улицах ночных,
И что прорвался твой отряд сквозь целый полк врагов —
Ты героически прошла через огонь и сталь.

И вот сейчас спокойно спишь ты в гамаке,
Сквозит цветочный запах в теплом ветерке, меж редких крон
Сияет солнце, золотя твой тихий сон.

И пташек пусть вокруг звучит веселый звон, чтоб сладок
был
Покой сестрички нашей младшей, чтобы сил
Набраться ей, покуда мрак не наступил — ведь вновь она
Уйдет сегодня ночью в бой, едва луна зайдет за тучи...
Тебя укачивает ветерок,
И на губах улыбка расцвела.
Какой же сон тебе присниться мог,
Что на уста твои весна пришла?

1975 г.

НГО ВАН ФУ

ДЕРЕВНЯ ЗЕЛЕНЫХ ПАЛЬМ

Деревня зеленых ко *
                    на боку
                              лежит.
Деревня зеленых ко
                    по-людски
                              дрожит
От ветра, сводящего мир с ума.

Деревня зеленых ко! Годы, беды и тьма
Теперь отступили. И мама сама
Должна появиться на оклик мой: «Ма!»

А там, на холмах, над моею любимой
Зеленые солнышки — листья ко.
Их тысячи тысяч над ней, над одной,
Смыкаются невысоко.

Друзья говорят: ты не зря, мол, знаком
С наречием пальмовой этой деревни.
Смешно мне: я в рисовой вырос округе
И все-таки лажу с любым языком.

Четыре сезона живу в окружении ко,
Четыре сезона поют мне беспечные птицы.
И голос ветра вошел в меня глубоко,
И начали пальмы в стихах моих мирно
                                        селиться.

А север и юг для друзей открывают границы.
Зеленые ко заключают в объятья гостей.
Проносится спутник во власти больших
                                        скоростей —

Он виден ночами.
Днем виден мне радуги мост над домом моим.

1973 г.

ВЕЧЕР В ТАМДАО *

Здесь буйволы бродят в дремоте вечерней,
Дымки над листвою уходят в зенит.
Вбирают тепло шелковичные черви,
И под ветерком кукуруза кипит.

Хвоинки осыпали сплошь буйволенка.
Проселок красиво змеится сквозь день.
На полосы джунгли сейчас разделились:
Тут яркое солнце, там ливень и тень.

Но прячется солнце за выступы гор.
Волненьем душистые травы объяты.
Вечернего неба печальная сень.
Луна как гамак, что провис под солдатом.

Госхоз ароматами мирными манит,
Напев над Тамдао взлетает легко.
Я вспомню о солнце, дожде и тумане,
Уехав из этих краев далеко.

1978 г.

АНАНАСЫ В ГОСХОЗЕ

Давно ли, о холмы, взошла луна?
Для встречи с нею тороплюсь я в горы.
В долинах урожай созреет скоро.
Давно ли, о холмы, взошла луна?

Лежит земля в знакомом блеске рос,
Ее всегда могу узнать я.
Тебе, родная, так близки понятья:
Твои поля, твой рис и твой госхоз!

В лучах луны белеют тропки и трава.
Пойдем гулять с тобою до ночного часа —
И пусть, родная, листья ананасов
Цепляются за наши рукава.

Я прикасаюсь к дереву на обочине,
Я прикасаюсь к листьям и туманам,
Я прикасаюсь к легкому ветерку —
И ощущаю в ночи ананасовый аромат.

А смех и песни молодо звучат
С холмов на западе и на востоке.
Здесь смех и песни можно пить, как соки,
Здесь смех и песни молодо звучат.

Луна плывет над ними — с ними в лад.
И, внемля мирным звукам над долиной,
Ты чувствуешь: тебя подъемлют крылья
Над краем созревающих плодов.

Плодами пахнут даже облака.
Начнется утро сбором урожая.
И, жар свой в ананасный аромат преображая,
Протянет солнце к нам лучи издалека.

1978 г.

СПОКОЙНЫЙ ВЗГЛЯД

Зеленое поле — всегда ему рад
Спокойный, уверенный взгляд.
Но осенью солнце не греет.
И ветер все злее, и листья летят.
А жизнь продолжается в ритме обычном:
Цветы распускаются,
птицы поют,
поля золотятся,
сады плодоносят...

Как прежде, я песню пою о Пяти Тоннах *.
А ночью в селе — от больших городов далеки —
Горят керосиновых ламп огоньки.
И сладкие песни звучат о влюбленных.
О ясность рассветов, когда изменялась земля,
Когда поливными, трехъярусными становились поля.
А жатки цеплялись за изгороди и за кусты.
И новому рису, к земле привыкавшему тяжко,

Нужна была новая, очень глубокая вспашка.
По силам ли буйволу это, как в прежние годы?

Зависело многое и от погоды:
От ветра, от засухи и от туманов, холодных до дрожи...

Прекрасные лица у нынешней молодежи.
Борясь со стихиями, не оставаясь в тепле,
У нас молодежь загорелась любовью к земле.
Ей труд этот в радость, хотя он порой и тяжел.

Месяц большой засухи над округой прошел.
Черпаки прорывали канавы летними ночами,
Насосы на рисовые поля воду качали.
Песня, будто бы клятва, звучала над нами, чиста.

До самого края дамбы поднималась вода.
И плеск ее переплетался
С нашими встревоженными голосами.
И казалось: тела и одежду покрыла грязь навсегда.

О сезон осени! Средь многих твоих примет
Жив ли этот естественный, этот зеленый цвет?
Август пришел.
В полях повсюду молодо поднялся рис.
Струи арыков новых звучно переплелись.
Солнечного вызревания наступила пора —
И не страшны посевам ныне дождь или жара.
Земля — это мать риса. А у нее на виду

Я по селу иду.
И в глазах любимой отражаются небо,
И кустики риса, и пять этих трудных месяцев.
После тревоги радость готова расти до звезд.
«Вон кто-то в ноне переходит через мост» *.
И все же те песни доносятся с разных сторон.
Никогда еще этим
не был я так опьянен!

1978 г.

БАНГ ВЬЕТ

БЕТХОВЕН И ЭХО

Посвящается А. М

1

Что скажешь ты, мой друг, о четырех ударах*,
о четырех воззваниях к борьбе,
о четырех зовущих в бой фанфарах,
о четырех пощечинах судьбе?

Великая душа полна великой боли!
Покоя сердце львиное не ждет,
кругами источает волны воли
и в будущее их передает.

Не жди от этой музыки красот,
в ней клич трубы, сраженья гром и топот,
в ней гневная рычащая Европа
и ненависть несущий водопад...

Но истина рождается в борьбе —
слова упали в душу человека,
на рубеже сошлись два века,
противоборствуя судьбе.

2

И вот в Европе ты, здесь все спокойно,
из музыки исчез мятежный дух,
мелодия звучит легко и стройно,
Бетховен звуками ласкает слух!

Ты возле озера, вода его так близко,
и музыка на лоне темных вод
слегка дрожит, сияя лунным диском*
и, пряча гнев, печальная, поет.

Не знаешь ты, что эта же луна,
чуть скрытая слепым ночным туманом,
в двадцатом веке станет партизаном,
что вовсе не бесчувственна она!

А что же Эгмонт? * Слышишь эти звуки?
В них стоны угнетенных, гнев рабов,
в них звук меча — им праведные руки
бесстрашно разрубают сталь оков.

Сегодня Эгмонт вновь на эшафоте
и та же поднятая гордо голова,
и перед тем, как вы его убьете,
он скажет вещие свои слова!

3

Средь века — раскаленного горнила —
должны мы о спокойствии забыть,
жизнь надвое планету поделила,
и посредине мы не можем быть.

Четыре мощных роковых удара
рвут душу, но взгляни, как мир жесток:
везде следы сражений и пожара,
обстрелов, танков, вражеских сапог...

Когда же братство свяжет всю планету,
любовью утолив тоску сердец? *
Бетховен столько лет
мечтал об этом,
Бетховен
как товарищ,
как боец...

Наш век в огне растит цветущий сад...
Так не давай остыть горячей крови,
борись,
чтоб сердце было наготове,
пока четыре эха
бьют в набат!

Карпаты, 1964 г.

ШКОЛЬНИКИ ИЗ ХАТИНЯ

Посвящается Вану.

Прямо у кладбища ход сообщенья.
Лампа горит. Глубина два метра.
Две головы видны в круге света.
Что это? Где это?
Такого планета еще не знала!

Коперник и Ньютон с детьми под землею,
с детьми под землей Пифагор и Эвклид.
Под землей, рядом с кладбищем лампа горит.
Рядом с кладбищем будущего начало.
Кто эти дети? Чьи они?
Такого планета еще не знала!

Враг будет изгнан.
Вырастут дети.
Поведут трактора. Построят дамбы.
Электричество в селах получат крестьяне.
Весь мир притихнет у этой ямы,
ибо здесь
зажигалось его сознанье.

1966 г.

ЧЕЛОВЕК, ОХРАНЯЮЩИЙ ДОРОГУ

Холмы, в них осколки снарядов, торчащие иглами
дикобраза,
они тебя мучают, как старые шрамы...
И ты, недоспав, стиснув зубы, выходишь с зарей
из палатки,
надежно азид запрятан в крупинки взрывчатки.
Никто здесь не ходит, прошел ты один.
Смерть тихо лежит под землею, дождями прибитой,
дорога закрыта, и снова открыта,
здесь смерть притаилась
и ждет проходящих машин.

Торпедам в Хамжонге * ты не дал взорваться,
девятиглазые чудища эти
ты ослепил, ты их все обезвредил.
Никто здесь не ходит, здесь первый был ты.

И ночью в палатку из темноты
доносятся звуки машин проходящих, —
в нем есть задушевность, в этом шуме,
и вот ты встаешь, выходишь и слушаешь
голоса и раскаты, летящие с Юга на Север,
во тьме ты в лицо никого не увидел,
но радостных много услышал вестей...

Всю ночь в темноте сквозь тревожные сны,
ты слышал: пульсирует, словно артерия,
дорога, бегущая в синий простор...
Ты первый узнал это место, сапер!
И знаешь, что там на колесах машин
отпечаталась красная глина * Весны!

1967 г.

ГОРОДОК

Что-то есть уютное, живое
в этих улочках спокойных, нешироких,
ярко-красные цветы капоки *,
курица кудахчет у сарая,
солнце гладит стены, угасая,
ненаряден он и невысок,
неприметный этот городок.

Ты по этой проезжал дороге,
не вникая в здешние тревоги,
но вернулся —
стоп!..
Пожар! —
ты вышел...
Бомба запалила эти крыши...
Ты стоишь растерянный в молчанье,
только в сердце боль и состраданье...
Где те дни, тот ветер медоносный,
смех детей на улицах и в скверах,
где они, те осени и вёсны,
лозунги бумажные на стенах,
те подвешенные фонари,
все, на что ты, мимо проезжая,
равнодушным взглядом поглядел, —
ветки, что над окнами нависли,
листья, устилавшие панель,

женщины, жующие бетель,
девушки с ведром на коромысле?
Ты присел и трубку закурил.
Где все это? Все ушло куда-то...

Ненависть свою хранишь ты свято,
чтобы гнев твой в сердце не погас,
чтобы мстить за городок, который
равнодушно проезжал не раз!

1967 г.

СЛУШАЯ ЗЕМЛЮ

Село у шоссе...
Этой ночью отсюда уходят все.
В горле комом гнев. Оставляя село,
слушают люди — вздыхает земля тяжело...

Завтра враг сбросит бомбы, до сердцевины
землю родную опаляя...
Вещи уже взвалены на спины.
Ты слышишь, мать? Это дышит земля...

Здесь ты всю жизнь трудилась, мать,
ты рис сажала в поту и в пыли,
ты знаешь здесь каждый клочок, каждую пядь,
ты понимаешь душу земли.

О резкий запах деревьев нагретых
в марте, когда возвращаются ветры,
о этот пьянящий запах зелени
в декабре, когда поднимают землю!

Но на эту ночь сердце с болью оглянется!
Разлука все ближе...
Завтра все уйдут, но земля останется
умереть или выжить.
Земля дышит (чем ближе к рассвету, тем глубже,
как душа живая она живет).
Земля дышит (чем дольше, тем глуше,
тем грознее,
как сила подземных вод).

Ты слушаешь ее низкий голос,
это — слово земли, ее вещий зов,
ее единственное извечное слово,
преодолевающее любых врагов.

Земля!
Где на свете войско такое,
чтобы смогло тебя одолеть?
Ты дышишь дыханьем своих героев.
Так было.
Так есть.
Так будет впредь!

МГНОВЕНИЯ, РОЖДАЮЩИЕ ФУ ДОНГОВ *

Крик ребенка, настойчивый и громкий...
В землянке темно, копоть и чад.
У повитухи руки дрожат —
как перевязать пуповину в потемках?

Бомбы падают, слышны разрывы,
кажется — земля раскололась!
Все сильнее едкий запах бензина...
— Девочка или мальчик? —
это мать подает голос,
с трудом приподнимаясь на постели.

Повитуха поднимает ребенка к краю щели,
где полоска света идет снаружи...
В небе ночном самолеты кружат,
словно дикие звери...
Осветительные ракеты в поисках цели
падают, освещая капли пота
на лбу матери... где-то ухает глухо...
В темноте суетится повитуха,
и вот перевязана пуповина.
Перед каплями фосфора, в парах бензина
ребенок глаза открывает впервые,
перед этой враждебной стихией,
перед чудовищами, перед зверями,
что там во мраке летают кругами.
И к горлу подкатывает злоба...
А взрывы ухают опять и опять.
Землю словно трясет от озноба...

Ребенка к груди прижимает мать,
ей кажется, что смерть на пороге,
что небо навеки мрак затмил...
А ребенок спокоен,
он не знает тревоги —
он голосом чистым, как горный источник,
издает первый крик,
приветствуя мир!

1967 г.

ЛЮБОВЬ И ТРЕВОГА

1

Я держу твою руку, мы идем под дождем,
говорим о том, что будет завтра.
Мы идем, улыбаясь, по бульварам Ханоя.
Тревога кончается, звуки отбоя.
И мне хочется сказать что-то злое,
но слова не приходят... Мы с тобою,
улыбаясь, идем по бульварам Ханоя.
Замирают в воздухе звуки отбоя...
Как отрадно, что снова приходит осень!
Помнишь, как на дежурстве сидели мы двое?
Я держал твою руку, я слышал твой пульс,
как пульс времени... Пульс был спокоен.

2

В пожелтевшем саду сохнут вялые листья,
Солнца свет, словно взор, молодой и чистый,
светящийся счастьем.
Прежде я не думал об этом.
На Красной реке поднялась вода.
Ты провожаешь меня через мост.
Он поднял два разбитых пролета...
В Красной реке спала вода,
когда я вернулся...
Взявшись за руки, мы перешли через мост,
по обе стороны Лонгбьена
тростник выпустил свои острые метелки...
Вот оно, счастье, — совсем простое!
Прежде я не думал об этом.

3

Никто не вернется в каменный век! *
Мы с презреньем бросаем врагу свой ответ.
Три года нас врозь уводили дороги,
столько раз слышал город сирену тревоги...
Ты научилась тушить пожары,
деревья сажать вместо тех, что сгорели,
научилась во имя завтрашней цели
стрелять во врага...
Три года, любимая,
мы с презреньем бросаем ответ врагу:
никто не вернется в каменный век,
ибо умеет любить человек!

4

Годы, что миновали, показались длинней, чем
обычно,
годы, что миновали, спокойных не знали дней.
И пусть в них были тревоги, были печали,
стоило вспомнить друг о друге,
и крохи счастья грудь согревали...
Годы, что миновали... ничто не идет в сравненье!
Три года лицом к лицу с врагом — это немало...
Как сердцу отрадно, что снова осень!

5

Мы теперь так привыкли к переменам,
что восхищаемся самым обычным:
в нашем городе дождь, цветы на деревьях
и цветы дождя, словно бутоны,
распускаются на твоих волосах...
Ты свежа, как весна,
как цветок абрикоса, нежна,
после стольких болей и страданий
ты любви бесконечной полна...

6

Сейчас, после всего, что было,
я хочу сказать злое слово,
но оно не приходит... и, любуясь осенью снова,

ее красочной удивляюсь палитре,
понимая чудовищность всякого кровопролитья
пред лицом милосердной и щедрой природы,
голубого зеркала небосвода,
освещающего мечты твои и мои,
миллионов людей, сплоченных надеждой!

1967 г.

СРЕДИ ЛЮДСКОГО ВОДОПАДА

Река, дойдя до дельты, поднимает высокие волны.
Сливается с цветом джунглей
цвет одежды солдат.
Аист крыльями машет, летит на красный закат...
Немного непривычно, а впрочем, вечер как вечер!

Паром, что нас перевозит, идет обычным ходом,
на том берегу обезврежены бомбы саперным взводом.
Здесь нет числа машинам
и нет числа солдатам,
мы смотрим в глаза друг другу,
и каждый становится братом...

Войска через реку Кау идут и идут сквозь потемки,
тянутся вереницы машин через реку Ма.
На Красной реке мелькают огни — это наши джонки,
где два рукава вливаются, там поднимаются волны,
где три — там от клаксонов гудит ночная тьма...

Сила гнева непобедима, все покорно ее движенью,
идут полки, во мраке мерцает касок блеск.
Гора укрыть хотела своей унылой тенью
весь Млечный Путь, упавший на эту землю с небес!

Как хочется в этот вечер ритм большого сердца
в один водопад бескрайний, в один поток сомкнуть,
как хочется отметить каждый столб телеграфный,
запомнить каждую ветку, что нас провожала в путь!
О водопад необычный, в эти часы ночные
несешь ты пенные воды, подобный мощной стихии,
среди шагов миллионов, несущих радость во взоре,
в тебя вливаются люди,
как реки вливаются в море!

О водопад могучий, великий, безграничный,
ждет тебя вечная слава в конце твоего пути!
Так становись бессмертным, выйдя из ночи
обычной,
чтобы босыми ногами
в историю войти!

1968 г.

В ВИНЬКУАНГЕ

Дети выходят из подземелья,
детские взгляды меня обжигают,
сердцу от них и больно и жарко,
здесь, на этой земле Винькуанга...

Я забыл обо всем, что прошел и увидел,
только эти убежища не забуду,
солнце, траву, цветы морской ряски
и детей, удивленно глядящих на море,
удивленно глядящих на высокое небо...

И теперь я сам себе удивляюсь —
двадцать восемь лет на земле я прожил,
а до сих пор не знал расстоянья,
расстоянья в десять метров
от темноты до яркого света,
кратчайшего
между войной и миром,
длиннейшего —
детской души ожиданья!

ЛИРИЧЕСКИЕ СТРОФЫ МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

1

Я не искал покоя и тепла,
но встретил я тебя во время потрясений.
Уже разлился паводок осенний,
снят старый рис, посажена рассада,
засыпаны воронки от снарядов.
Вбирая соки в искалеченное тело,
деревья, оголенные обстрелом,
зазеленели, к ним вернулись птицы,

листва отбрасывает тень на лица,
приходит осень, нам плоды даруя.

И на тебя, любимая, смотрю я —
чуть порыжели волосы от непогоды,
твоя улыбка кажется спокойной,
рисунок губ стал мягче и нежнее...
Цвет солнца на твоих руках — они трудились,
и строгость придает лицу чуть видный шрам...
Твоя душа вдруг стала мне понятна...
Я все связал с тобой — и радость обновленья,
и муку прошлых дней, и слезы возвращенья,
цветы и травы, аромат земли,
все мысли и надежды...

2

Все делится — еда, одежда,
лишения всех сделали добрей.
Страдания очистили людей,
ведь на земле пришлось нам вместе жить!

Горячая еда, неяркий лампы свет,
и на душе уже теплее.
Под крышу детства возвратились дети,
привыкшие носить тяжелый груз
не по годам...

Ты подошла ко мне...
Как много надо нам сказать друг другу!
Огромна жизнь — до головокруженья!
Твой смех и говор твой сливается с моим —
но нет, я слышу собственный твой голос...
Отринув все недавние сомненья,
ты вспомнила все прежние мечты.
В едином ритме дышим я и ты,
и оба делаем назначенный урок,
пусть больше с каждым днем заданий и тревог,
да, встретились мы в потрясенном мире —
но он воспрянет, станет чище, шире,
воспрянет все — поля, дома, цветы
и всходы вновь ковром устелют землю,
мать будет снова петь над колыбелью,
и снова будут крыши и мосты...

3

Пора проститься. Видишь, с высоты
нам радуга сиянье посылает.
Нас ураганный дождь уже не испугает.
И я тебя целую на прощанье...
Итак, опять расстаться нам пришлось,
мы всю войну с тобою будем врозь, —
но не разлука ли нас так спаяла?
Любовь, как соли яркие кристаллы,
окрепла, словно стала чуть иной...
И, улыбаясь, ты прощаешься со мной.
Пусть сотнями дорог мне суждено
идти, сражаясь, — знаю я одно, —
в конце с тобой я встречусь все равно!

1969—1970 гг.

ДОЖДЬ В ДЖУНГЛЯХ КОНЧИЛСЯ

Дождь в джунглях кончился, все стихло понемногу,
клубится над долиною дымок.
Мы вышли наконец на новую дорогу,
земля уже обсохла под лучами,
дрожит туман над дальними холмами,
и снова мир стал светел и широк.

И ветра дремлющего дуновенье
стерни подгнившей нам несет тепло,
и голос джунглей слышен в отдаленье,
их аромат вдыхая полной грудью,
идем, и в небе чисто и светло.

Не знаю, что тебе сказать, — шесть лет,
шесть долгих лет над нами небо грохотало,
земля землею быть переставала,
чинили мы дороги под дождем,
он шел всю ночь, шел рано утром, днем,
от холода ночами кости ныли,
и письмами не баловал нас тыл.

Все это время я тебя любил...
Рис пригорал в походных котелках,

и дымом от костра я весь пропах,
вода и пища не всегда была,
и мхом земля в укрытье поросла...

Бросая гроздья осветительных ракет,
враг с неба и с земли вынюхивал наш след.
Но был все так же верен я машине,
я спать привык недолго, до гудка,
известно, жизнь солдата нелегка,
пожалуй, нет другой такой на свете!

Поднялся ветер, да, поднялся ветер,
над кронами уже блестит рассвет...
Цвет удивительный, небесный цвет
от нас с тобой исходит, словно чувства
растут в груди, и мы с тобой идем
нелегкою дорогой легендарной
под тем незабываемым дождем...

1970 г.

ЛИЦА И НЕБО

Здесь шел недавно бой, и вот он далеко!
Бойцы собрались в путь, но на душе легко —
прощаясь, все спешат о встрече сговориться,
как истина сама обычны лица —
они явились в мир, чтоб небу удивиться!

Где б ни были, долг жизни мы несем —
печурки под землей полны огнем,
там варится еда, бурлит котел веселый,
обеда дети ждут, глаза туманит голод,
но снова свет небес сегодня вижу в них!

Мы помним женщин Чьонгшона, подвиг их,
когда последний рис они нам отдавали,
мы помним девушек в Тхыатхиене *,
которые безмолвно погибали
за то, чтоб небеса над родиной сияли,
их нет, но их глаза по-прежнему горят...

О ночи в Куангчи! * Ты помнишь этот ад,
когда в атаку шли на смертных рубежах,
не замечая слез, вскипевших на глазах...

В тебе ль искать покой, страна боев и грома!
Здесь каждое лицо мне мило и знакомо,
о лица юношей, седых фронтовиков,
суровых матерей, голодных стариков,
простые лица те, рождаясь здесь веками,
они свой свет на нас льют вместе с небесами.

1970 г.

СЕРДЦЕ ЭТИХ ЛЕТ

О самом важном, самом сокровенном
привыкло сердце гордое молчать.
Но хочется ему кричать,
увидя вместо сел обугленные стены...

Оно хранит как дар бесценный
любовь и нежность к человеку,
но, видя школьника-калеку,
оно кипит от жажды мщенья!

О годы вечного сердцебиенья,
когда, сомненья все преодолев,
оно едва вмещало гнев
и требовало искупленья!

1970 г.

СТОЯ ПЕРЕД ДВАДЦАТЫМ ВЕКОМ

Мутная пена Шуши.
Сырость промозглых осенних ночей,
Бегущая река, как в старой сказке,
Тиха и печальна.

На эти места часто смотрел Ленин.
Просторы полей с пожелтевшей увядшей травою.
Метели приходят ночами, пронзительно воя,
И небо от снега ослепло.

Пруд Перова — глухая вода цвета черного пепла,
Табачный настой за столетья опавшей листвы.
Весною туман, словно кислые дрожжи, рождает брожение в нем,
Подводные травы гниют в душном мареве знойного лета.

Как жизнь застоялась эта!
Деревья, с которых листва облетела, сухие, нагие.
И в хвое зеленой деревья — и те и другие
Вы за зиму в трещинах все, мучат вас и мороз и пурга.

Река и луга.
За долгих три года вы Ленину стали друзьями.
В глуши, в тишине,
Сколько вы мыслей вызвали в нем,
Рыбаки, мокнущие и мерзнущие день за днем,
С лицами увядшими и пожелтевшими, как трава от жара,
Охотники, в которых от голода едва держится душа,
Понуро сидящие подле шалаша?
Ленин пришел в их жизнь,
В мечты простые бедного человека.

В ночь на исходе года раздували трут,
Подносили к листьям, и пламя словно бы устало,
Готовое погаснуть, слабо трепетало,
Но потом вся груда разом, рьяно
Вспыхивала, и высокий огонь, поднявшись до неба,
отплясывал пьяно.

Вот оно! Все начинается с искры!
Ленин смотрел на гудящее пламя.
«Искра — начало всего!»

Ленин вернулся. Всюду спали.
Скоро растает лед. Но реке еще тяжело.
В эту ночь деревья морозом свело.
В новогоднюю ночь, среди запустения, только ветер
по небу гудел.

Никто не знает, сколько он сидел
Этой ночью,
И планы великие словно воочью
Пред ним возникали.

Великие яркие мысли рождались
О Партии, о Революции скорой,
И пламя в ночи поднималось черной,
Колеблясь от буйного вихря!

Это была последняя ночь
Девятнадцатого века — растаявшего в прошлом!..
Вдруг Ленин окно распахнул.

Река пробуждалась с зарею, на солнце сверкая сурово,
Вдали облака полыхали багрово,
Плывя над холмами.
И летели назад журавли над лесами, полями,
Словно стон услыхали земли, что рождала неведомый мир.

Он смотрел, улыбаясь, на взмахи тяжелые крыл —
Первая улыбка,
Приветствовавшая бурный двадцатый век.

ПЕСНИ НАД ДЖУНГЛЯМИ

Посвящается нашим товарищам, артисткам ансамблей, прошедшим по Чыонгшону.

На ветке птица пток без умолку поет:
пток, пток!
Спи, над тобою джунглей темный свод,
они твой сон хранят, спи без тревог,
в корнях переплетенных ветер лег,
пток, пток!

Та песня словно вылетает из земных артерий,
той песне двадцать пять неповторимых лет.
Того, кто написал ее, давно на свете нет,
но отголосок чувства не утерян...
«Я рис сажаю, скоро будут всходы...
Дорогу залили разлившиеся воды...»
Дорога эта кажется дорогою из сказки,
она в грядущее тебя ведет.

Пток, пток,
пичуга, пой!
О камни ноги ты поранила, о травы исколола
и все же, как поется в старой песне,
«душа не жалуется и не стонет».
Тебе сегодня только восемнадцать,
ты будешь петь еще, ты будешь вместе с нами
идти вперед до дня Объединенья.

И будет трогать сердце это пенье,
хоть люди знают эти песни наизусть,
и даже знают, где переведешь дыханье:
перед безбрежностью лучей в восточном крае,
безбрежностью и силой жизни, насаждающей деревья...

Ты, девушка, людей до боли любишь,
и в песне, спетой сотни раз, все те же слезы...

Идешь весь день, всю ночь, как войско, как обозы,
склон крут, ты падаешь и вновь встаешь,
вот плоская площадка, вновь подъем...
Весь Чыонгшон — цепь бесконечных гор.
Ты хворост собрала и развела костер,
туман тебя заботливо укрыл,
окутал он вершины, перевалы,
дым ест тебе глаза... Но вот согрелся рис,
землянку роешь ты, стирая руки в кровь,
озноб тебя трясет, но на рассвете вновь
ты волосы узлом закручиваешь туго,
чуть поредевшие от пыли и жары...
Пток, пток,
поет пичуга,
летя за нами вслед,
и ты поешь: «Иду в леса»... Звук тонет,
и песня тихая, как колыбель, как мудрые слова:
«Душа не жалуется и не стонет...»
Весь путь нас провожает голос твой,
и ты идешь с бойцами вместе в бой...

Стоят в железных бочках фонари,
по плану противовоздушной обороны,
ты в центре их лучей, вверху темнеют кроны...
Как ты бледна, но вот порозовела —
ты песню лучшую свою запела,
в ней берег илистый речной,
в ней летний зной,
в ней небо над страной...
в ней что-то сокровенное, твое...

Ночь. Джунгли. Мрак. Фонариков огни.
Ты вдоль ручья идешь, во тьме не видно троп...
Но ты не жалуешься, поборов озноб,
идешь, и песня за собой тебя влечет...
На ветке птица пток без умолку поет:
пток, пток!
Разносится в лесу твой нежный голосок,
внимают джунгли, верная твоя защита,
и сердце так отважно и открыто...
Пток, пток!

1972 г.

В ОДНОЙ ИЗ ДЕРЕВУШЕК НА КУАНГБИНЕ

И этой ночью просыпался я не раз.
Координаты взрывов. Бомбы вновь на нас летят, ревут.
Отбили стражу нам в ночи. Зенитки бьют.
И под луной деревья вниз опять идут ко мне с холмов.

Вот слышу я морской прибой: и шум и рев!
«Э-гей!» — толкающих сампан в волну суров и резок крик.
«Э-гей!» — опять он долетает через миг.
Течет вода, плеснет волна, вздохнет тростник,
о жизнь вокруг!

Восходит солнце, озарив росистый луг.
Пропел петух. Так крик знаком, что вздрогну вдруг.
О край родной!

1972 г.

КОНЕЦ ГОДА

Конец зимы, уж опадает лес.
Мне дом напомнил серый цвет небес, в груди тоска,
бормочет беспокойная река
и, смутно отражая берега, меняет лик.

И, раздвигая молодой тростник,
спускается цепочкой батальон,
чтоб научиться наводить понтон.
Идем, вода гудит со всех сторон, зловещий звук...

Вот груши шепчутся, шуршит бамбук,
лес лимов *, кхопа заросли, и вдруг передо мной
темнеют листья зонга под горой,
как будто нескончаемый цветной ковер повис...

Там, дома, в этих листьях варят рис *,
их столько здесь! Срываю влажный лист... Но дом далек,
и вот я, встав среди чужих дорог,
раскинув руки, широко, как мог, все обнял вдруг,
и стало все таким родным вокруг:
и этот ветер, лимы, и бамбук, и даль небес,
и, хоть листву еще не сбросил лес,
я понял, что идет пора чудес — весна идет!

1972 г.

ШЕПОТОМ О ЛЮБВИ К ХАНОЮ

1

Место, где в школу пошел, сладкий запах бумаги,
ранняя осень... разве забудешь?
Звонки трамвая в туманном рассвете,
холодный воздух, лучи в гуще веток,
видя все это, вижу тебя я...

2

Не забыть те дороги, где, шагая
в одиночестве, я ходил вечерами,
и город шептал мне, тронут нашей любовью...

3

А потом шла война. Годы гнева и крови.
Дороги, зенитки, бои, обстрелы...
Ты с ночной возвращаешься смены,
я беру твою руку, меня мучает жалость...

4

Место первых признаний в сердце осталось.
Вместе мы навсегда, нас связал этот город,
город любви, он всегда будет молод,
город, ставший моей душою.

1972 г.

МОРЕ

Было море слез и море горя.
Я вернулся. Здравствуй, просто Море!
Вслушиваюсь в бесконечный ропот.
Мал перед тобой мой слабый опыт.
Все же мы опять наедине.
Значит, наравне.

НЕМНОГО РАДОСТИ ВЕЧЕРОМ У МОРЯ

Очень много в море ветра в этот вечер.
Парус белый лег вдали, причал отмечен белой
пеной.
Вырастают волны, встали словно стены,
Чувства мелкие смывает неизменно вал
прибоя.

Десять лет в разлуке были мы с тобою,
Но опять ты плещешь, море голубое, в юной
страсти.
Нет у времени над вами, волны, власти,
И, как в море этом, в сердце, полном счастья, —
ветер, ветер...

1974 г.

НОЧЬ В КРАЮ РЫБЫ

Отталкивают джонку, волны медлят,
крича надрывно, птицы чертят небо,
должно быть, где-то близко стая рыб...
Вот серебро анчоусов сверкает,
чернеют каракатицы, лангусты
лиловые лениво шевелятся,
а там, скользнув по волнам плавником,
проносятся летающие рыбы,
мерцают волны, как ночное небо,
на море сотни джонок с фонарями —
весенний лов украсил ночь огнями.
Дыханье моря солью отдает,
волна колеблет лунную дорожку,
и джонка легкая по звездам вдаль плывет...
Так много джонок, что теряешь счет!
Гребем в едином ритме с морем.
Ночь в дружбе с этой массой темных вод...
И все опьянено покоем небосвода,
ритмичный всплеск сетей, уключин скрип,
и в руки молодости, полной жаждой жизни,
летят из бездны водопады рыб!

1974 г.

ПРИЕХАВ К ГОРЕ АРОМАТНОЙ В ГОД ЭВАКУАЦИИ

К рассвету пальмы аромат всего острей.
Здесь Аромата пагода; за речкой, там — пустой причал.
О том, что окажусь я здесь, я разве знал?
В эвакуации никто не выбирал, где жить ему.

Летит ручей от мелких брызг как бы в дыму,
Щебечут птицы гор — какие, не пойму, леса шумят.
Все выше лезу вверх, зубцы вершин торчат,
Вот пагода уже, молитвы ввысь летят, в сквозной
простор.
Я пошатнулся: эти люди, гребни гор...
Небытием ли опьянятся до сих пор? Я знаю сам:

В уединении нельзя укрыться нам!
Тем больше я, чем ближе к этим небесам, люблю людей!
Как абрикосы здесь горят в огне лучей!
И девушка несет в корзине их своей, спешит домой.
А снизу дым плывет прозрачно-голубой.
В округе день уже окончен трудовой, ударил гонг.

Здесь пик горы — Поднос с Едой я видеть мог.
Зеленый лес горы Петух, ее отрог — прекрасен он!
Вот к пагоде я Фей дошел, как крут был склон!
Воронки тяжких бомб, они со всех сторон — везде война!

Дорога в небо тут, но как она длинна!..
Тем ближе мне тропа, что подо мной видна, скорей,
скорей!
Гора там Ароматная, пещера в ней...
Но нет, пора вернуться мне к теплу полей, где труд нас
ждет.
Вот в слабом ветре аромат цветов живет.
Не знал я, что из пагоды он к нам плывет, что он ее.
Пологий берег и причал, за ним жилье.
Не думал я, что за год в сердце так мое войдут они!

ЛЕС ЧАМОВ *

У чамов запах деревенского двора...
Уж над цветами пчелы трудятся с утра...
Я в нерешительности встал под старой ивой,
а волны мне кричат:
«Иди, солдат, пора!»

1975 г.

ДРУЖБА С КРАЕМ ХОЛМОВ

1

Дайте взглянуть мне на место слияния рек,
на причал из разбитого камня, где было начало работы.
Дайте взглянуть мне на клубы белого дыма,
не обвязал ли холмы эти лентою нежно?

Как душа человека, природа широка и безбрежна!
Дай мне пожать твою грубую крепкую руку,
шрамы признают меня, посочувствуют другу,
в пятнах рубаха от пыльных полей краснозема.

Дайте мне выйти, чтоб быстро, по-молодому,
я пробежался по этим полянам зеленым,
тропкам, где корни деревьев, цепляясь за склоны,
все ж выпускают цветы, украшая поля и пригорки!

Я учащенно дышу, край холмов обегая в восторге,
травы чуть слышно поют и щекочут мне ноги...
Дружбы послышался зов, лишь свернул я с дороги,
звук этот гулкий и звонкий зовет за собою...

Чувствую радость, любуюсь цветами, травою,
этой землей, что навек побраталась с солдатом...

Долго бродил я, взбираясь по склонам покатым,
краем холмов, где все блещет, цветет, как бывало...

2

«...К ночи гроза началась. Но гроза миновала...» *
Радуги мост от Сьетчи к Иентхе переброшен...
Друг мой! Ты стал вдруг поэтом. И не случайно —
хочется выплеснуть чувства, все то, чем сердце богато.

Сумерки чуть оживляет полоска заката.
Вот и рабочий поселок в лучах золотится.
Тут ты в волнении должен остановиться —
яркие краски домов, их крыш островерхих,
мальчик на крыше в уровень с ветром лентою машет —
серая лента под цвет бесконечного неба...

Глыбы камней во дворе. За домом клок поля.
Стали воронки от бомб за три года прудами —

слышен там крик лягушек, шорох и пенье,
словно здесь жизнь собрала звуки за все поколенья.

«Чай у нас не растет, он теряет вкус чая.
Маниоку на днях посадили, неважная здесь маниока...
Ничего, — говоришь ты, — жизнь будет скоро иная!»
Я молчу, но чувствую — горечь в сердце таится
глубоко...

3

«Край холмов идет далеко, — говоришь ты, — здесь
будут кварталы,
будут улицы, площади, разобьются сады, огороды,
дружба рук — пусть сейчас еще сделано мало —
вот залог благоденствия и надежда народа!»

О, как добры и просты друзья мои, словно земля,
все превращают в поэзию мудрые эти поэты,
глядя на борозды, скрытый находят в них смысл,
в каждой минуте — Грядущего ищут приметы!

Я рядом с вами
в прекрасное верить готов,
даже за этой бамбуковой дверью, за стенкой фанерной,
верю,
недаром сдружился я с краем холмов,
здесь все движения чувств
для меня достоверней.

1975 г.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Принес прохладу дождь полям, земле сухой.
Босые ноги колет ржавою стерней. След на песке...
Один сампан на глади вод — там, вдалеке.
И лентой черною вода течет в реке. Крик птичьих стай.
Земля пьяна, льет аромат цветущий чай.
Семья дроздов слетает как бы невзначай в мой старый сад.
И не свожу с цветов я восхищенный взгляд!
Когда же стал тот день, свой тусклый сняв наряд,
Поэзией?

ХУТОРОК НА ДЮНАХ

Под вечер река так тиха, ни единой волны,
сампан, чуть качаясь, плывет, точно в детстве когда-то.
Поставлены домики здесь уже после войны,
на окнах алеют последние краски заката.

И с каждой минутой безбрежные дюны темней,
луна выплывает, любуясь дремотной рекою.
Все та же река, маслянистая пленка на ней, —
она понимает ли новое счастье покоя?

Твой дом невелик, здесь под окнами пальма растет,
посажены овощи, чуть зеленеет рассада.
И ночь наступает, прозрачен и чист небосвод,
лишь изредка тьму прорезают огни звездопада.

Нет больше обстрелов, не рушатся больше дома,
нет лязга цепей, что колеса машин обтянули,
не слышно стенаний, надежна вечерняя тьма,
и людям уже не грозят ни снаряды, ни пули.

И ты говоришь о стихах, словно хочешь припасть
к роднику...
Пусть люди забудут раздоры, пусть мир воцарится!
Любимая, верь, после стольких страданий на нашем веку
поэзия жизни
должна наконец возродиться!

1975 г.

ДЕРЕВУШКА НА МЫСЕ

Вдоль канала цепочка домов у воды.
Обезьяний мосток *. Далеко ль до беды.
Я привык — и бояться давно перестал.
Без усилья ступаю, без дрожи в ногах.

1975 г.

ВЕРНУВШИСЬ В ГОРОД ХЮЭ *, В НОЧЬ ПОЛНОЛУНИЯ

Сезон луны, как долог он, как ночь длинна!
Твоя фигурка мне вдали едва видна; мирт на холмах...
Холмы прекрасны в фиолетовых цветах.
Далеки краски Хюэ... Что ж ты, сердце? Ах, тоска, молчи...

Уж восемь лет... И сколько чувств, как горячи...
Тхыатхиен, и Куангбинь, и Куангчи* — за боем бой!
Привыкли так, что стал нам фронт как дом второй,
Но боль души, но милый Хюэ мой — он ждал меня.

И вот встречает вновь, густой листвой звеня.
Вокруг деревья те же, люди те ж, а я таю испуг.
Ночь полнолуния и необъятный круг
Луны залил сияньем ярким все вокруг. Что скажешь ты?

Навстречу песням первым тянутся цветы.
Глубокая река притихла, и мосты спят над рекой.
И у луны сегодня ночью голубой
Особый свет, ведь город наш для нас с тобой его берег.

Как передать всю горечь пройденных дорог?
Где слов найти, чтоб радость выразить я мог, —
в душе она!
Ты уезжала, ты была худа, бледна.
Вернулась в Хюэ ты — и полная луна горит в ночи.

1975 г.

ПОСЕЛКИ НА КАНАЛАХ САЙГОНА

Хибарки бедняков нависли вдоль канала,
встают опоры прямо из болот...
Здесь крысы бегают средь нечистот
и ряска на воде узоры распластала...

И так все двадцать лет. Мать постарела.
Сын вырос. Выцвела и покривилась дверь.
Хибарка кажется с годами ниже,
до блеска вытерт деревянный пол.

И так все двадцать лет!
В канале черная вода.
А в доме голод и нужда.
Дождливым вечером так грустно у реки:

дождь давит... Дождь сменяется дождем.
Дождь целой жизни, словно песнь тоски...
Старик ее уныло тянет двадцать лет.

Калека-нищий каждую зарю
встречает под мостом...

Стеною билдинги закрыли нищие кварталы,
блестят, как зеркала, дома
из мрамора и белого металла.
Здесь город тонет в пудре и румянах...
Мне сердце колет бидонвиль...
Вот корабли в порту у пристани Батьданг как
серебро блестят,
а рядом пристань Буйволенка, грязь и смрад...
Вот так Сайгон все двадцать лет
таил в себе и рай и ад...

Сейчас он нашим стал, все стало нашим —
все эти европейские витрины,
все эти билдинги, американская реклама,
но главное — окраины Сайгона,
где досыта поесть мечтают люди...

В наследство получили мы немало —
здесь магазины, целые кварталы
бетонных зданий, эстакады,
дюралевые треки, рынки, склады.
Но вспомните о наших братьях младших,
о матерях безвременно увядших,
о тех хибарках нищих на болоте!
Страна моя сейчас в большой заботе,
она заботится о стройках, о радарах,
о кораблях в порту, отелях и бульварах —
но прежде надо уничтожить этот ужас:
поселки, облепившие каналы!
Вот с этого свой разговор о Революции
хочу начать я с теми,
кто населяет эти нищие кварталы!

1975 г.

ЗОРИ

Всегда в моем сердце предчувствие жило.
И зори надежду рождали во мне.

Любовь, возникая, как свет в вышине,
дни жизни моей пронизала насквозь.

Сияние зорь в этом чувстве слилось,
стоцветною радугой в сердце горя...

Мне помнится первого чувства заря:
там лотос цветущий, там я молодой,
там юный Ханой над озерной водой
стоит у развилки бескрайних дорог...

Я помнил всегда: эти зори — исток
тех дивных прозрений, когда над тобой
внезапно встает небосвод голубой
и в каждом лице озаренность видна...

Есть зори, когда на полях тишина,
от запаха риса приятно во рту
и осень взирает, набрав высоту,
на мир, где все движется, дышит, живет.

Есть зори в стране средь холодных широт,
где я на студенческой слушал скамье
о прошлом Земли, о земном бытие
и думал о славе отчизны моей,

и фронт вспоминался в период дождей,
заря над трясиной, и небо в огне,
и девушки, несшие груз на спине.
Безмолвье учило отваге меня...

О, мне не забыть зори каждого дня,
когда я в горах среди сумрачных скал
дорогою юных сквозь пули шагал,
дорогою подвигов наших бойцов.

И славили зори, как хоры певцов,
любовь, вытесняя из памяти страх,
зарницы над морем и ливни в горах
во мне отзывались волненьем в груди.

Безбрежна победа, Сайгон впереди.
Скорей в этот город, безлистый от бед,
где горечь на всем свой оставила след!
Там трудные годы с тобою нас ждут,
нелегкие будни, упорнейший труд...
Но, как опьяненный, смотрю я вокруг

глазами зари... Ведь заря — это друг
того, что с тобою нас в будущем ждет.

Заря — это пахоты радостный пот,
и дух перемен, и единство страны.
Отжившего мира часы сочтены.
Величьем отмечены наши дела.

Всегда в моем сердце надежда жила.

УСЛЫШАНО В ПОЛДЕНЬ В БАТЧАНГЕ

Селенье это здесь стоит уж пять столетий,
у крыш его домов крестьянский цвет *.
Огонь в домах не гас пять сотен лет!

Огонь, питаясь ветром, тихо веет,
и эти звуки наполняют полдень,
а солнце так слепит, и этот свет
горит с тех пор, когда еще встречали фей...

Здесь рис в простых пиалах без затей,
суп в белых мисках, что покрыты
глазурью. Вот сосуд для вермишели
с широким горлом, как открытый рот,
а стенки точно лепестки цветка,
под ними ножка узкая, чтоб легче было
держать в руке.

Как легкий шелк, глазурь
и редкие вкрапленья: абрикос,
бамбук, сосна и хризантема.
Вид у пиал приятный,
и цвет глазури безупречен.

За пять столетий столько красоты
здесь сотворили из земных волокон руки,
нежна податливая глина,
ладони, смоченные ключевой водой,
прохладны, глина принимает форму
в огне, и проступает цвет фаянса:
светло-коричневый, темно-коричневый, еще
темней,

фаянсом этим устели дорогу —
копыта буйвола пройдут и не раздавят.

Я подобрал фаянсовый осколок,
сто лет назад испытанный огнем,
и начинаю понимать отцов и дедов,
их поиски и их стремленья.

Здесь стены сложены из латерита,
ров — от грабителей старинная защита,
путь партизан, воюющих в тылу французов,
войны недавней опустевшее укрытье...

Так дух села, что годы и событья
не изменили, мне открылся ныне,
дивился я цветам в фаянсовом кувшине,
глазури, воробьям, порхающим повсюду,
и во все миски, чайники, горшки, сосуды,
большие, малые, кувшины и пиалы
дул ветер, словно пел, и все вокруг гудело,
как будто бы сама земля мне пела!

1976 г.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Ты похожа на дождь, на порывы летнего ветра,
ты в душе у меня пробудила столько движенья!
Я притих, удивленный, когда целый день я
прожил вместе с тобою, счастливо и странно...

Крутая тропинка, немного тумана,
немного солнца, чтоб появился румянец,
немного ожиданья, обнажающего бесцельность,
немного неба, открытого взору...

Идем все выше, выше в гору,
вдруг удивились — куда забрели мы?
Камни красивы непостижимо,
цветы нежны, но сорвать их трудно.

Как нарастает тайно, подспудно
предвиденье чувства — как первые грозы,

когда понимаешь внезапно, что счастье
посеяло эти лиловые грозди...

Пристань...
Закат догорает... день прожит.
Пройдены радости три километра...
Все стихло. И снова ты стала похожа
на дождь, на порывы летнего ветра...

1976 г.

ЦЕЛЬ

Столько лет я мечтал о конечной цели!
Год семьдесят третий. Полдень. Джунгли чуть посветлели.
Сквозь редкие деревья видно небо.
Прислушиваюсь. Затихли взрывы.
Нет выстрелов, похожих на колотушки стражи,
небо светлое, громко стрекочут цикады.

Ныряли, купались в реке Секаманд,
первый раз за столько лет
больше не нужно маскироваться,
на опушке сушатся майки, полотенца,
нагишом в воде — какое наслажденье!

А потом одни вернулись в долину,
другие уехали в Тэйнгуен
прорубать новые дороги,
расчищать новые горные поля,
но, придя в места леопардовых шкур, у границы,
я был поражен, увидев и там
проволочное огражденье...
В головокружительный год семьдесят пятый,
в год, когда люди почти не спали,
мы смерчем прокатились до Сайгона,
отмахивая десятки километров, штурмовали
Дворец Независимости, обнимали
молодых солдат, сносивших
проволочные загражденья, мешки с песком,
жителям крепко жали руки
в радости и в огорчении, что полжизни прожили врозь.

Первые дни радушных угощений,
никто не думал о ценах на рис, не думал, что будет.

Я посадил мальчишку на плечи,
он восторженно пел новые песни,
хоть нетвердо знал их, но пел с упоеньем,
ибо это была мелодия сердца.

Спустя два месяца в том же Сайгоне
средь шума дождя сентябрьской ночи
я услышал крик — кричал разносчик,
две бамбуковые палочки ударяя друг о друга,
весь промокший, по улице шел мальчишка,
тот самый, что сидел у меня на плечах,
теперь он стал уличным разносчиком,
у меня кружилась голова...
Цель еще далека —
борьба будет длиться!
В следующем году в Тэйнине *
на реке Вамко, еще недавно спокойной,
снова стреляли,
и уезд, где недавно свалили
вражеские проволочные загражденья,
снова должен был ставить бамбуковые колышки,
копать укрытья!

Под круглой крышей рынка в Тяудоке *
я едва успел выпить молоко из кокоса,
сладость во рту еще не растаяла,
как предатели открыли огонь!

Я молча стиснул зубы.
С трудом сдержал удары крови.
Да, жизнь не гладкая дорога,
перемены всегда трудны
и цель наша не аккуратный пакет
вроде подарка на праздник детям.

Столько лет я мечтал о конечной цели
и сейчас все еще о ней мечтаю,
но одно разбивает все аргументы,
то, что в юности трудно себе представить,
что цель, которую мы видим,
пока мы ее не достигли,
это только отрезок пути эстафеты,

это только один из рукавов устья,
перед тем, как реке влиться в море,
где она не остановится и не иссякнет!

Даже после того, как дойдешь до цели,
ты снова видишь, что цель еще дальше,
в ней больше граней, больше оттенков
и нужно взять старт с новой дорожки,
чтоб путь продолжать, поборов усталость,
ибо цель вчерашняя только ступенька,
чтоб продолжать подниматься все выше.

Хошимин, 1977 г.

ЛЫ ХЮИ НГУЕН

ЦВЕТЫ ЗЫОНГА

Цвет зыонга расцветает, как опустятся туманы.
Ветер с севера подует, и с востока дует ветер.

Здесь свою сестренку встретил.
Здесь зыонг с ладонь длиною был посажен на рассвете.
Два сезона сильных ветров миновало с этих пор.
Сколько гроз и буйных ливней пронеслось над морем этим,
И зацвел песчаный берег долгожданными цветами.
А в тени густых деревьев ты сидишь, сплетая сети,
И твоей любовью полны лепестки цветка зыонга.
Ты расскажешь, что недавно самолет подбила третий.

В полдень волны потревожат берег горестным дыханьем,
И, деревья потревожив, звонко птицы защебечут.
Но растут цветки зыонга, берег солнечный лаская,
Преградив дорогу ветру, путь свободе вечно светят.

ВЗРЕЗАЯ ВОЛНЫ

Гудок ревет,
Зовет,
Низкий, глубокий!
Рвет
Ветер поверхность вод.
Мина во мраке подводном ждет.
Тральщик, взрезая волны, идет
Вперед.

Безбрежная бурная ночь встает.
Тральщик скрывается средь островов.
Словно привязан к нему, следом огромный корабль
подминает волны.

Лунного диска свет бессонный
Как маяка сигнал.
Над краем моря и ветра встал
Взрыва вал.
Еще и еще за взрывом взрыв,
Море вздымается,
Прочь гоня
Подводные мины.
Тральщик, как пахарь, идет и идет
Вперед.

Хайфон, 1972 г.

КНИГИ И БОМБЫ Б-52

Семья уехала в эвакуацию.
Как стала просторна тесная комната моя!
Прямо в доме вырыл убежище я.
Б-52 налетают волна за волной,
Дом закачался,
Словно корабль в дали штормовой.
Рухнули книги со стен; их корешки предо мной
На полу,
Вровень с глазами,
В налет огневой.

Мне эти книги открыли простор без границ.
Это они защищают меня от металла.
Наши герои встают с их пробитых страниц,
Грозное небо подъемля на плечи устало.

Ханой, декабрьские дни 1972 г.

ГОРОД В ДЖУНГЛЯХ

Город в джунглях, домишки из пальмовых листьев просты.
Частокол из бамбука вдоль улиц цветных.
Плещут волны речные, толкают и гонят плоты,
В наводненье уснешь самым чутким из снов.

Город в джунглях, фундаменты старых домов.
Спят разрушенных хижин слепые следы.
Спотыкаясь, луна по холодным ухабам ползет,
Сыплет злато в кувшин, полный светлой воды.

Лес повален, разбросаны мокрые бревна вокруг,
Слышен стук, бык копытом стучит о бревно.
Словно спелый пампельмус, луна уплывет в Доанхынг,
Обагрится кострами туман и уснет над волной.

Простучали повозки, листья зонга вослед им летят.
Приоткрытая дверь вновь проглотит туман.
И сольются: туман, облака и речная вода.
Чей-то смех. Кто там? Нет, не узнать никогда.

...Но редеет туман, и волны проглянуло лицо,
Освещенное солнцем, дрожит на песке золотом.
Простучали повозки, звонким смехом осыпан песок.
Сердце, в Туенкуанге остался твой дом.

Город в джунглях. Спешит через быструю реку паром.
Пусть и сердце мое вслед за ним уплывет.
Апельсины горят, к водопадам дорога ведет.
К струям Ло я иду, светом солнца влеком.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Вечерняя дорога в Донгкха *

Листьев яркая зелень не выцвела в солнечном свете.
Льется золото вечера, и налетающий ветер
Гонит красную пыль, и краснеет кустарник на склоне,
Плечи, каски солдат покрывают зеленые ветви.

Перевал Кхо

Кхо зовут перевал, но ни деревца нет здесь отныне *.
Буйвол. Дрозд на спине его. Все расплывается в сини.
Полдень жарок, дорога длинна, бесконечна, уныла.
Тень. Какие-то звуки. Прохлада на самой вершине.

Ночь в Лаокае

Над Лаокаем опустится ночь, не качнув провода.
Дремлет гора вдалеке — вот костер загорелся на ней.
Только блеснул и мгновенно пропал в электрическом море,
Стройки ночные залившего маревом ярких огней.

ТРОПА ПОДНИМАЕТСЯ В ТУЛИ

Тропа поднимается в Тули, мы влево свернули.
Рассвета лучи на ветвях полусонных блеснули.
Росою сверкают высокие темные травы,
И радость с полей долетает к нам в тракторном гуле.

Вдруг ветра порывы, с ветвей они листья смахнули
И серую пыль на дорогах до неба взметнули.
Но вот пред глазами на склонах уже маниока.
Конь тащится в гору, надолго поводья уснули.

1977 г.

ПОЛДЕНЬ НА ЧЕРНОЙ РЕКЕ

Глазами выпив, речку Черную я взглядом перейду.
Вот чей-то домик вдалеке, и оклик петуха в саду, и
полдня дрожь.

Внезапно вздрогнув, небеса обрушат мглу и теплый
дождь.
В мгновенье ока даль померкнет, облака и зелень рощ.
И не пройти.
Зарядит дождь, и речка бурная вдруг встанет на пути.
Все так же ветер колкий на брегах седых гостит, и
оклик петуха
На водопадах десять лет и на твоих порогах, Черная
река.
Как будто в оклике река и роща, полдень, облака, и
края этого душа.

СУАН КУИНЬ

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО СТОЛИЧНОГО ПОЛКА

На каски падают капли дождя.
Молча уходит столичный полк....
Мост Лонгбьен. Здесь ветер сильней.
Бьет о берег река черной волной...
Все взоры направлены на Ханой...
Первая зона полыхает огнем —
улица Нгуен Шиеу, Циновочный ряд,
Часовая башня, пригород Куантионг,
крыши, крыши, крыши горят...
Когда вернемся?
Ханой, о Ханой...
Имена людей, улиц,
линия баррикад
из груды кроватей, столов, стульев...
Вон детская коляска... вон сундучок
бедной женщины с окраины...
Слышен звук лопающихся струн,
всю ночь летит он в дымную даль —
это где-то горит рояль...
Мои друзья, соученики,
похоронены под руинами этих домов...
Полк уходит в багровый от зарева мрак,
а парни останутся здесь лежать...
Болью отдается каждый шаг...
Лица озер присыпаны инеем.
Школьные дворы с летящими по ветру листьями,
с летящей по ветру одеждой...
Старые тропинки, чьи лица печальны...
Революция, первое чувство, пламенное и
сверкающее...
Республике от роду год.
Танки врагов,
рыча, возвращаются,

словно ночная мгла.
Декабрь. Со всех четырех сторон
огонь, все объято огнем...
Армия смертников
родилась.

Рабочие электростанции,
наборщики из типографий —
одежда изорвана, в пятнах...
Робкий учитель
протягивает белую руку, чтобы взять меч...
Студент-медик
принес с собою
хирургический скальпель,
музыкант из ресторана,
бродячий торговец фо* в фетровой шапке,
старый рабочий-жестянщик,
спины рубах вечно в заплатах,
руки вечно хранят молчанье,
душа Ханоя, нашей столицы,
бродяги бездомные,
кули с пристани,
сидящие под фермами моста
рикши, кормилицы, танцовщицы,
мелкие торговцы,
есть такие,
кто право на жизнь получил впервые,
есть такие, кто думал, что жизнь уже кончена
в клубах опиумного чада,
сегодня они на баррикадах,
они выходят на дорогу,
слишком долго длилась ночь рабства!

Это решающие часы для Вьетнама,
босой и при галстуке,
старый и малый,
исповедующий протестантскую веру,
чтящий Конфуция,
и ты, коммунист,
бежавший из тюрьмы Хоало,
имя твое знали жители города
по расклеенной фотографии:
РАЗЫСКИВАЕТСЯ...

Сегодня, неся зажигательный снаряд,
ты идешь, увлекая всех за собою,
пробитые стены соединили
судьбы людей.

Шестьдесят дней беспрерывного боя
за каждый кирпич, за каждую пядь...
Крики атаки, потрясшие небо...
Враг подходит,
он у Северных Ворот Ханоя...
Наши орудия бьют
по Деревянному мосту,
Продольному ряду, Южным Воротам,
Мучному ряду, Мосту Вздохов,
Торговому дому Лотосового масла...
У врага самолеты, танки...
У нас винтовки, бутылки с горючим...
Враг входит в дом — мы в него врываемся...
Враг наверх поднимается — мы пробиваем
крышу...
Прыгаем на него...

И столько людей упало безымянными —
бродячий торговец с рынка Донгсуан,
крушивший врагов коромыслом,
кондуктор убит на подножке трамвая...
Старый почтальон погиб на ступеньках почты,
почтовую сумку на плечо надевая...

Отделение медсестер
все погибло, все упали на землю,
губы еще открыты в песне...
Девушки из Нгокха, Лангбака,
старые матери из Ласа...
Этой ночью уходили,
помня все — мальчишек-связных,
помня театр То Ни,
помня улицы, вместе с нами
преграждавшие путь врагу,
чтоб положить начало Сопротивлению,
помня заросли зелени, овощей вдоль канальцев,
мелкий дождь,
новогоднюю ночь,
черную от дыма,
строчки писем, от которых в горле ком:
«Жизнь отдать за Родину
клятву даем!..»
Дедушки Хо * глубокий взгляд...

Завтра Ханой будет взят.

Но пусть враг не надеется его покорить.
Ханой — наш,
каждый дом, каждый сад —
верный наш друг,
кровный наш брат.
Каждый спокойный рассвет
кто-то поет «Ручеек»,
крики разносчиков, знакомый звук
машин, бегущих по мостовой,
Ханой богачей и бедняков,
он зовет нас утром и в час ночной...
Над дамбой идет дождь проливной,
как сквозь слезы виден город родной...
Тамдао высится за его спиной,
Красная река шумит, спешит,
бьет о берег пенной волной.
Мы спускаемся в темные волны ее...
Мы вернемся!
Клянемся тебе, Ханой!

МЕТЕЛКИ ТРОСТНИКА

Где только нет метелок тростника —
на землях, где в далекие века
отцы и дети буйволов пасли,
росли средь сельских троп, среди песка
метелки тростника.

И где ни вырастут — среди болот,
в лесу, на поле, — ветер их найдет,
тростник и ветер — старые друзья,
без ветра тростнику нельзя.

Колышутся метелки тростника
знаменами, стремящимися ввысь,
знаменами вчерашних смертных битв,
знаменами, что, воткнутые здесь,
с землей срослись.

Метелки тростника, их белый цвет
я полюбила с самых юных лет,
прошли года, и вот узнала я,
что алый цвет у них — о, этот день,
его не позабыть, не зачеркнуть —

и это я увидела в тот миг,
когда подруга, раненная в грудь,
упала, кровью обагрив тростник...

Ее мы хоронили у моста,
где день и ночь грохочут поезда,
могильный холм, как знаменем полка,
накрыли мы стеблями тростника....

И знаю я, пройдет за годом год,
но так же будут звать они вперед
и будут нам махать издалека
те алые метелки тростника.

Виньлинь, 1969 г.

СЕЛО

Здесь спуск к колодцу, видишь? В нем всегда
и в знойный день прохладная вода.

Вокруг воронки все покрыл сорняк...
О камень больше не звенит черпак...

А там вон, чуть подальше, детский сад.
Там голоса детей весь день звенят.

Горелые столбы... пустой дверной проем...
Осколок бомбы рядом с детским башмачком...

Вон двор, где рис сушили с давних пор.
Октябрьский зной. Заполнен рисом двор.

Не слышно, как ссыпают рис в мешки...
Вокруг кирпич, разбитый на куски...

Дорога в Дом Собраний, погляди —
налево площадь, рынок впереди.

Земля траншеями изрезана кругом...
Везде темнеет взрытый краснозем...

Ты удивлен? Да, здесь мое село.
Его золой и пеплом занесло...

Теперь живем без дома, налегке,
есть только сердце да ружье в руке.

Пьем из воронок — пуст колодец наш...
Подушкою нам служит патронташ.

Скрываемся в укрытьях под землей,
всем делимся по-братски меж собой.
Все отнято у нас. Очаг погас.
Но МЫ ОСТАЛИСЬ — значит, все при нас!

Виньгуонг, 15 ноября 1969 г.

ВЕТЕР ИЗ ЛАОСА *

Песок мой белый, ветер из Лаоса,
я вам принадлежу, вы жизни всей начало.
Под знойным ветром мать меня качала,
песок хрустел во рту... уж я могла,
едва я подросла, в песке укрытье вырыть
под бомбами, под ветром из Лаоса...
И дюн все больше было на песке,
катилось солнце, точно колесо,
и жизнь мою не раз спасал песок, —
за дюны прячась, били мы врага,
здесь проливалась кровь однополчан
и кровь моя, а ветер заметал
ее песком... Деревья, что когда-то
я посадила здесь, дать тени не успели,
сломали пули ветки, оборвали листья...
Батата клубни меньше здесь, чем в поле,
кора обожжена, плоды пожухли.
Прошелся ветер, застоялся зной,
песок не держит дождевую влагу,
в нем вязнут ноги, он их жжет огнем!

Средь ветра и песка, средь дней суровых,
мечтала я о зелени, о ветках,
отягощенных спелыми плодами,
о том, как по утрам я буду корни
окучивать, как буду рвать плоды...
Когда вернусь, я здесь мой дом поставлю,
чтоб розоватый отблеск черепицы
на лицах отражался...

И ты вернулась. Что ж ты увидала?
Один песок да ветер из Лаоса,
порывы ветра, как воспоминанья,
порывы ветра, как сама любовь...

И пусть порой была я недовольна
песком, который облепил мне ноги,
песком, который иссушил мне кожу,
землею, скудной рисом и бататом, —
без ветра из Лаоса мне тоска,
мне жизнь не в жизнь
без белого песка...

1969 г.

НИЧЕГО НЕ ВЗЯЛА Я С СОБОЙ

Ничего не взяла я с собой,
все отдала тебе без остатка —
город юности, камни его мостовой,
город молодости, его укрытья,
сирену тревоги, минуты затишья
на островерхих высоких крышах,
людей, незнакомых, но близких заведомо:
с этим вместе стояли за рыбой,
с тем бранились, столкнувшись велосипедами...

Ничего не взяла я с собой,
все отдала тебе без остатка —
силуэты деревьев вдоль улицы Куанг Чунга *,
улицу Нгуен Зу в цветочных клумбах,
порывы ветра на Западном озере,
бросающего лепестки в прозрачную воду...
Мы говорили о завтрашнем дне
перед безмолвием древних пагод,
в гомоне улиц со спешащей толпой...

Ничего не взяла я с собой,
все отдала тебе без остатка —
желтый песок над бурой водой,
берег, от свежей травы весь зеленый,
деревни с садами, цветущие склоны,
парк с этой зеленью молодой,
благоухающую стерню соломы

на залитой солнцем нашей дороге,
по которой так часто ходили с тобой...
(Дороги пригорода,
как коротки вы в сравненьи с любовью!)

Все мои радости и печали,
все отдала я тебе без остатка.

У меня только вещмешок за спиной,
и я иду по моей дороге,
дороге, меняющейся от бомбежек,
дороге сквозь ночь, через все переправы,
дороге, ведущей в край красных земель,
земли здесь красные, говор — чужой,
край, где нет у нас воспоминаний,
цвет листьев маниоки зеленый-зеленый,
в воронках от вражеских бомб и снарядов,
зерна перца еще не горьки, как надо,
перечный кустарник только что высажен...
Люди, спасавшиеся от бомбежки в море,
возвращаясь, места свои не узнавали,
люди благословляли траву —
трава уменьшала опустошенье,
трава уменьшала их страданье,
люди в укрытьях жили годами
с одной лишь мечтою:
походить по земле...

Это тот край, что я искала,
край, где нечего вспомнить нам с тобою,
для него я оставила наш город,
все отдала тебе без остатка,
хоть и знаю — тебе этого мало,
тебе не хватает красноземного края,
дорог, по которым сюда пришла я...

Винькуанг, 1970 г.

ПРЕДМЕТЫ ЕЩЕ ЖИВУТ

Парус плывет как будто случайно,
на реке полузатопленная шаланда,
тычины, обвитые люффой, перед домом упали,
ярко на них желтеют цветы люффы...

Портулак все такой же над разбитыми кирпичами,
петушиные гребешки стоят во весь рост...
Мы идем по битому кирпичу без слез,
так, словно в сердце нет печали.
Но мы знаем, предметы вокруг не случайны:
парус плывет, чтоб река оживилась,
цветы люффы желтеют, чтобы встали тычины,
портулак здесь растет, чтобы знала земля,
что она существует...
Мертвые не будут довольны,
если мы станем слишком печалиться.
Мы живем взамен тех, кто умер.

Хайфон, 1 сентября 1972 г.

МОИ ЗРИТЕЛИ

Когда в песне я поднимаю свой голос,
за спиной моей занавес становится полем,
становится речкой, становится небом,
становится улицей, отчим домом,
становится вечером, тихим и лунным,
становится берегом незнакомым...
Мои зрители ждут, чтоб я им пела,
люди, сделавшие свое дело.

Люди, вернувшиеся после разлуки,
люди, высадившие рассаду,
люди, прошедшие сквозь рыночный гомон,
люди, вернувшиеся с ночной смены,
они смотрят доверчивыми глазами,
они делят со мной свою надежду,
вместе со мной по стране проходят,
делят со мной печаль и радость...
Разве могу я забыть их,
зрителей, песней завороженных?

В годы войны, на дорогах Чыонгшона
я пела в укрытьях, и слушали пенье
парни, идущие завтра в сраженье,
парни, ремонтирующие дороги,
парни, взрывающие объекты,
парни, верящие мне слепо.

Парни искали в песне небо,
цвет знойного полдня, деревья,
оставшиеся за лесами деревни,
поля, зеленеющие в день их ухода...
Потом на дороге появлялись машины,
в них с песней моей уезжали парни...

Северо-запад. Зима в разгаре.
Далекие горные деревушки.
Сцена, устроенная на опушке,
склоны гор как два берега моей песни...
Женщины, подходившие после концерта,
касались плеча: «Замерзла, дочка?»
Я крепко сжимала их руки, смотрела
на огни,
            ползущие вверх цепочкой...
В Хоанглиен я пела вместе с горою,
вместе с тысячами деревьев,
вместе с листвой, тростником, травою,
люди слушали мои песни,
и двое топографов, прощаясь,
пожалели, что я уезжаю:
«Вы уходите, девушка? Кто ж будет петь нам?»

Колючая проволока отгородила
одну сторону от другой. Мы пели
средь бойцов, охранявших ключевые позиции,
и вместе с деревьями, с ветром и птицами,
вместе с винтовкой слушали парни,
и не было ничего, чтобы выразить чувства,
только один колючий кустарник...
Я побывала в краях незнакомых,
но зрителей не могла не знать я —
это были те же друзья и братья,
чья жизнь песни любой чудесней,
чьи радости и печали
были душой моей песни...
Зажглись фонари, открылся занавес,
словно огромной жизни преддверье...
Что смогу я дать им нужного, важного,
этим сердцам, упорным, отважным,
этим десяткам тысяч глаз,
глядящих сейчас
с таким доверием?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НАД ЗЕМЛЕЙ

(Отрывок из поэмы «Тревожные годы»)

Жужжит пчела, летит, чтоб мед добыть,
и гусеница шелковую нить, шурша, ведет.
Мать сыну колыбельную поет,
цветок алеет, источая мед, горит восток.

Зерно готово выпустить росток,
спи крепко, мальчик, день еще далек, пусть медлит он,
спи, мальчик мой, к тебе приходит сон
из молодой травы, зеленых крон, из-под земли,
где бомб осколки корни заплели,
из окон новостроек, что вдали уже видны,
что пахнут известью, из тишины
озер, хранящих сны, через холмы, сквозь облака,
и вот белеют струйки молока,
теперь не под землей среди песка твоя постель
и вход в наш дом не земляная щель,
твоя младенческая колыбель — твоя земля...

А тот огонь, что разводила я
в убежище, — он в крыльях журавля, он не погас,
и светел день, и мы живем сейчас
с деревьями, что посадил для нас родной народ,
и жаль мне, что забился в норку крот,
ведь смертью не грозит нам небосвод, кругла, ясна,
плывет по небу Госпожа Луна,
и больше не обманет тишина, не обольстит...
И колыбель уж больше не висит
у входа в подземелье — мир открыт твоим глазам,
привык мой мальчик к чистым небесам —
«...в три месяца перевернулся сам, а в семь сидел»!

Дорога вдаль идет, где ей предел?
В лесу чуть слышно ветер зашумел, поет родник,
цветам знаком его простой язык,
о край родной, твой опаленный лик для сердца свят!

Как поезд, что не знал пути назад,
земля прошла через огонь и ад. От этих дней
осталась песня о судьбе людей...
Спи, мальчик мой, ты тоже будешь в ней!

1975 г.

ИЗ «ПОДБОРКИ ВЕСЕННИХ СТИХОВ ТРЕМ МОИМ МАЛЫШАМ»

РАЗЪЯСНЕНИЕ

Посвящается Минь Ву

Он — мой младший. На все «почему»
Отвечаю охотно ему.
(Он один из троих не родной,
Но давно уж — как с мамой со мной.)
— Мам, а кто цвет зеленый родил?
Кто мороженое холодил?
Почему дни светлее ночей?
— Потому что они — из лучей.
Под лучами раскинув поля,
Цвет зеленый рождает земля.
Перец — горький: в беде, видно, рос...
Шум из рельсов идет и колес,
А из раковины морской —
Ветер. Слышишь, певучий какой?
— А мороженое?
— Ах да...
Из молочного сладкого льда.
Из веселого Тета — цветы.
— Мам, а сам я откуда?
— А ты —
Из счастливых годов, лучших лет,
Где — родители, бабушка, дед.
Из любви очень многих людей!
— И твоей?
— Да, сынок. И моей.

ПЕТУХ

Лишь светлее небо стало,
Под окном — «Ку-ка-ре-ку-у!».
Мама, сбросив одеяло,
Говорит:
— Пора. Бегу.
Мне, малышка, на работу.
Жди — и умницею будь.
— Мама, мамочка, со мною
Полежи еще чуть-чуть!
Ты поспишь, и я посплю...

Петуха я не люблю,
Он плохой. Зачем опять
Не дает нам с мамой спать?
— Нет, петух наш молодчина:
Он ведь, дочка, круглый год,
Как живой будильник, ходит —
Никогда не отстает!
А к каким звенеть часам,
Знает сам.
...Небо вновь рассвет окрасил,
Под окном — «Ку-ка-ре-ку-у!».
— Мама, мама, собирайся, —
Я тебя не отвлеку!
Петуха, уж раз не сплю,
Зернышками покормлю.
Он — хороший. Так и быть,
Буду я его любить.

ПРИМЕРНАЯ МИ

Ми умеет чистить зубы щеточкой,
Ногти ножницами приводить в порядок,
Овощи снимать, как мама, с грядок...
Даже бабушку причесывает Ми!
Получив гостинец, половину
Братику относит: «Вот, возьми».

«Ми, дочурка! Лет тебе немало,
В детский сад пойдешь, — сказала мама. —
Будешь там с ребятами дружить,
Будешь воспитательницу слушаться...»

Ми танцует. Ми руками хлоп да хлоп:
«Это крылья утки, утка сушится!»
Ми и песню про послушного птенца
Знает от начала до конца.

В группе, перед выходными днями,
Ей дают, чтоб показала маме,
Знак «примерной внучки Хо Ши Мина» —
И тогда весь дом бывает рад.

Но недавно расхворался младший брат.
Хоть ему и делают уколы,
Он совсем не плачет. Молодец.
Он послушный, как в той песенке птенец.

Мал еще, не ходит в сад учиться...
И значок свой старшая сестрица
Отдает, подумав, малышу:
«Поноси его, как я ношу!» —
«Ой, ты что? — подружка удивляется. —
Так твоя примерность... потеряется!»

Но рассудим-ка, друзья мои, все вместе:
Разве тот, кто сочиняет песни
И потом ребятам их поет,
Сам беднеет? Нет, наоборот!
А когда читает вслух твой папа,
Разве буквы, строчки со страницы
Исчезают в книжечке твоей?..

Ми задумалась и на значок взглянула.
Бабушка, смеясь, сказала ей:
«Не тревожься. Знаю я наверное —
Ты у нас теперь вдвойне примерная!»

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ ЖАРА ЗИМОЙ?

— И на улице и дома жарко летом,
А куда жара девается зимой?

— Что ж, найти жару нетрудно... Например,
Руку вытяни над чайником согретым!
Чай нальют тебе — жара и в чае этом,
То-то бабушка так дует на него.

Может соком сладким сделаться жара
И надолго притаиться в апельсине.
Может прятаться и в хризантеме зимней,
Чтобы свежим и душистым был цветок.

Если сыро, то жара жалеет нас:
Забирается под детские одежки —
И на мокрые озябшие ладошки
Выбегает, грея их, из рукавов.

По ночам боится холода сама,
Норовит к тебе залезть под одеяло.
Сколько там ее, проверь-ка, — разве мало?
А еще и на подушке, под щекой...

К маме на руки жара, совсем как ты,
Часто просится капризно и упрямо.
Потому, когда тебя обнимет мама,
У груди ее тепло — ой, как тепло!

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ

Небо создало сначала
только маленьких ребят,
на земле, что пустовала
без деревьев, без цикад,
даже свечка не светила,
воздух черный, как чернила, —
тьма, куда ни бросишь взгляд.

Ничего не видно детям.
Но минуты не прошло,
как явилось солнце в небе,
чтобы сделалось светло.
Вмиг трава одела склоны —
появился цвет зеленый,
распустился первоцвет —
появился красный цвет.
Птицы кружат в поднебесье,
чтобы детям слушать песни,
звуки чистые, как ключ,
выше гор и выше туч.
Ветры радуются чуду,
песни звук несут повсюду.
Чтоб купалась детвора,
речку выслала гора,
речка к морю полетела,
чтобы море засинело.
В море рыбы народились,
забелели паруса,
чтобы дети в путь пустились
поглядеть на чудеса.

Чтоб ходили лучше ноги,
пролегли везде дороги,
и чтоб солнце жгло слегка,
появились облака.

Но не кончена программа
просит жалости душа,
и тогда родилась мама,
чтоб баюкать малыша.

Мама песню принесла
банга * шелестящего,
белоснежного крыла
аиста летящего,
дождика нежданного,
берега песчаного...

Но не все еще случилось,
и опять ждут дети чуда —
тут неведомо откуда
детям бабушка явилась.
Голова ее бела,
а глаза ее смеются,
ждут ребята не дождутся,
чтобы сказку начала.
Даже мама не могла бы
рассказать все это нам —
и про фею, и про жабу,
про Ли Тхонга * и про Там!

Чтобы думать научиться,
папа должен был родиться.
Он послушным быть велит,
все, что спросишь, объяснит:
что воды у моря много,
и что длинное — дорога,
что зеленое — поля,
а что круглое — земля.

Наконец, как на параде,
буквы строятся в тетради,
встал учитель у доски,
перед ним ученики.
Белый камень очутился
у учителя в руке,
он рассказ о человеке
пишет мелом на доске.

1975 г.

КАМЕНЬ ГОР НГУХАНЬ

Из осеннего города,
с холодной обветренной пристани,
через реку Хан вместе с ветром соленым
мы прибыли в Пятигорье.
Вдалеке плещется море,
высятся горные склоны,
клубы пара закрыли пещеры,
и сверкает красками камень...

Извиваются тропки зеленых жилок,
отпечатавшие давние волны,
белый камень, цвета слоновой кости,
наполняется розовым, как растущее пламя...

Каменный Будда стоит под лучами,
взор устремлен на морские просторы,
Башня Ожидающего Над Морем
между волнами и облаками.

И вот, молчавший веками,
словно наполненный пламенем,
теплеет камень, разбуженный
человеческими руками...

Каменные слоны грациозны,
хобот изогнут, острые бивни...
О мраморная улыбка
на устах тямпских * изваяний!

Камнерез морщит лоб в молчанье,
смотрит вниз на железные кровли,
на поля, на подбитые танки...
Разве сердце забудет когда-нибудь
эти дни борьбы и страданий,
небо, скрытое в дыме и пламени,
землю, черную от злодеяний...
Колючей проволоки ограду,
которой был опоясан
этот склон, этот мрамор, погребенный под грудой
американской пластмассы...

Колечко из зеленого камня
ты надел мне на палец,

в нем слой за слоем остались,
в нем спрятан рев океана,
в нем тепло человека, разбудившего камень,
вставшего под народное знамя...

Вьется облако каменной пыли,
на морском песке луч заката.
Мы спускаемся вниз, мы простились
с Башней Ожидающего Над Морем.

Я уношу с собою
частицу души камня
и каплю океана,
катящего зеленые волны.

Дананг, ноябрь 1975 г.

НОЧЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Ветка дерева стукнула в окно,
ветка дерева в каплях дождя.
Ночь у моря, звезды и песок,
в доме лампы крохотный огонек.

Первая ночь моего возвращенья домой,
я еще не видела односельчан.
Только запах окуривания, запах травы,
да ветка дерева в темном окне...
Может быть, это ветер в тишине
или листья роняет ива?
Или птица скользнула крылом по волне?
Или начало прилива?

Белеют глыбы известняка,
глыбы камня окутаны морской травой.
Открываю двери,
выхожу в сад,
слышу — дерево с деревом
шепчется — не про меня ли?
Неужели деревья меня узнали?
Босыми ступнями ощущаю землю.
Слушаю голоса ночных птиц.
Спотыкаюсь о камни...
Сердце шепчет: скорее приди, рассвет!
Хочу увидеть лица людей!
Двадцать лет ожиданья — двадцать лет!

Двадцать лет — и вот окно предо мной,
чтоб, его распахнув,
встретить край родной...
О запах полей,
о ветки деревьев,
как руки отчизны моей спасенной,
они гладят лицо мое и плечи,
мои слезы смешиваются с росою...
Где-то петух возвещает утро...
В зеленых кронах просыпается солнце...

Дананг, 1975 г.

ПОРА ЦВЕТЕНЬЯ ЖОЙ

Пора цветенья жой,
в Кунгба белым-бело,
вдоль озера кусты
зеленою каймой.

Вот мы пришли сюда,
на прежний наш рубеж,
в который раз идем
под кронами надежд.

Вон парус на реке,
вол тащит в гору плуг.
Ждет свежая земля
зерна из щедрых рук.

Пойдешь ли ты со мной
в далекие края,
туда, где ждут плоды,
где ждет любовь моя,

через дожди и зной,
сплетения дорог,
в дни радости земной
и в дни земных тревог?

Стоим в тени, вокруг
деревья высоки,
и ветер с их цветов
срывает лепестки.

Цветы стоят, как ты,
молчание храня...
Но как же мне узнать:
ты любишь ли меня?

В САДУ БИБЛИОТЕКИ

1

Сад золотится, стрекочут цикады,
книги открыты среди прохлады.
Вдалеке убегает куда-то дорога,
облачка обрамляют синеву небосклона...

Страницы книг воспевают работу,
запах извести, капли жаркого пота,
то, что построили терпеливые руки...

Сад затих, он осенние слушает звуки —
деревце шау внимает ветру,
деревце феникса столько сезонов
распускает цветы, и они алеют,
и, как в детстве, печальная клонится ива...

Страницы книг говорят о грядущем,
о том, что понять до конца невозможно, —
незнакомые земли, золотистые дюны,
корабли, идущие навстречу буре,
страницы книг говорят о повернутых руслах,
об искусственных насыпях, о виадуках...

Сад размышляет о зелени летней,
мысли о ветре его тревожат,
о дымном дыханье годов бомбежек,
о тех, что на фронт уходили отсюда...

2

Все спокойно, все слишком отрадно,
мы с тобою в саду под листвой прохладной,
мы слушаем голос событий минувших,
дней вчерашних, дней грядущих,

мы дышим дыханьем веток цветущих,
на солнце глядим, смежив ресницы,
дороги зовут нас с каждой страницы,
все здесь бредит далеким неведомым краем...

И мы вспоминаем, мы вспоминаем —
красный ил под ногами и в зеленом просторе
огоньки, ползущие в темном море, —
корабль, удаляющийся от причала,
дождь в горах, туман без конца и начала,
укрытье, куда нас война загнала...
Вот огонь в темноте блеснул между веток,
партизаны поют у костра до рассвета,
эта песня о нашем вчерашнем сраженье,
о родимых краях... Как души озаренье
эта память о радости и о боли...
И сейчас так близки мы не оттого ли?

УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

Любовь — это твое, любимый,
милосердие — это улица моего детства,
место рожденья, мое наследство,
отсюда я уехала в далекие земли,
в жизни были то дождь, то солнце,
и вспоминалась улица моего детства.

О цвет черепицы, о цвет одежды
матери моей безответной,
недоброе и доброе, прекрасное и низкое,
чувство любви, тревожной и светлой...

«Грустно слушают крыши, как плоды падают
с веток...» *
Спасибо поэту, написавшему это,
показавшему чувства человека,
вернувшегося с чужбины на улицу детства.

С первых дней тревоги и бедствий,
пожаров, бомбежки и ужаса,
я думала о моей улице,
удивляясь, откуда у ней столько мужества?

Я возвращалась к маленькой улочке
после каждой боли, из каждой дали,
как искала тебя после каждой печали,
после каждого дня
огня и грома...

Из-под крыши старого тихого дома
я смотрела на небо, полное света,

прислушивалась к голосу ветра,
шелесту листьев, шороху веток,
все приводило на память детство,
я смотрела, как небо осеннее хмурится,
я смотрела на крыши домов моей улицы...

Сердце узнало столько бедствий,
столько утрат невосполнимых...

Любовь — это твое, любимый,
милосердие — это улица моего детства.

ИДУ ВМЕСТЕ С ВЕСНОЙ

По улице Шелков иду в Преградный ряд,
навстречу мне весна, как свеж ее наряд и как красив!
Я вверх смотрю — крылом полнеба прочертив,
взлетает ласточка, вся — трепет, вся — порыв...
Из-за оград деревья тихо мне о чем-то шелестят,
я в гости к бабушке иду в Продольный ряд, а по пути
на рынок Донгсуан надумала зайти,
циновку новую пора приобрести, да вон хоть ту —
на ней весенний день, деревья все в цвету
и птицы, лепестков касаясь на лету, снуют в ветвях...
Сегодня нет дождя, ни тучки в небесах,
сегодня город мой купается в лучах уже с утра,
нам больше не грозят ненастье и ветра,
иду, хочу купить кувшин у гончара — их сто сортов,
и в каждом дар и труд вьетнамских мастеров,
потом иду в Нгокха *, на родину цветов, в их дом родной...
И Красная река о дамбу бьет волной,
и лодки рвутся в путь от пристани речной, им невтерпеж.
Сегодня город мой особенно хорош...
Как хорошо, весна, что рядом ты идешь!

1976 г.

КОРНИ СЛОВА

(Отрывок из поэмы «Тревожные годы»)

Слово «люблю» говоришь ты, древнее слово,
тысячу лет оно в песне живо и ново — не на земле ли
люди его говорили, думали, пели:
«...я на мосту, и дорогу ветер мне стелет желтой
листвою...»

«Ты возвратишься, тебя я курткой укрою...»
Древнее слово шептали с новой луною, в ночи печали,
те, что, простясь, уходили в дальние дали,
те, что их помнили, ждали, не забывали старые были...
Слово «люблю» наши деды встарь говорили
бабкам с пучком на затылке, много сложили песен об
этом,
слово «люблю» говорим мы ночью, с рассветом,
в полдень и вечером, лунным залитым светом, в час
расставанья.

Утром, когда под лучами слышно дыханье
лотосов белых и стройных, как изваянья, что провожают
лодки, свой сладостный запах вслед посылая,
их проводить до предела отчего края, края родного...

Так человек, оделяя счастьем другого,
слово «люблю» произносит, жаркое слово, в шум его
пряча,
в шум перекрестков, вокзалов, смеха и плача,
сбитых цепей и решеток, улиц незрячих, дымных
кварталов.

Мама отца с этим словом в бой провожала,
дом поджигая, откуда в джунгли бежала в дни
испытанья...
Красной реки тихий шепот, струй бормотанье...
слово «люблю» различаешь? Слышишь признанье в
шуме стремнины?

Люди тащили орудья через вершины,
шли друг за другом бригады — мокрые спины, ярость
во взоре,
слушали крик материнский, зов ее горя...
Слово «люблю» повторяли горы и скалы...

Слово «люблю» —это жизни смысл и начало,
время само побеждая, в мире звучало снова и снова,
горечь разлуки минуя, радостным зовом
вечно звучит это слово, жить помогая...

Слово «люблю» говоришь ты, древнее слово...

ФАМ ТИЕН ЗУАТ

МОСТ

Мне фотографию моста отец прислал.
«Я строил сам его! — отец в письме сказал. —
Я матери твоей то фото показал, и долго, долго мать
Разглядывала мост!»

Люблю мосты! Как паутинка, мост
Над горлышком кувшина, легок, прост,
Но не согнуть и не сломать!
Перелетает реку птица дрозд,
Ее несет и держит ветер-мост.

Вот муравей по мостику-бамбуку
Через ручей спешит с добычей в хижину свою.
Я радуги мостов по цвету и по звуку
На родине любимой узнаю, вот арка-мост.

Над ней завод встает во весь громадный рост
И поезда бегут, и урожай везут машины,
Веселый гам и работящий гуд, мужчины
Несут в корзинах рис, качаются, как в сетке,

В железной клетке звонкого моста, под ним
Пестреют паруса — на лодках известь, камень.
Люблю мосты, люблю работы пламень,
Мост никакою музыкой незаменим!

Бывало, к бабушке иль к матери бегу я через мост,
А паруса шумят, горят и реют.
Люблю мосты, они мне сердце греют,
Мост через реку Ма — отца победный тост!

8 Заказ 167

ДНЕВНИК ЛЮБВИ

21 апреля

Я люблю тебя, я ждал тебя весь день,
Ты не пришла. Спустилась ночи тень на поле.
О запах теплых рук твоих — земли и воли —
Идет за мной, я полон нежной боли,
Я люблю тебя, я ждал тебя весь день.

22 апреля

Я люблю тебя, я так тебя ждала,
Ты не ругай, в тот день я не пришла, я поле
Засеяла арахисом — во имя нашей доли,
О запах теплых рук твоих — земли и воли,
Я люблю тебя, я так тебя ждала!

По два зерна я сеяла, по два зерна,
Растениям любовь нужна — они ведь существуют парой,
Весну приветствует страна, и молодой и старый,
Пусть зеленью шумят сады, упругою и ярой,
Ты не ругай, я сеяла по два зерна!
Там далеко ведешь машину ты.
Сверкают фары... ты не пришел в условленное место.
Ведешь машину ты через хребты, война, и мне известно —
Две фары, это — ты и я, твоя невеста...
Там далеко ведешь машину ты!

В КЛОЧКЕ НЕБА НАД ГОРОДОМ ВИНЬ

Снова голос зениток — начало рассветного боя.
Сколько дней, сколько лет я не знаю покоя!
В полудреме ресницы сомкнуть и чуть-чуть порасслабиться мне бы.
Черепица разбита упавшею бомбой — и в крыше я вижу клочок мутно-серого неба.

Вижу вспышки снарядов летящих,
Ослепляющих душу, звенящих, гудящих.
Вижу звезды высоко, стоящие гордо над древней планетой,
Слышу ветер, спешащий от берега Лам, я на этой
Земле, не могу, не могу, не могу
Убаюкать себя, дать хотя бы секунду забыться врагу!..

ДАН ТАМ-ТХАП-ЛУК * — НАША СТОЛИЦА

Какая-то девушка играет на дане там-тхап-лук.
Я прислушиваюсь.
Вахту несет боевая столица.
Как циновки, от деревьев тени расстилаются вокруг,
Тишина напряженная.
Не спится.

Выплывает черепаха под струнный звон,
И волшебный меч подает Ле Лою *.
Тридцать шесть струн — голоса, голоса
То плач, то стон,
То горячий призыв к герою!

Тридцать шесть струн — это тридцать шесть лет
Несгибаемой партии,
Воли ее и силы,
Тридцать шесть вершин борьбы и побед,
Над которыми партия нас возносила!

Тридцать шесть струн — голоса, голоса
Наших матерей и любимых наших.
Слышишь, воют ветры, шумят леса.
Причитают дожди о павших?

Тридцать шесть струн — гранита гряда,
Тридцать шесть струн — Ханоя свобода.
Тридцать шесть струн —
Врагу никогда
Не склонить моего родного народа!

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА НА МАРШЕ

Бабочки и стрекозы — сколько их здесь!..
Девушки из ансамбля, трудно вам перенесть
Этот поход, коль версты долгой войны не счесть.
Ноги опухли!..
Сели на камне вы древнем поесть.
Ржавая фляжка под камнем — былых испытаний весть,
Дорога свободы и фронта — Родины нашей честь!

Проходят войска по дороге,
Солдаты рабочих, крестьян,

Земля замирает в тревоге —
Ей слышится ураган!..

Вот девушки видят — слоны преграждают дорогу,
Наверно, король Куанг Чунг явился из древности к нам.
Бил он китайских захватчиков: было их много, —
Слоны Куанг Чунга приплыли по времени синим волнам.

Слоны Куанг Чунга!
Им бивни дожди шлифовали.
Слоны Куанг Чунга!
Их девушки близко видали.

А фляжка, которая смирно под камнем ржавела,
Французская фляжка — захватчикам нету предела!..
Забыта она или брошена в топях французским солдатом,
Годится музейным сегодня предстать экспонатом.

Дорога свободы прекрасна, высóка, крепка:
Шаг в шаг, день в день,
Века замыкают века!..

Дорога свободы — моторы победно гудят.
Стрекозы и бабочки радугой в небо летят.

Сильнее и тверже шаг.
Характер огрáнился наш.
Дорога свободы — полков очистительный марш!

ЧАС И ДЕСЯТЬ МИНУТ

Каждый час отдыхаем десять минут.
Я с отрядом на марше, бессонном и трудном.
Вспоминаю тебя: вот приходишь ты в класс озабоченно
утром,
Каждый час отдыхаешь десять минут.

Мы с тобою друг друга не повторим,
В эти грозные месяцы — столько героев!
Будем жить и сражаться, нашу волю утроив.
Мы с тобою друг друга не повторим.

Вспоминаю тебя: воскресенье, сидишь ты, грустишь
одиноко и долго,
Я же здесь, где леса — где нелегкие тропы бойца.
Разве сложно представить черты дорогого лица?..
Я стою. Перевал. Дуют ветры, и шепчутся листья
отволгло.

Ты, наверно, сейчас вырезаешь цветы из бумаги,
Серебрятся они... ждут их, ждут не дождутся веселые
дети.
В клочья — сталь, алюминий... обломки и рев
на рассвете,
Через бомбы иду, сберегаемый чудом отваги.

Ты на черной доске мелом линии ловко проводишь.
Ночь чернее доски, трассы пуль протянулись в ночи.
Их полет по сердцам, а они горячи, —
Мела след и свинца ты в пространстве находишь.

Фронт повсюду — длинноты, широты его высоки.
Час и десять минут, мы нигде их с тобой не теряем,
Мы с тобою друг друга не повторяем, словно клятвы,
минуты сверяем,
Ты торопишься в школу, любимая... годы тоски!

Ровно десять минут, ровно десять минут — знает
каждый.
Друг о друге мы думаем. Наши войска
Настигают врага, мы охвачены гордою жаждой
Бить захватчика, правда победы близка!

Дни-колеса бегут, час и десять минут — молодой
Век сверяет сердца, души строго сверяет у нас.
Мы с тобой отдыхаем по десять минут через час,
И для нас загорается время звездой.

СЕЗОН АПЕЛЬСИНОВ НА ЗЕМЛЕ НГЕ *

Набухает ветром тяжелым сахарный тростник.
Апельсины краснеют и наливаются крепким соком.
Аромат их густо в доме старом возник
И на лугу пчелином, и в небе высоком.

Деревенская женщина мне плод подает:
— Возьми, я сыночку старалась, его растила! —
Сын ее далеко захватчиков без устали бьет
В материнской ласке — воина храбрость и сила.

Говорит мне женщина: — На, положи
Апельсинов побольше в походный свой ранец
И ни сном, ни отдыхом не дорожи,
Если топчет родину наглый американец!

Продолжает женщина тихо: — О сыны,
Вы едите разных садов апельсины,
Дорогие дети, герои долгой войны,
В справедливом порыве возмездья едины!

Апельсинов сок — молоко и здоровье земли,
Апельсинов сок — и любовь, и верность, и радость.
Мы и Юг и Север в боях прошли,
И теперь — победить, победить нам осталось!

РАССКАЗ О ВЛЮБЛЕННЫХ ДЕРЕВЬЯХ

Упали деревья,
Влюбленные вечно друг в друга,
Пронзительный запах смолы над рекою струится упруго.
И в красное тело
Вонзаются пилы,
Не стружка, а кровь
Из-под зубьев забила.
Деревья полягут — продолжат дорогу к сраженьям,
Деревья, детей укрывавшие в парке от острого жженья.

В тумане военном
Деревья солдатские слышали марши.
Здесь юные пары шептались когда-то, а ныне деревья
попадали наши!..

И вместо деревьев зенитные выросли дула.
Играет зенитчик на дудке — до взрыва,
Почти за секунду до страшного, черного гула!..

СТИХИ БЕЗ РИФМЫ, РАССКАЗЫВАЮЩИЕ О ФОТОГРАФИИ В ОДНОМ ИЗ РАЙОНОВ, ГРАНИЧАЩИХ С ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Осветительные ракеты вывесил враг на холмах,
И вспышки пылают, как флаги.
Земля здесь и скалы изрезаны шрамами.
Все изувечено!
Только шагает солдат вперед,
Неустрашим
И прям!

Я приказал солдатам-саперам:
— Лопасти бомб, клочья от парашютов, хвосты от разбившихся самолетов ко мне,

И мы, воины, встанем над кучей охвостья врага
И пошлем фотографии нашим любимым!

Но тихо ответил бывалый солдат:
— Зачем этот мусор, оставшийся от захватчика,
Пусть наши лица на фото, как наши сердца,
Будут ясными!..

СОН В ЛЕСУ

1

Мы подвешиваем гамаки и сразу
Засыпаем. Ветер мечется в лесу, и разум вселенной
Пробуждается, могучий, дерзновенный,
Звенит листва, но будет день обыкновенный.

2

Птицы кричат, ворочаюсь — не уснуть.
Птицы кричат. Войска пробили путь, воют моторы глухо
В горах, а здесь со мной — дыханье друга,
И лес над головой звенит листвой упруго.

3

Спать на кровати — всего лишь кровать.
Спать на земле — весны благодать, когда

Потягиваешься устало. Утро войны и труда
Настало, прошли свинцовые холода...

ПАМЯТЬ

Слова бойца-шофера

Нетяжелая рана, больница, и память полка
Дымом, гудом, деревья кружатся и травы...
Лягу на спину — вот она смотрит и смотрит в глаза мне,
луна.
Повернусь на живот — полыхает в огне переправа.

ПРИВЕТ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ПРОПАГАНДИСТОВ, ПРИВЕТ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ АРТИСТОВ

1

Идут непрерывной цепью винтовки, пушки, зенитки,
Машины идут со снарядами, дивизии, как по нитке,
По Тропе Хо Ши Мина,
А впереди — сраженья, дымы, пожарища,
Всех вас приветствую, воины, братья, товарищи!

Вот идет, сгорбившись, старый художник с мольбертом,
Вот — девушка из ансамбля,
А вот — поэт, что расскажет потомкам об этом!..
Идет музыкант, артисты, играют они на рожке,
Идет кинооператор — историю держит в руке!..
Идет и записывает — журналист.
Рокот моторов. Хребет Чыонгшон мглист.

Горный хребет Чыонгшон — Тропа Хо Ши Мина, —
Неотвратимая на вражьей дороге мина!..

Горный хребет Чыонгшон —
Голос винтовки, бомбы и человека,
Ночи, павлина, бури,
Грозного нашего века!..

2

Нет статуй,
Достойней людей, пробирающихся по скалам,

Нет ярче солнца, которое
Над ними лучи расплескало!
Священные птицы *, что предки еще высекали
На древних предметах,
Как журавли, над нами летят и летят все лето!
Летят над всеми винтовками, пушками и зенитками
Семь цветов радуги — день вышит золотоструйными
нитками!..

Шарканье ног по земле. Скалы, торчащие остро.
Ворота неба раскрыты — вперед, братья и сестры!

3

Группы из центров
Идут.
Труппы из провинций
Идут.
Песни идут, танцы идут из Ханоя
На Чыонгшон — в свисте, копоти, зное,
На Чыонгшон — в железном движутся марше
Пропагандисты, артисты —
Солдаты-герои наши!..

Страна захватчиков бьет!
Мы все на марше, мы знаем — не поздно
Очистить родину от врага!

4

Грозно сияет воронка.
Тропа Хо Ши Мина —
Неотвратимая на вражьей дороге мина —
Не раз потревожит память ребенка:
Он будет спрашивать про наши
Удивительные марши.

Гудят, напрягаясь, трансмиссии,
Идут, идут дивизии!
Привет подразделениям пропагандистов,
Привет подразделениям артистов!..

ПОМНЮ О ХОРЕ, ПОЮ В ХОРЕ

«Твой голос слушать приятно!» —
Когда-то, помню, сказала ты мне.
Та фраза особо теперь понятна,
Сегодня здесь, на войне.

Мне чудится, чудится хор позабытый.
Деревья и время шумят надо мной.
Я этой проклятой и долгой войной
Не раненный и еще не убитый...

Мне чудится, чудится хор — и ритмично
Дыханье людей, и друг другу
Они помогают легко и привычно
Взять песню и двинуть ее по кругу

Единым порывом, любовью и страстью единой,
Как ветром, как ласковой теплой волною,
Как верностью, каждому необходимой,
Как синей весной, золотою луною!..

И кажется, в хоре том юные розы
Звенят лепестками, трепещет листва.
Сверкают дожди, урожайные грозы
Гудят, и шумит вековая трава.

Хор выше вздымает прекрасную грудь,
Под звезды, под самые яркие звезды.
Колышется синий упружистый воздух.
И млечный искрится за дымкою путь.

И небо поет, и ему подпевает земля.
И пашни поют, и поют молодые поля.
Друзья запевают, со стройки спеша по домам.
Бойцы запевают, идя сквозь огонь по холмам.

Тебя вспоминая, один я сегодня пою,
В далеком, повитом военной тревогой краю.
Я к бою готовлюсь, охвачен сражением скорым.
Один я пою, это значит — действительно хором!..

ПИСЬМО ЧЕТЫРЕХ БОЙЦОВ

1

Я был в Тхыатхиене,
Я дошел до Донгха.
Мы вывешивали флаги в Куаннганге, Куангчи.
Товарищ, товарищ, ты вспомни, вздохни, помолчи.
Мы пели в железной атаке,
Послушай, как лязгают гусениц траки!
Бои утихают.
Враг крабу подобен —
Нерасторопен. Клешни отсыхают...

2

Я не знаю — мой дом цел или сгорел дотла.
Может быть, даже малого признака
Не осталось от родного села?
Враг бомбы швыряет и ночью и днем,
Отчизна покрыта, повита смертельным огнем,
Отчизна, где я вырастала счастливо.
Простите мне, что я сегодня нетерпелива:
Хочу я на фронт, разрешите уйти
В сраженье — другого нету пути!

Умею я шить, на машинке стучать,
Умею я раненых выручать!..

3

Уже восемь лет
Враги топчут рассвет.
Я встречал их в Фагхепе,
Я встречал их в Кхерине, Катанге,
Я сшибал их на всех порогах,
Я топтал их на всех дорогах.
Ни на одном метре,
Ни на одном километре
Нас не покорить,
У меня не осталось матери и отца,
Но за свободу отчизны клянусь я стоять до конца,
Товарищи, разрешите с врагами только пулями мне
говорить!.

* * *

Письма четырех человек разные,
Но язык один, один у них военный век...
Первый человек — пехотинец из Куангчи,
Второй человек — девушка, сделавшаяся бойцом,
Третий человек — водитель автомашины
С упрямым и обожженным лицом,
Четвертый человек — я, поэт и солдат —
Фам Тиен Зуат.

СЕГОДНЯШНИЕ ДЕЛА

Сообщило военное управление
Число сбитых самолетов и подожженных кораблей.
Метеостанция — объявление
Об урагане,
А министерство сельского хозяйства —
О площадях засеянных полей.
В бумагах, что премьер-министр читает ночью
В любую погоду,
Есть еще сообщение о завершении первого свода
Всеобщей истории народа.

Труд по всеобщей истории завершен,
Груду рукописей перевозим на рикше.
Последние страницы летописец заканчивал,
В убежище оглушен,
И помогали ему солдаты, из легенд возникшие!..
Бойцы историю творят,
Высокие груды бумаг не сгорят.
Коляска с бумагами — через фронт пройдет.
История,
В ней — каждый герой свое место найдет!

Циркуляры о посылке студентов за границу,
Таблицы единых стандартов и мер.
Бумага расправится, как летящая бабочка или
красивая птица,
Это история — подвиг, пример!
Здесь — указанье хранить наш язык в чистоте.
Насмерть стоять на отбитой родной высоте.
Пусть знают американцы, бумага —

Наша завтрашняя отвага:
Вопросы, которые не завершили
За тысячи лет,
Мы сегодня в сраженьях решили!

Белый лист бумаги,
На нем — следы смазки оружия и порох отваги!

ФАМ НГОК КАНЬ

СМОТРЯСЬ В ЗЕРКАЛЬЦЕ

(Рассказ актрисы)

Смотрю, минут не торопя,
И вижу в зеркале себя сейчас.

Смотрю, не отрывая глаз.
О, как же изменяет нас успех!

Иные возгласы и смех
Иной роняет человек. И вот

Румяна я пускаю в ход.
Так кто же в зеркале живет сейчас?

Я щедро пудрюсь всякий раз,
Я тени навожу у глаз своих.

А облики за мигом миг
Рождаются в чертах моих, спешат

И возвращаются назад,
Туда, где он им будет рад и ты.

Но что теперь — мои черты?
И гнутся брови, как мосты, взгляни.

Румянец мой — боев огни,
Когда мы побеждали в дни войны.

И в зеркале отражены
Черты грядущей тишины с утра.

Нет, это больше не игра:
В себя вернуться мне пора. На дне,

В живой зеркальной глубине,
Видна моя улыбка мне.

ГОРНОЕ СЕЛЕНИЕ АТУК В НОЧЬ НА 28 ЯНВАРЯ 1973 ГОДА

Голос гонга несется над зарослями в Атуке,
к облакам сквозь воронки ветра взлетают тугие звуки,
и наконец-то метелки риса вздрагивают не в испуге,
Но гонг нам напоминает о чувстве былой тревоги...

Фары шарят по грязной, размытой дождем дороге.
Где красная пыль — примета наших бед и лишений.
Светом слепящим создан образ стольких сражений,
память о них воскрешают гонга медного звуки.

Листья к ним повернулись, будто бы уши джунглей,
вобравшие в себя хаос тысяч звериных воплей.
И села, неся на крышах грозящее бомбами небо,
согнули спины, собой прикрывая дорогу.

Камень, что над потоком, туман укрыл понемногу.
Нас до костей пробирает, и кажется: кровь не течет...
Даже в сезон ураганов здесь можно осилить брод.
Машины покачиваются кувшинами из-под вина,
машины не останавливаются — их ждет война.

Звуки достигают полей, немеющих в запустенье.
Звуки к легендам о Дам Шане * торопятся в нетерпенье,
к звукам этим прислушиваются новые поколенья,
как прислушивается Атук к машинам, уносящимся
прочь.

Ветки ножом широким срубали мы в эту ночь.
Глаза примечают каждую воронку, любую выбоину,
руки спешат заровнять следы взорвавшихся бомб,
и это длится год за годом — целых десять лет.

А машина катится за машиной, словно конца им нет.
И скоро врагов отсюда всех мы прогоним прочь.
И Атук озаряет джунгли факелами в эту ночь.
И медный гонг разносит вокруг удар за ударом.

Пламя и гонг сегодня объединились недаром.
Люди жарят мясо дикобразов и пьют вино из доака,
младенцы сосут материнскую грудь и не боятся мрака:
это артерия жизни, в которой кипит кровь.

Сегодня на плечи танцующих ночь накинута вновь,
ночь, в которой тени накапливаются, дрожа.
Медный ободок снаряда пошел на рукоять ножа —
и в этом одна из черт победы, пришедшей к нам.

Мы храним брод по камням через реку эту,
мы храним три винтовки, с которыми вышли к свету,
мы храним стертые наконечники для стрел арбалета,
а земля наших предков хранит сказания о Дам Шане.

Эй, села, пейте сегодня это вино:
завтра будут руки в землю ронять зерно,
и вырастет рис, какого Атук не видал давно.
Помню, как в Чыонгшоне стояли мы десять лет.

Эй, села, танцуйте под гонг наших побед!
Заключайте в объятья дорогу, на которой враг побежден,
нынешнее тянет ветви в грядущую даль времен:
ведь будущее свободней, чем наши песни сейчас.

1974 г.

ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ ПРИ ЗАЖЖЕННОЙ ЛАМПЕ

Там ясные глаза у парней,
и непроглядно сырые туманы по вечерам,
и ряды колючей проволоки, вселяющие в душу чувство
тревоги.

Там молотом дробят каменья
и выкладывают квадраты вдоль новой дороги.
Туда я пришел до сумерек и погрел руки над горячей
печуркой.
Там на пункте связи последнего участка
слышны воды закипающей звуки,
и ты бросаешь сухие листики в кружки,
и горячий ароматный напиток передается из рук в руки.

Там есть песня о том, кто пришел туда первым,
песня, западающая глубоко в сердце,
песня, которая звучала в ночи,
когда я уезжал в Куангчи,
звучала в ритме колес на ходу.

Там, улыбаясь, рассказывали, как готовить еду.
Там я ел рис с разминированных полей,
там моей памяти становилось все тяжелей,
там были злодеяния, любых злодеяний злей.
О них расскажут с печалью песни других годов.
В центральной части Вьетнама много страшных следов.

В самих городах и около тех больших городов.
Там среди друзей для меня отыскалось место:
я уснул под куском парашютного шелка,
и было мне тепло и не тесно.

Там, родная, нашей любви начало,
там, как земными соками, был я ею напоен.
Там я все сказал, а что еще не отзвучало,
отложим до новой встречи в следующий сезон.

Свет лампы — к нам прислушивался он.
Там, родная, нашей любви начало,
там существует сезон сухой,
чтобы мушка винтовки не задрожала.
Мы не забудем, как пришли к огню,
и прикурили от него, и смотрели в него устало.
И в этом величественном горенье
мы видели нашу победу
и наше знамя, летящее над дорогой номер девять,
и ночные марши от селенья к селенью,
и пустынные рисовые поля.
Мы сердечно встречали новое пополненье,
сливаясь с друзьями в одном порыве,
в одной жизни, в одном устремленье,
чье сегодняшнее озаренье
ярче лампового освещенья.

9 Заказ 167

ЗЬЕП МИНЬ ТУЕН

ДОРОГА, ПРОХОДЯЩАЯ ПО ЧЫОНГШОНУ

Сто троп сливаются в одну,
Тропа единства в вышину идет.
Над нею звездный небосвод,
Внизу — долины разворот, а тут
Цикады звонкие поют.
Листвы зеленой перегуд вокруг.
А в полночь рев машинный вдруг,
Тревожный нарастает звук. Но все ж
День с праздником весенним схож,
Идет по тропам молодежь страны.
На карте тропы не видны,
Они в сердцах утверждены у нас.
По ним ходили мы не раз,
Разлуки побеждая час с трудом.
Здесь мы вели бои с врагом?
Пусть только жизнь звучит кругом всегда.
Пусть дождь нас мочит — не беда,
Пусть бомбы — песня молода вовек.
Гамак солдатский — мой ночлег.
Слежу поспешных мыслей бег сквозь сон.
Но снова розов небосклон,
И вновь ведет нас Чыонгшон вперед.
И вещмешок мне плечи трет,
Но все же Юг к себе зовет бойца.
Тропой свободы до конца
Сквозь пламя нам нести сердца легко.

* * *

Орел взлетает высоко.
Мужчиной стать — Тропою Хо пройти.

Январь 1971 г.

ГОЛОС ПТИЦЫ

Простерлись джунгли на востоке пологом зеленым,
Негромкий ручеек бежит по склону.
От гамака на берегу
Доносится чуть слышное дыханье.

В цветенье абрикосы ранней ранью.
Лучи на листьях, на цветах и на коре.
Я тоже просыпаюсь на заре
И в гамаке своем вздыхаю то и дело.

Нет, я проснулся не из-за обстрела.
И не из-за бомбежки мне не спится:
Над ручейком сейчас запела птица,
Запела надо мной, лежащим в гамаке.

Что ж, продолжайся в мире, это пенье,
Но девушек уснувших не буди:
Всю ночь они снаряды доставляли фронту
И звезды яркие несли в глазах.

1971 г.

СПЛЮ НА ПОЛЕ, ЗАЛИТОМ ВОДОЙ

Не всякий сидя смог заснуть бы в час ночной,
Но спал ли кто-нибудь средь залитых водой полей?
А ночь над головой все гуще, все темней.
Вновь прибыла вода, и тонет поле в ней вокруг.
Лоскут нейлона — вот мой самый верный друг.
Я к лодке прислонюсь, чтоб спину грел бамбук. Лоскут
Нейлоновый свяжу травой, растущей тут.
И вот уже он сух, мой временный приют. И в нем
Я слышу: рыба бьет о лодку плавником.
И холод плавника я чувствую лицом. И вот
Спускается туман над немотою вод.
И гулкий сердца стук из недр моих идет ко мне.
Сквозь дрему слышу я крик птицы в тишине.
И вздрагиваю — луч играет в вышине с утра.
Мне свернутый нейлон крепить к корме пора.
Когда же гладь воды слегка качнут ветра, хочу,
Чтоб удавалось впредь туман пробить лучу,
Чтоб время шло вперед, а мы — плечом к плечу — туда,

Где до сих пор стрельба, где ждет нас, как всегда,
Наш авангард, для нас зажегший на года свой свет.

Вот ветер гонит рябь, а смолк он — ряби нет.
Тот, кто здесь был в ту ночь, оставил в поле след навек.

1971 г.

ШЕПОТ ЦВЕТОВ

Шел летним днем я через перевал.
Цветы банана взгляд мой приковали,
Их равнодушно обойдешь едва ли —
Они в глаза мне алостью пылали.

Решил я отдохнуть на перевале.
Я закурил неспешно сигарету,
Вдруг у камней, что солнцем разогреты,
Послышался мне шепот рядом где-то.

Казалось, были им цветы задеты,
Окрашенные в густо-красный цвет.
Но если никого со мною нет, —
То лепестки бормочут без умолку.

И я не стал засиживаться долго.
Мне захотелось тайну разгадать,
И я к цветам приблизился опять.
В их зарослях укрылся и застыл.

Я разобрал — мужским тот голос был.
Звучал он глухо, словно бы волна,
Когда к ветрам мятежно льнет она
И звезды с нею делят откровенье.

А голос девушки — само волненье.
Верней, само дыханье ветерка.
В нем слышалась, пронзительно легка,
Простая песнь летящего дождя.

Я понял все немного погодя:
Влюбленные, познавшие разлуку,
В конце концов увидели друг друга.
И эта встреча, словно свыше милость.
Она назад вернуться торопилась,
Он грузы стратегические вез

И тоже озабочен был всерьез
Тем, чтобы их доставить к наступленью.

Тень облака скользила в отдаленье,
Касался ветер неподвижных гор.
Мне все еще был слышен разговор,
И это там, где заросли густы,
Казалось мне, что шепчутся цветы.

1971 г.

НОЧЬ НА НАНОСНЫХ ЗЕМЛЯХ

Ба-бах... ба-бах... ба-бах...
В ночи пустынной вдруг
Стрельбы недальней звук
Опять стреляет враг
Дрожащий свет луны
Нисходит с вышины
Винтовки вкруг поста
Сгрудились неспроста
Вновь поднялась стрельба
Хор детских голосов
Протяжно песнь ведет
Отмечен небосвод
Мерцанием звезды
Над плоскостью воды
Тяжелой рыбы плеск
О как она жирна
Разносится вокруг
Печеных раков дух
И в кухню уж внесен
Из риса самогон
Прозрачный как слеза
А рюмки так малы
Они пустеют вмиг
И рад гостям старик
Он смотрит на огонь
Скользит к устам ладонь
На крыше листьев дрожь
Здесь климат так хорош
Открыты до конца
И души и сердца
На землях наносных.

1971 г.

ЗЕМЛЯНКА

Любимая, тебе письмо пишу в землянке,
Мы домом все ее зовем.
Здесь земляные и накат и стены.
Здесь незнакомы мы с жарою и дождем.

Три метра в ширину — таков он, наш приют.
Мы к тесноте привыкли постепенно.
А высота жилья такая, как мой рост,
И мне, входя, не надо наклоняться.

Войдешь — в кромешной тьме никак не разобраться.
Но белозубо вдруг улыбка мрак прожжет.
В землянке не поймешь — закат или восход,
Здесь днем свежо, а спишь без одеяла.

Бывает, дождь жару не унесет:
От влажности дышать нам тяжелей...
Но хочешь победить — все беды одолей.
Со временем ты сам привыкнешь к жизни этой.

В землянке нелегко, но грусти нету.
Спим в гамаках, и курим перед сном,
И шутим, и всегда тревожимся о том,
Чтоб не прожечь гамак, признаться честно.

В землянке нелегко, но интересно:
Там, наверху, стрельба — нам не страшна она.
Бомбежка — и она почти что не слышна.
Здесь самый громкий звук — ритмичный храп, пожалуй.

Кто долго прожил здесь, тот солнца видел мало.
И радует его у входа лунный блик.
Кто в глубине земли подолгу жить привык,
Тот и обычный свет воспринимает ярче.

Любовь к земле отцов во мне горит все ярче.
Мне синь родных небес дороже жизни.
И раз спасает нас земля сама,
Кто сможет победить любимую отчизну?!

1971 г.

ЗВЕЗДА МОЯ, ЗВЕЗДА ТВОЯ

Мы в детстве по ночам считали звезды.
С земли в сезон, когда родится рис,
Мы в синей выси отыскать брались
Мою звезду, Твою звезду. И с неба

Моя звезда в ночи мерцала немо,
Соседствуя с застенчивой Твоей.
Поблизости виднелся Водолей,
И мириады звезд нам слали свет.

*

В явь воплотились игры детских лет.
Мы буйволов пасли когда-то,
А в партизанах стали мужем и женой —
И вновь близка Моя с Твоей звездой.

Я в армию ушел, простясь с тобой,
И в голубых ночах Сопротивленья,
В засаде сидя, улучив мгновенье,
К Твоей звезде тянулся долгим взглядом.

Я думал: вдруг и ты сейчас в засаде...
И над опасностью, и над тревогой,
Над темной деревенскою дорогой
Восходит над тобой Моя звезда.

Слились два сердца вместе навсегда.
Слились в одно, не ведая испуга.
Пусть мы в разлуке, мы верны друг другу,
И нам открыт, как раньше, к счастью путь.

*

Но разве мог подумать кто-нибудь,
Что нынче ночью ты, друзей спасая,
Падешь во имя обновленья края,
Что гибель оборвет твои следы.
Ты стала светом крошечной звезды, —
Горящей храбро ночью непроглядной,
Дробящейся легко в воде прохладной
И нас ведущей молча по земле.

Да, ты ушла, но ты живешь во мне.
И вновь с друзьями, вновь со всей страною
Громим американцев мы с тобою,
И в небе наших звезд не разлучить.

1971 г.

СМЕХ ОДНОПОЛЧАН

У нас в отделении служит десяток солдат:
Народ молодой этот жизни особенно рад.
Порой не хватает патронов, порою — еды,
Но шуткой веселою каждый, поверьте, богат.

Смех однополчан моих — вряд ли отыщешь дружней.
И грохот снарядов он звонкостью гасит своей,
Хоть мы на важнейшей позиции службу несем,
Я знаю: спокойно всегда на душе у людей.

Смех однополчан моих — сколько веселости в нем!
Он верой в победу наполнен и ночью и днем.
Известно, на фронте до смерти один только шаг,
Но шутка нередко спасала нас и под огнем.

Смех однополчан моих — сколько в нем слышно тепла!
В глубоких землянках пред ним расступается мгла.
Он над гамаками звучит, согревая солдат,
С ним радость приходит, а радость для сердца светла.

Смех однополчан моих — ах, до чего он родной!
В нем разные говоры музыкой дышат одной.
Из разных краев в отделении нашем народ,
Но он ощущает себя неделимой страной.

Смех однополчан моих проникновенен и тих,
Он в душах ребят отозваться готов что ни миг,
И в госпитале он к тебе возвращается вновь,
Когда ты с волненьем друзей вспоминаешь своих.

И жизнь бы замедлилась, если бы смех замолчал.
В нем кроется добрых порывов начало начал.
В боях отстоять свою родину — вот наш девиз.
О, как же я сильно люблю своих однополчан!

1972 г.

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ В ЛОКНИНЕ

Эта комната — в городе или скорее
Город — в комнате. Я красотой вдохновляюсь:

Вон летит в беспредельности солнечный аист.
Вот портрет Дяди Хо. А на этой картине

Колоритный и красочный рынок в Локнине.
Ниньхоа: всюду велосипеды, народ.

Две корзины с плодами крестьянка несет,
И прогнулось под тяжестью той коромысло.

Вон солдат, одолев заграждения быстро,
Устремляется к аэродрому, вперед.

Вон девчонка с заплечною ношей идет,
Тень девчонки на поле отброшена длинно.

Вон стоит у станка поседевший мужчина,
И в глаза его радость от мирной работы.

В этой комнате чудится: город родился
Как бы заново в карандаше или красках.

Дышат линии жизнью самой без опаски,
Дышат правдой самой и самой новизной.

Посетители выставки — рядом со мной.
На крестьянку с плодами крестьянки глядят.

На солдата с оружьем — такой же солдат,
Бравший аэродром в огневую годину.

И девчонка стиенг * на девчонку с корзиной
Смотрит так понимающе не без причины.

А мужчина седой — на седого мужчину,
Просветленно склонившегося над станком.

И на всех на них смотрит художник тайком,
На людей, что как будто с полотен шагнули

Прямо в комнату, где во взволнованном гуле
Я смотрю вместе с ним на все это и с чувством
Размышляю о жизни, воспетой искусством.

1973 г.

ТИХАЯ ЛЮБОВЬ

Живет во мне новое чувство —
Как песня, чьи крылья легки.
Живет во мне новое чувство —
Как свежие струи реки.

Что может быть в мире случайней,
Чем поздняя встреча двоих?
Но разве не к этому втайне
С годами мечтал я прийти?

Любовь, словно синяя птица,
Которой не жить взаперти.
Со мной мое новое чувство
На жизненном строгом пути.

Война грохотала металлом,
Разрывы сметали жилье.
Но, словно от пламени, алым
Всегда было сердце мое.

Из джунглей нас в город немало
Вернулось потом налегке.
Я помню, повсюду мелькала
Ты, хрупкая, невдалеке.

И не было в сердце сомненья,
Хоть долгой разлука была.
Я верю, ты ждешь в нетерпенье
Меня, как и раньше ждала.

Любовь наша не утихает.
Хоть мчат за годами года.
Деревья и те засыхают,
И только любовь молода.

1979 г.

СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ

Ты — сын отчизны Октября,
В наш порт стремившийся упрямо
Наперекор врагам Вьетнама
Через бурлящий океан.

Тебе талант артиста дан:
Легко, величественно, немо
Рукам твоим покорный кран
Бесценный груз проносит в небе.

Ты смело плечи обнажил,
На них сверкают капли пота.
Жестокий зной. Но ни на миг
Не прерываешь ты работы.

Ты — словно сказочный герой.
Твоя рука — рука титана —
Продолжена стрелою крана.
И вверх плывет за тюком тюк.

Случись беда какая вдруг —
К друзьям приходишь ты сквозь дали:
Твой дух интернационален,
И свят твой вдохновенный пот.

Река Сайгон, кипя, течет
Под небом, от сиянья ярким.
Словам признательным и жарким
Мы не ведем с тобою счет.

Но свят твой вдохновенный пот,
В труде сверкающий жемчужно
Залогом нерушимой дружбы,
Ведущей две страны вперед.

1980 г.

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ В АЭРОПОРТУ ТАНШОННЯТ

С утра — в Ханое, в Хошимине — в полдень.
Преодолев две тыщи километров,
Он Север с Югом сблизил незаметно.
Не верится, что все это не сон!

А тот же путь еще совсем недавно
Пешком я за три месяца проделал.
И Чыонгшон бросал мне вызов то и дело:
Подъемы! Спуски! Рев летящих бомб!

Сегодня друг мой на одном дыханье
Осилил ту же самую дорогу.
В Зяламе * утром он замерз немного,
А в Таншоннят попал в полдневный зной.

И пусть мы с другом были незнакомы,
Нас подружили наших книг страницы.
И вот настало время породниться,
И он не гостем — братом прилетел.

Отныне жить нам с ним единым домом,
И Юг, и Север наконец едины.
«Бессмертна эта правда!» — Хо Ши Мину
Принадлежат те вещие слова.

НГУЕН КХОА ДЬЕМ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЕТЯМ, РАСТУЩИМ НА СПИНЕ У МАМЫ

Спи, малыш, мальчик Той, спи у мамы на спине,
спи, сынок, без тревог, не ворочайся во сне,
нынче маме не мешай, твоя мама чистит рис
и ритмично ходит пест вверх и вниз, вверх и вниз.
Каплет жаркий мамин пот на лицо твое, малыш,
на худых ее плечах ты как на подушке спишь,
и спина, как колыбель, движется работе в лад —
это мама чистит рис, чтобы им кормить солдат.
Ходит пест в ее руках вверх и вниз, вверх и вниз,
скоро мальчик подрастет, будет с мамой чистить рис.

Спи, малыш, мальчик Той, спи у мамы на спине,
спи, сынок, без тревог, не ворочайся во сне,
мама на гору идет (а ты спи до поры),
кукурузу сажать на спине горы.
У горы Калуй спина до чего же высока,
гнется мамина спина, видно, ноша нелегка,
скоро на горе Калуй, на ее большой спине,
кукуруза заблестит, точно солнце в вышине.
А у мамы на спине ты, как солнышко, лежишь,
не ворочайся во сне, спи спокойно, малыш.
Маме жаль бойцов и сельчан голодных жаль,
потому она идет по жаре в такую даль.
Спи, малыш, не вертись, ты спокойно должен спать,
скоро ты подрастешь, будешь поле поднимать.

Спи, малыш, пусть тебе урожай приснится наш,
мама в джунгли идет, переносит свой шалаш.
Враг нас пулей и огнем выгнал с нашего двора,
старший брат твой взял ружье, острый кол взяла сестра.
Мама унесла тебя, чтоб спокоен был твой сон,
прямо с маминой спины ты пойдешь на Чыонгшон,

Мама любит тебя, любит родину свою,
спи, чтоб вырасти бойцом, встать в последнем бою,
спи, чтоб вырасти большим, встретить новый лучший век,
спи, строитель новых дней, спи, свободный человек...

1971 г.

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

— Будь моей, родная,
Лишь меня любя.
Пусть вокруг тебя
Парни — все красавцы.

Ты о них не думай.
Лишь меня жалей.
Я, хоть и не юный,
Сердцем все юней.

Столько светлых дней
Близятся, звеня.
С каждым днем теплей
Вспоминай меня.

— Лишь одной мечтою
Я горю теперь:
Быть всегда с тобою,
Милый мой, поверь.
Пусть лила я слезы
В первый час с тобой —
Не забыть тот звездный
Синий час ночной.

Как цветок, я в сердце
Клятву сохраню.
Ей не изменю.
Мы единоверцы.
Ты — в дыму, в огне,
В жаркий бой ты мчишься.
Сладко ты мне снишься
Родником во сне. —

— Милая, и мне
Ты всего нужнее.

Страстно на войне
Помню о тебе я.

В грозный час борьбы
Прочно рядом с нами,
Нам опорой — Песня
О любви и Знамя.
Все, что у нас было, —
Вешний цвет в лугах,
Месяц острокрылый
В сонных облаках.
Кровью земляков
Залит отчий кров.
Путь к победе, знаю,
Долог и суров.
Если же, родная,
Сердцем повстречаю
Безответность зова,
То одно лишь слово
С болью прошепчу:
«Я всегда хочу
Быть тобой любимым.
Потому что, помни,
Нет души огромней
И сильней моей
В гуле грозных дней —
Нет меня верней!»

1972 г.

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Мост я прошел над спокойной рекой.
Мост — песня радости молодой.
Сердце теплеет от стрекотанья цикад.
День нашей радости — вот твой рассвет!
Лотосов свежих плывет в города аромат.
Долгий и горестный путь теплым ветром согрет.

Наша страна тридцать лет
Ношу стальную несла на плечах
В долгом походе,
В молодости боевой.

Сколько мы раз без цветов хоронили друзей —
Нынче цветы по стране полыхают всей.
Громкий салют полыхает, небо светля.
Здравствуй, Победа!

Родная земля,
Я преклоняюсь пред Ним*. — Он стоял у руля.
Солоноватых прибрежий целую пески,
И отражают лицо мое чистые родники.
Я преклоняюсь на поле пред каждым снопом,
Громкую песню пою о Свободе...

Мама, твой сын возвратился,
Тихо прикрылась плетеная дверь.
У очага молчаливая мама теперь
Ужин готовит для нас, для сынов.
Рис на столе — урожай тридцати годов.
Жизнь твоя, мама, была и трудна и бедна.
Детям, пришедшим к Победе, была отдана.
И, хоть не досыта все мы сегодня едим,
Ветер Свободы над кровом родным,
Свет грядущей весны.
Мама, глаза твои света полны.
Ты сохранила огонь очага, словно сад, словно песню.
Он как грядущее: нет горячей и чудесней!

1975 г.

ДЕКАБРЬ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

О, Площадь — путь для всех людей.
Как годы, снег над ней летит.
И снова слышу я — над ней
Курантов древних бой звучит.

Я здесь впервые, но уже
Я часто этот бой слыхал.
Звучал он в горестной душе,
Когда вьетнамский Юг пылал.

«Рабы, вставайте!..» — пел металл
Высокий ленинский призыв.
Да, с этой песней победив,
Наш Юг свободным стал навек.

Век завершается крутой,
Восстаний, бурь он полон был.
Нимб — круг курантов золотой —
Тем, кто страдал, но гордо жил.

Глаза влажны: я вспомнил вдруг,
Как пел я, в партию вступив.
Погибших вспоминал друзей
И тех, что возрождают Юг.

Курантов древних бой звучит.
О, Площадь — путь для всех людей.
И вижу снова я — над ней,
Как годы, зимний снег летит...

Декабрь 1975 г.

ФАН ТХИ ТХАНЬ НЯН

НЕЖНЫЙ АРОМАТ

Два дома — в них окна открыты,
Два дома — пампельмусом скрыты.
Живут в них два школьных товарища,
Пампельмус им шлет аромат.

Цветы завернув в полотенце,
К соседнему дому подходит застенчиво девушка:
На фронт отправляется друг ее завтра.

И долго сидят они молча,
Никто из них первым не хочет
Прощанья слова говорить.

Цветы ароматные девушка
Никак передать не осмелится,
Но запах пампельмуса вешний
Не скрыть, и струится он — нежный...

Тиха, как цветы, эта девушка,
Но все говорит аромат:
«Любви вашей чистой я рад,
И так все понятно без слов».

Густой аромат их тревожит,
И в душу глубоко он входит.
На днях парень будет на фронте,
И запах цветов будет с ним.

Безмолвно, казалось бы, их расставанье.
Но тот аромат был залогом свиданья!

1969 г.

С КРАСНОЙ РЕКОЙ

Людных троп мы избегали, вечерами расставаясь,
Вместе шли знакомой дамбой у темнеющей реки.
Начинался дождь, и травы, намокая, расстилались,
Наших ног следы за нами по размякшей шли земле...

Тише, милый мой, послушай, как бегущая во мгле
Голосами вод о чем-то о своем поет река.
Берега баюкать волны к ним бегут издалека
И кружат водоворотом, исчезая в глубине.

Друг за дружкой волны мчатся на опасной быстрине,
И, как молодость, бурлива торопливая река,
Не колеблется, минуя отмель, грозный поворот.
Красный цвет ее не блекнет, разделясь на рукава.

Ты пьянишь, река, из русла не сбежавшая едва,
Пену, ряску, даже щепки прибивая к берегам.
Ты к мечте моей несешься, к голубому горизонту,
Словно толпами идущий на горящий Юг народ.

Мы, не глядя друг на друга, смотрим, как река течет,
И за нас она, наверно, все слова произнесет.
Волны слушали у дамбы мы ночами напролет,
Но сейчас лишь разобрали эту речь безбрежных вод.

Мы расстанемся, в разлуке будем месяцы и годы,
Берега все так же будут обнимать живые воды,
В жгучий зной и в наводненье, с молодым созвучьем волн
И, конечно, с красным илом, волны красящим слегка.

И любовь и юность наша — это Красная река.

Иенфу, 1970 г.

ПАМЯТЬ

Кто, знакомый такой, мне навстречу спешит? —
Шаг солдата упруг, взгляд солдата открыт. А панама
на нем
Полиняла под солнцем и смертным огнем...
Звезды радости в сердце сверкнули моем! Но в который
уж раз

Обозналась я, вижу. Восторг мой погас.
Усмехаюсь печально, с ошибкой смирясь. Ах, как
хочется мне
В этой долгой разлуке и долгой войне
Повидаться — хватило бы сердцу вполне
и минутки одной!

Ты ведь тоже, наверно, мой милый, родной,
Там, на марше, вдали, неразлучен со мной.
И в нелегком бою
Часто мнится тебе: а не я ли стою
Близ окопов, где ношу сложила свою — ящик дисков
и мин?
Вон и клетчатый шарф — мой, из тысяч один...

Да, любимый, сквозь дым этих грозных годин,
бесконечных путей
Все ж друг друга мы памятью видим своей...

ПЕРЕД КАЖДОЙ ПОЕЗДКОЙ

У меня было много поездок,
Но привыкнуть я к ним не могу:
Сколько ночью уснуть ни стараюсь —
Только мыслями в завтра бегу.

И напрасно себя убеждаю
В том, что надо подумать о сне —
Незнакомые лица я вижу,
Не стихает волненье во мне.

Там дорога разбита — в воронках,
И воронками выбит откос,
Там в глубоких убежищах много
Я увижу и горя и слез...

Вот, казалось бы, время ночное,
И уснуть мне, конечно, пора —
Только нету как нету покоя.
Как спокойна была я вчера...

Так вот сидя, зарю я и встречу,
Все тона и оттенки замечу.
...Нет, душа моя не очерствеет —
Солнце руки кладет мне на плечи!..

В САДУ

Наивной радости полна,
В саду, счастливая, сижу.
Играют в прятки малыши —
Я за игрою их слежу.

Как прячутся они смешно:
В тени деревьев кружевной,
За грудой небольших камней,
За грядкой о-ро * небольшой.

Как удивляются легко,
Как весел щебет детворы!
Оживлены, увлечены —
О сердце, полное игры!

Уверены они вполне,
У всех оставшись на виду,
Что их не видно за кустом
В пустынном городском саду.

1970—1971 гг.

РЫНОК В ПРАЗДНИК ТЕТ ВЫСОКО В ГОРАХ

Негромкий голос кхена долетает.
Туман в долине постепенно тает.
Несется звон копыт все выше в горы
И нас поторопиться приглашает.

За парой пара движутся тропой.
На звук рожка дан отозвался мой.
Блеск пуговиц, повязки расписные,
Раскрытые зонты над всей толпой.

Привязан конь под деревом тенистым.
Лесные птицы оглушают свистом,
По камушкам журчит ручей веселый.
Пестреют юбки, как в полете быстром.

Здесь суета, здесь купля и продажа.
Вот мягкий говор зао * языка,
Наречье тхай * — ручья прозрачней даже,
И мео * речь доносится мягка.

Мы наугад шагаем без дороги,
Средь громких звуков, красок расписных,
Как бабочек крыла, несут нас ноги —
Не выбрать ветки в зарослях густых.

На рынке толкотня, и с другом друг
Здоровается взглядом глаз счастливых.
На родине ручьев неисчислимых
Полны все люди радости вокруг.

Еще зимы повсюду виден след,
А склоны гор пестро цветы устлали.
Здесь рынок в Тет или сам праздник Тет,
Уже и различать мы перестали!

Каобанг, 1970 г.

НИЧЕГО ОСОБЕННОГО...

По улице бежит вагон трамвая,
Неся дыханье городских окраин.
За окнами стемнело, дождь идет,
Но весел по-субботнему народ.

В вагон вошли на остановке двое —
Застенчивая девушка и воин.
Им сесть бы рядом, да неловко ей...
Остались на площадке, у дверей.

Он смотрит на нее — не оторвется.
— Куда поедем? —
А она смеется:
— Туда, где дождик кончился. Давай? —
И радостно звенит в ответ трамвай.

Вот бережно убрали по билету,
Чтоб вспоминать потом поездку эту.
Народ в вагоне поумолк, затих,
Прикованный к влюбленным взорам их.

Он — в отпуске всего лишь, он — военный...
Захвачена и я всей этой сценой.
В ней ничего особенного нет,
Но вспыхнул и не гаснет в сердце свет.

Июль 1971 г.

ПИСЬМО ИЗ ТХАКБА *

Не думай, что я сочиняю, сказав, что пишу тебе с моря,
Хотя, как ты знаешь прекрасно, домой я уехала, в горы...
Здесь будут высокие волны, лишь кликнет их ветер,
Суда рыбаков подойдут к островам —
Вершинам теперешних гор.
На самой высокой из них — там, где сходятся ветры, —
Построена метеостанция будет,
Десятки гостиниц появятся в самых красивых местах.
У моря, в высоких горах, возведут города.

Конечно, на это нужны нам года и года.
Живем мы в те дни, когда здесь сотрясается все.
Но море, мой милый, уже появилось в мечтах, а потом
Здесь люди его возведут своим добрым трудом.
А нынче — особенно знойный сезон,
И уровень вод ниже «мертвого» уровня вод.
В Иенбине сейчас апельсины поспели в садах,
А что же сказать о могилах? Они для людей —
Священная память тех мест,
С которыми связан всем сердцем.
Ведь улицы центра уездного канут на дно!
Что думают люди об этом? Сказать я могу лишь одно:
Услышали жители об электрическом свете —
С насиженных мест поднялись, ни минуты не тратя
на споры,
На долгие прения и уговоры.
Вокруг закипела работа — покончено было.
С порогами горной реки и с часовней таинственной тоже.
Легенды, которые в страхе когда-то сложил здесь народ,
Веселыми шутками стали. И вот, например,
Послушай, как девушки дразнят парней:
«Учтите, сердита Тхак-ба *, госпожа здешних вод,
Тхак-онг * же считается смирным, он тихо течет.
Так вот, потягайтесь-ка, парни, с девчатами Тхакба
в работе!»

Они, соревнуясь, работали десять сезонов сухих,
Строители юные, землю украсить мечтая;
Ведь шли они к цели сквозь дым и разрывы снарядов,
Равнинный свой край вспоминая.
Рукам их подвластно течение рек,
Гнездовья камней и порогов смертельных;

И воды способен себе человек подчинить,
Способен весь мир электричеством он озарить.

Ты помнишь, мы были когда-то у моря с тобою?
Летали там чайки над нами,
И к нам приплывали из дальних просторов
Мечты, словно в порт корабли.

Не знаю, как это случилось, но здешнее Море
Люблю я, как будто оно существует не только в мечтах,
И свет электрический вдруг я увидела внове
Теперь, когда вижу широкое море в высоких горах.

Ноябрь 1971 г.

ХАНОЙСКИЕ ДОЖДИ

Первые росчерки молний над Красной рекой,
Пору дождей затяжных предвещая, горят.
Низко стрекозы летают, над самой травой,
Скоро вода подниматься начнет, говорят.

Первые капли... Им трудно до нас долететь.
К ливню в сиренах тревоги прислушивается Ханой.
Снова убежища наши затопит водой,
Лица родные за трапезой не разглядеть.

Вот самолеты врага издалека летят.
Слушают молча ханойцы, спокойны они.
В дни жестоких сражений, в дождливые дни
С фронтом заботы разделит Ханой.

Парни уходят и дом покидают родной,
Матери слезы смешались с дождем сентября.
Памяти слезы и гордости льются не зря,
Шлет половину души своей Югу Ханой.

Дождик неделями льет.
Девушки наши выходят на дамбу к реке,
Обняли город надежно — рука прикипела к руке.
Спокойны ханойцы — гроза вдалеке.
Под семицветием радуги дождь прекращается, сходит
на нет,
Прямо под нею дрожит удивительный свет.
Очень красив на закате Ханоя живой силуэт.

Каждой чертою он, словно мечом, врублен легко в облака.
Встали громоотводы,
Наш охраняя Ханой, на крыши высокие поднялись.

Вот с влажными волосами деревья рядами
Ровно идут, как шеренги солдат.

Вдруг у реки слышен грома раскат,
Прямо на мокрое поле упал самолет.
Вымок Ханой — буйный дождь водопадами льет,
Только винтовок стволы остаются сухими.

После дождя Ханой намного красивей.

1972 г.

ЗОВ ВЕСНЫ

Я стою перед картой родины...
Возвращается к нам весна —
И речными шумит порогами,
Стаям рыб глубина тесна.
Зеленеет рассада риса,
Кхен, я слышу, звучит так чисто
Там, где Западный край в лесах...
Будто звезды горят в небесах,
Так сияет огнями Тхакба.
И лучится на солнце влагой
Разрыхленная вновь земля,
Заливает вода поля.
Вот на карте столица Ханой.
Все весна, всюду веет весной!

Разрешение на поездку
Я в раздумье держу в руках:
Как огромна моя страна!
Где сорву я побеги ночи?
Карту ветер слегка колышет.
Мыс Камау *: прибой я слышу,
И зеленый извилистый берег
Вижу я — и душа моя верит:
Море так широко, но с Камау
Нас оно не разделит вовек.
Побережье извилисто вьется.
...А на улице песня льется.

С вещмешками, в шуршащих ветвях маскировки
Молодые бойцы марширують на Юг —
Сколько ловкости в них и сноровки!
Открываю окно я — и вдруг
Понимаю, куда мне ехать —
Где орудий грозное эхо,
Где сраженье и ночью и днем,
Где и слезы и кровь мы льем.

Я теперь говорю как о деле решенном:
Новогоднюю ночь встречу на Чыонгшоне.

НЕ ЗНАЯ ВАС

Не зная вас, стихи читаю ваши —
И точно скрытого лица черты
Являются на свет из темноты:
Живет ваш образ в каждой вашей фразе.

Мне в душу смотрит
Добрый, теплый взгляд,
Источник радости слова в себе таят,
Мне кажется, постигли вы глубоко
Ту боль, что прятала в себе я одиноко,
И знаете о том высоком,
Что поняла в себе я лишь сейчас
Благодаря тому, что слышу вас.
Сама себя я лучше узнаю,
Вы будто знаете всю жизнь мою
И объясняете, что мало жизнь любить,
Но нужно ею опьяненным быть,
А трудности на жизненном пути
Должны мы побеждать, чтобы вперед идти.

И я расту, читая те стихи,
Где вы серьезно, доверяя мне,
Со мною говорите о стране,
И наполняется душа огромным счастьем,
Когда вы говорите о любви,
Так мысли ваши глубоки,
Что чувствую себя ничтожной,
Но, закрывая книгу, понимаю,
Что мы давно близки, хоть вас я и не знаю.

СТИХИ ОБ УБЕЖИЩАХ

1

На озеро ханойское * смотрю —
Звезда на Башне Черепахи * блещет словно в небесах,
Здесь бережно хранится память о былых веках,
Здесь все воспетое в легенде
Вновь ожило в сегодняшней победе.
И много сложено стихов во славу этих легендарных мест,
Но мало кто на скромные убежища смотрел.
Здесь подросла уже трава и скрыла каменную кладку,
Здесь городские жители спасались от беды.

Их строили совсем не те,
Кто прятался в их темноте, —
Их строили едва подросшие ребята,
Охотники на Б-52,
Мальчишки, что несли дозор на крышах,
Девчонки, что бросались, словно ветер, в дым.
Не пряталась в подвалах молодость столицы,
Она надежные убежища копала гражданам своим,
Чтоб не тряслись у матерей колени,
И чтобы черный дым не ел глаза детей,
И чтобы не тревожились друзья,
В высоком небе слыша самолеты.
Здесь прятали мы самое родное,
Здесь мы готовы были умереть.

2

Под сенью распустившихся цветов
Теперь убежища стоят,
Спокойно падают на крыши погребов
Алеющие лепестки в сиянье летних дней.

Из окон комнаты моей
Я слышу голоса людей
И пенье звонкое детей —
Землей убежища ханойцы засыпают.

В озерной голубой воде
История еще раз отразилась
Теперь, когда мы лечим наши раны.
Мы вынесли бессолнечные дни среди боев,

Мы вынесли тревоги матерей и скорбь сирот и вдов,
Мы вынесли все муки, и теперь страну должны мы
возродить из праха.

Не знала молодость Вьетнама страха,
Ни разу не склонила головы
Перед разрывами снарядов,
И вот сейчас склонилась над землей,
Когда над нами чистой синевой сияет небо.

3

Стираю в памяти печали, стараюсь радость сохранить.
Но не забудет город тяжких дней,
Он в память о беде своей
Одно убежище у озера оставит —
Стихи без слов для будущих людей,
Стихи о тех, кто, не склоняя головы,
Убежища копал, чтобы укрыть страну,
И разрушал их, чтоб идти вперед, забыв войну.

Июнь 1975 г.

ЦВЕТЫ ТАМАРИНДА

Цветы тамаринда просты и скромны,
И, прячась за пышной листвой, чуть видны.
Луны желтоватые блики дрожат,
Летят лепестки над землей наугад.

Влетают в открытое настежь окно,
На книгу упав, что раскрыта давно.
Цветам, что в стихи попадут заодно,
Негаданно радовать нас суждено.

САЙГОНСКИЕ НОЧИ

Не скоро ночь окутает Сайгон,
Иллюминация со всех сторон, как свет дневной,
Но запахи сгустились надо мной,
Ночные запахи своей рукой укажут путь,
Где прямо мне идти, а где свернуть...
Мне этой ночью долго не уснуть. Поток машин
Все меньше, затихает шорох шин.

Пары бензина улетучатся. Вокруг сейчас
Как будто бы не ночь, а ранний час —
Такая свежесть! Словно в первый раз Сайгоном я бреду.
В весеннем городе сегодня как в саду.
От запахов ночных я, как в бреду, шепчу слова,
И кружится немного голова.

Стихи, которые шептались мной, пока я шла,
Пишу в блокнот — бумага так бела!
Она к мечте сегодня помогла шагнуть опять...
Как хочется учительницей стать!
Пустеет город, все уходит спать. И у воды
Лишь тамариндов длинные ряды
До самой ранней не уснут звезды, да часовой
С винтовкой, от тумана чуть сырой,
Все ходит... Я предутренней порой усну потом
Как бы в объятьях мамы — сладким сном.

МАМИНЫ ВОЛОСЫ

Мама волосы сушить под вечер вышла.
На ветру их волны плещут еле слышно — и, взлетая,
Над плечом трепещет прядь, совсем седая.
Как любила эти волосы всегда я! Вот и снова
Утопить лицо и руки в них готова,
Каждой струйке их сказать, любя, хоть слово. Ах, как рано
В них осело столько белого тумана, —
Знать, в тревоге повторяла часто мама мое имя...

«Маму впредь не огорчу, — шепчусь я с ними. —
Станьте вновь, как были прежде, молодыми, не седыми!»

МЛАДШЕМУ БРАТУ

Кхаю

У мамы нашей ты — один.
А нас, девчонок, пять.
Любимец мамин. Мальчик. Сын.
Ну как не ревновать?

То было в детстве... А сейчас
С врагом ведешь ты бой.
Уж сколько лет никто из нас
Не виделся с тобой!

Немало на пути твоем
Одержано побед,
И с каждой все светлей наш дом.
Жаль только, писем нет...

Как долго, брат мой, ты молчишь!
Ведь мы так ждем, поверь!
Гордится мама: «Мой малыш
Героем стал теперь».

И вдаль, где выстрелы гремят,
Всю ночь глядит опять...
Надежда мамы — ты, мой брат.
Ну как не ревновать?

ЛАСТОЧКА

Посвящается Нгуен Тхи Фук, девушке-героине из Южного Вьетнама.

Почти на десять лет она меня моложе,
Подросток — угловатые движенья,
И стрижка, как у мальчика, — то память
О трудных месяцах сражений.

В Ханой весны веселое круженье
Уже пришло. Идешь ты вместе с нами.
Ровесницы бегут,
постукивая каблучками,
Розовощекие, с густыми волосами,
Рассыпанными по плечам...

И оттого неловко было нам.
В пятнадцать лет не с песней, не с улыбкой
Ты вышла в жизнь. Ты встретилась с войной,
И ненависти жар ты разжигала
В себе, чтоб гнать врага с земли родной.

Весну свою и красоту девичью,
Не поскупившись, джунглям отдала,
И полыхали за твоей спиною
Объекты вероломного врага.

...Весенний дождик падает к ногам.
И смех детей, и голоса друзей

К высокой красоте судьбы твоей
Как будто тянутся. И нет числа рукам...

Весна в Ханое показалась нам
Намного нынче ярче и красивей,
И я волнуюсь пред твоей улыбкой.
Ты — девочка,
Ты — ласточка моя,
Ты с юга принесла весну цветам.

1975 г.

ДАЛАТ БЕГЛЫМ ВЗГЛЯДОМ

Вдоль улиц деревья раскрылись большими
зонтами.
Петляет дорога вверх-вниз у меня под ногами.
Дышит летящий ветер неведомыми цветами.
Легкий туман покрывалом стелется над волнами.

Да, я всюду почти побывала в родимой стране,
И лицом своим каждый по-своему город красив.
Только город уютный и чистый, Далат, лучше
всех!
В Далате, я знаю, достоинство есть и другое, —

В Далате есть что-то вьетнамское и дорогое,
В Далате есть что-то надежное и корневое,
Словно у дерева, вросшего мощно в глуби земли,
Которого бурям, я знаю, не вырвать оттуда.

Среди тысяч деревьев — цветов разноцветное чудо,
Долина родная спокойна среди урагана.
И будет к Далату любовь трепетать непрестанно
Сегодня и завтра, когда ни вернешься в него...

1976 г.

НА СТРОЙКЕ

Бетонные плиты кругом громоздятся,
Строительные механизмы грохочут,
Протянуты по небу брусья стальные —
Во всем и огромность, и мощь, и размах,

А ты так мала, что берет меня страх.
Повязаны волосы желтой косынкой,
И есть в этом сходство со снопиком риса;
В спецовке, в больших сапогах потонули
И девичья стройность, и девичья нежность...
И все-таки, хоть и парней здесь немало,
Любуюсь — а ты и не знаешь — тобой.
Как ловко, легко в вышине голубой
Работаешь ты, этажи поднимая!
А страх высоты — он тебе нипочем...
За желтой косынкою, как за лучом,
Слежу восхищенно отсюда я, снизу —
И Маленькой Девочкой кажешься мне
Ты в этой стальной Великаньей Стране.
Иду я по городу.
Каждую стройку
Ты, Девочка сказочная, украшаешь.

Рукам твоим тонким, рукам чудотворным
Под силу излечивать раны земли,
Чтоб зданья из пепла подняться могли
В родном нашем городе.
Солнечной ноткой
Звучишь ты вверху, в серебре облаков, —
И вместе с тобою весь город готов
Запеть о своей красоте обновленной.

РУКИ

До локтей твои открыты руки,
Пальцы в дни и годы вплетены...
Коченели руки, обгорали,
Труд увидев не со стороны.

Руки то изгибом, то порывом
Могут, как глаза, поведать мне
О твоих заботах и пристрастьях,
О твоей душевной глубине.

Неуемны руки, дел хватает, —
Все-то им привычно, все под стать:
Строить дамбу в битве с наводненьем,
Стряпать, гладить, мыть, кроить, латать...

В летний зной для друга станут руки
Веером, прохладным ветерком.
А зимой, у очага мелькая,
Словно два луча, согреют дом.

Ты присела, пишешь. И сдается,
Что у рук твоих — своя душа:
То приостановятся в раздумье,
То, как волны, вновь бегут спеша...

Ласковым рукам твоим, я знаю,
В непокое все же есть покой:
Их к щекам своим прижмет любимый —
И усталость снимет как рукой.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Хвораю. Привередничаю. Вижу, —
Ты беспокойством за меня объят...

Пусть глаз твоих заботливых горячность
Стихи мои вберут и сохранят.

Когда-нибудь, не в шутку занедужив,
Смогу и без лекарств я излечиться —
Лишь уцелела б эта вот страница:
Твой озабоченный горячий взгляд.

РАЗГОВОР С ВЕСНОЙ

1. Дождь

«Не прикрывайся ноном, милая моя,
Чтоб капельки дождя увидел я на волосах...»
— Летят дождинки, словно все вокруг в слезах.
Задерживают свой полет в твоих глазах. Дождинок дрожь
В густых ресницах. Тки помедленнее, дождь.
Вновь влюблена весна. Дождливый день пригож, когда весна.

2. Цветы

«Смотри-ка, милая, почти по волшебству
Вдруг распустила ветка персика листву, горят цветы,
А были все деревья лишь вчера пусты.

Над садом высветила радость красоты уж не весна ль?»
— Мой милый, ничего земле весь год не жаль
Для дерева, чтобы летел весною вдаль душистый цвет.

3. Руки

«Характер человека виден по рукам.
Еще в руке нет силы, милая, а к нам пришла весна...»
— Для риса — поле, пашни нашей глубина,
Где были бомб воронки — школа там видна, светлым-светла,
Весна садам уж апельсины отдала.
Сезонов всех пахучий цвет рука зажгла в садах, в полях.

4. И снова весна

Пришла весны неповторимая пора.
Чего же ради над стихами до утра сижу опять?
То дождь, то зной, бегущих дней не удержать.
Мы поседеем, постареем, время вспять не потечет.
Всегда верна любви, моя весна цветет.
Все так же молода, и ярче каждый год она цветет.

ТА ДЕВУШКА

Узнала я девушку эту в стихах у тебя,
Так ясно она возникает строка за строкой —
Та девушка, что попрощалась у речки с тобой,
На фронт уходя; но ведь нет ее, девушки той.

Вот девушку эту ты за руку держишь,
И вы переходите горный ручей,
Вот вас осыпает дождем лепестков
В весеннем лесу ветерок.

От девушки этой теперь получаешь ты письма.
В них пишет она — торопливо и неровно — что помнит тебя.
И девушка эта действительно знает, поверь мне,
Что ненависть есть на земле, но что есть на земле и любовь.

В стихах тебе страшно за девушку эту,
В стихах твоих гордость за девушку эту,
В стихах твоих радость, что где-то на свете
Есть девушка эта, в ней — вся твоя жизнь.

Но все же я думаю, милый,
Что нет ее — девушки той.

Я знаю тебя, и я верю стихам,
Поэтому я говорю —
Той девушки нет, что была бы достойна
Такого прекрасного чувства.

Я думаю больше теперь о себе —
Какою же быть я, любимый, должна,
Чтоб стать мне той самой, к которой
Душа твоя светлой любовью полна.

ГОЛОС ВЕСНЫ

Я вдоль берега весны шагаю,
Вслушиваюсь в шепот над землею:
Сахарный тростник шуршит листвою,
Кукурузы завязь зеленеет,
Гроздьями тутовник в роще зреет —
Ягоды успели все налиться,
Помидоры пламенные лица
Прячут за дрожащими листами,
Лодка где-то встретилась с ветрами,
Блещут сети рыбьей чешуею,
Движется песок сухой струею...
Этажи готовая над нами
Поднимать, земля тиха ночами
Шепчется деревьями, плодами.
Волны в речке катятся рядами,
Что-то наговаривают илу.
А с землею небо голос лило
Вечером весенним во всю силу,
Чтобы чувства волнами летели,
Стать открытым морем захотели.

ЦВЕТЫ ЗАЛАН *

Живет в них ночи южной томная душа,
Благоуханьем тонким сладостно дыша в моем окне.
Я просыпаюсь, увидав тебя во сне,
Как будто терпкий аромат приплыл ко мне издалека.
Ночною тьмой все скрыто — отчего ж цветка
Силен так запах, будто я держу в руках цветы залан...

ПЕРЕД РУССКИМ МУЗЕЕМ

Город Ленина. Русский музей.
Сколько школ, сколько стилей здесь время скопило!
Краски, линии... И глубина их, и сила
Проникают в сердца, потрясают людей.

У картины одной долго-долго стою.
Осень русская. Гимн красоте и покою.
Левитановы клены над светлой водою
Тихой грустью наполнили душу мою.

...Вот на улицу вышла я, двери закрыв.
Со ступенек взглянула — и вздрогнула даже:
Те же клены! Листва пожелтелая та же!
Дождь со снегом... И ветра порыв...

На плечо мое трепетный падает лист;
Что-то мне прошептав, опускается наземь.
Знать, застала врасплох его ранняя зазимь, —
Он на белом снегу, как огонь, золотист.

На деревья смотрю. В каждой кроне — пожар!
Листья долго, с весны, пили влагу земную,
Чтоб унылой поре всю красу золотую
Принести в утешение, в дар.

И картиной реальной, природной, живой
Вновь душа моя здесь, как и в зале, согрета...
Посвящается стихотворение это
Листьям кленов, летящим над синей Невой.

В репродукциях где-нибудь встречу тот вид —
Вмиг услышу и шелест, и ветер поющий.
Каждый клен, соки жизни по веткам несущий,
Грусть немую прорвет, зазвенит.

Пред твоей красотою, Россия, склонясь,
Лист беру на сохранность, как в школьные годы,
Чтобы сила искусства с величьем природы
Навсегда в моей памяти переплелась.

Ленинград, октябрь 1977 г.

РОДНЫЕ ДЕРЕВНИ

Будто и не знали бомбового воя,
Деревеньки наши вновь полны покоя, как издревле.

Дым плывет над тропкой, тропка полудремлет, —
Не иначе, кто-то варит рис в деревне. Как знакомы
Цитрусовый запах, дух травы, соломы!
А сирень как пахнет, дождь свой невесомый, дождь
лиловый
По пруду рассыпав, по земле, готовой
Напоить посевы влагой, силой новой... Все тут свято.

В дни, когда на всходы риса и батата
Падали снаряды, — каждого солдата не они ли,
Эти вот деревни, все-таки кормили?
Сколько в труд вторгалось засух, знойной пыли,
наводнений!
Тем-то и дороже, тем-то и бесценней
Людям были оба — вешний и осенний — урожая.

Процветайте ж вечно, горе побеждая,
Вы, деревни наши, вы, родного края колыбели!
Не сдались вы бедам, зло преодолели.
Шелестом бамбука пойте — так, как пели, слово в слово:
Нет светлей напева, с детства нам родного.
Вы — фундамент жизни, вы — ее основа. Пойте снова!

1978 г.

И НИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХАЙФОН

Дороги эти,
Струи этих рек,
Цветы багровые,
Дома, которым век,
Мне снова всколыхнули сердце,
Как будто бы вернули детство,
Которое хранила я в душе...

Вернулась я в свой город прежних дней.
Но не к цветам кроваво-красным у реки
И не к плодам карамболы, что так сладки
(Их продавали здесь, у входа в парк),
Не к безмятежному и голубому морю,
Не к кораблям, что красками горят,
Как новенькие детские игрушки,
Качаясь горделиво у причала...

Вернулась к женщине, что потеряла
Ребенка-первенца, к домам разбитым,
Разрушенным до остова, к мосту,
Что пал в реку,
К больному старику,
Почти нагому, что сидит на камне
С протянутыми к прошлому руками
И никого давно уже не ждет...

Я в город вместе с осенью вернулась.
И листья фениксов над ним желтеют,
А небеса, как в детстве, пламенеют,
Такие ж молодые, голубые...
А на обочине цветок пылает —
Цветок кроваво-красный эритрины,

И осень навевает
На сердце целый рой воспоминаний
О городе, о реках, о дорогах,
О детстве, что нечаянно прошло...

Сентябрь 1972 г.

ХАЙФОН, НОЯБРЬ 1972

1

Слова ожиданья, слова нетерпенья иссякли,
я снова увижу два берега милых с деревьями феникс,
но город, заметит ли город, что я возвратилась?
Как встретит меня со своими бульварами, с клетками окон,
с мостом, переброшенным через реку,
с паромами, с быстрой рекою,
с гудками машин, со спешащей толпою,
как встретит меня после долгой разлуки?

Узнает ли город меня
в этой будничной черной одежде,
признает ли за человека, знакомого прежде
с деревьями феникс на двух берегах, с кукурузой,
шумящей у самых окраин,
знакомого с лицами тех, кто вернулся
в пустынные улочки эти,
знакомого с джонками и кораблями на рейде,
с их яркими флагами, реющими на ветру океана?

Я в городе этом уже не впервые,
я вижу знакомые улицы, стертые до кирпича мостовые,
так что же тревога неясная сердце мне сжала
вот здесь, у Мостков Земляных, у Каналов?
И рвется душа к тем знакомым рыбацким причалам,
где парус над лодкой
вздымается белым крылом...

2

Наконец я вернулась, как скиталец в родительский дом,
дом, где ждут его братья и сестры, друзья-побратимы,
дом, где плачут, прощаясь и встретившись снова,
та конечная цель всех дорог, что, скитаясь, прошли мы,
словно лодка, в пути переплывшая море,

что, вернувшись, врезается прочно в прибрежный песок,
позабыв о вчерашних заботах и целях,
о ветрах и о ливнях, о рифах и мелях,
я стою перед окнами старых домов,
и душа стала легкой, точно свежий листок...

То, что надо сказать,
я скажу, будет срок.
Лишь дорожную пыль отряхну я с волос.

Небеса побледнели.
Плывут облака.
Солнце зимнее скупо траву золотит.
И глаза то веселья полны, то печали...
Люди рядом со мною, и все остальное неважно.
Город словно корабль,
в своей гавани прочно стоящий,
позабывший о волнах и штормах.
Я готова ходить без конца
мимо старых знакомых домов,
где, как свечи, у самого входа торчат листья банга,
слушать говор толпы проходящей,
слушать песню о феникса красных цветах,
и мне хочется сделать хоть что-нибудь людям,
быть им чем-то полезной...

3

Снова поезд ночной,
и короткий гудок расставанья...
Что ж, прощайте, два берега,
вновь буду ждать я свиданья.
Мое слово дойдет до людей
в тихом голосе ветра...
Свет их глаз — он со мной
в тьме ночной и средь белого дня,
свет упрямый и яркий,
не погасит его расстоянье,
он поможет мне жить,
в трудный час утешая меня.

1974 г.

ЗИМНИЕ СТИХИ

Зимняя ночь

Туман, словно дым, расстилаясь, весь город покрыл
пеленою.
Неясно луна меж зеленых ветвей бледным светом
лучилась.
Зажглись фонари (или звезды спустились и сели,
как птицы?),
А люди проснулись в смятенье, как будто бы что-то
случилось...

А город все тот же, знакомый. Так, может быть,
я изменилась?
Вот чьи-то шаги по асфальту шуршат, не спеша
удаляясь.
И шепчутся листья, и ветры сменяют друг друга,
сражаясь.
И в сердце желанье любить, о любви говорить
возникает.

Двенадцатый месяц

Ветер северный колышет джонку
И коричневый полощет парус *.
Листья банга на ветвях багровых
Зреют ярким пламенем костра.

Ты со мною рядом. Ты мне снова
Зиму прошлую напоминаешь
И любовь, что нас с тобою грела,
Как тепло двух сомкнутых ладоней,
И сегодня греет, как вчера.

Сад

Поблекшие листья опали, засыпав тропинки.
Как ветер подует — все ветки в саду задрожат.
С трудом слышу я, как средь сада большого ботинки
Твои вдалеке по листве задремавшей шуршат...

Дни Большого Холода *

Холодная погода. Цепенею...
Но сердце беспокойно...
Ах, зачем
И в лютый холод не меняют цвета
Кусты кроваво-красных хризантем?

Муссон

Поток лучей сказал, что лето к нам пришло.
Но вот холодный ветер вдруг подул назло теплу.
Всю ночь
С деревьев листья рвет и отметает прочь...
Бессонница пришла, и сердцу не помочь: тревожат думы.

СТВОРКИ ДВЕРИ

Вдруг створки двери распахнулись предо мною,
И я твой взгляд встревоженный поймала.
В нем было ожиданье, в нем дремало
Сто жарких осеней, что цвета апельсина.

Струя реки течет, течет куда-то,
Сухие листья ветер гонит шало,
Вдруг дождь возник внутри багрянца сада,
И, как цветы, парят над нами облака.

Дверь распахнула вдруг любимого рука.
Слова любимого негромко прозвучали,
Как будто радость на века мне обещали,
Минуя осени разлуки и расплаты.

Дорога длинная бежит, бежит куда-то,
И с нею мчится в небе звездный пламень,
Луна прозрачная, как драгоценный камень,
Дома вдоль улиц с их живою тишиной.

Раскрылись створки двери. Ты передо мной.
И будто не было постылой той разлуки.
Слова полны любви и нежны руки,
И сердце воскресает, как весной.

О чем же вы задумались средь синей выси,
Бездонные, как осень, очи — листья?
Ждет лодка ветра возле старой переправы,
Притихла пагода, замолкли травы,
И расцвело созвездье Волопаса.

Страницы книг не спят под светом лампы,
Ночь переполнена звенящей тишиной...
Раскрылись створки двери. Ты передо мной.

МАТЬ ДУМАЕТ О СЫНЕ

Мать думает: мой сын похож на речку.
Вбирая жизнь в себя, меняя ток теченья,
Несется вдаль она, не зная направленья, —
Придется берегами стать для сына.

Мать думает: мой сын похож на небо,
На небо осени, что без конца, без края
Восходит ввысь, прозрачно-синее от зноя.
Чтоб рядом с небом быть — мне стать землею.

На дерево похож мой сын, и знаю:
Придет весна, оденется листвою,
Земными соками его я напитаю,
Несущим детям молодость с корней...

Мой сын — река, и дерево, и небо,
Сын — это жизнь для матери своей.

СЫНУ ПО ДОРОГЕ В КОМАНДИРОВКУ

И двух годочков нет тебе, малыш, а мать
В дорогу долгую торопится опять. И труден путь.
Ручонки маленькие машут: не забудь,
Мол, про меня. Хочу слезу стряхнуть украдкой я...

Зерно воды горит на выплесках ручья.
По красным землям я в далекие края в палящий зной
Бреду. Крюки от гамаков сточили строй
Деревьев в кровь. Петляю я тропой глухой.
Но в сердце сад
Вдруг распускается, струит свой аромат,
И вижу лишь тебя, мой сын, во всем подряд —
в цветах, в волне...

Так спи спокойно, мой малыш. К тебе во сне
Слетит огромный белый аист в тишине, сам как цветок.
Он крылья распустил, готов лететь, сынок.
И листья, как глаза, следят во тьме дорог за сном твоим.
Луна сияет в небе ликом молодым.
И ветерок зовет тебя помчаться с ним куда-то вдаль.

Иду с людьми, и мне легко — прошла печаль.
И с незнакомым краем мне расстаться жаль. Но все вперед
Любовь, как путеводная звезда, ведет.
Мечту о светлом завтра в сердце мать несет тебе, малыш.
Когда свой в жизни путь, сынок, определишь,
Как память обо мне, ее ты сохранишь, как огонек...

ДОРОГА ЧЕРНАЯ КАК УГОЛЬ

Разве что-нибудь меня связало
С этим изнуренно-знойным краем,
Где дорога — черная как уголь,
Что себя я в чем-то укоряю?
Здесь еще ни с кем не подружилась,
К улицам привыкнуть не успела,
К низким крышам домиков у моря —
Их тепло меня еще не грело.
Я под парусами не ходила
Темно-бурыми на малой джонке.
Персиков в горах не собирала,
Видела их нежное цветенье
Только раз. С тех пор я в отдаленье
Между дел, и спешных и неспешных,
Вспоминаю: словно я с тобою,
В доме, где просеивают дым,
Вынесла туманы все и зноя
Мне остался угольный платок,
Словно здесь дремал один фонарик,
Что дорогой темною в убежище
Провожал... А мне хотелось света,
Легкого порыва ветра...

Ранним утром восставал наш день,
И американцы нас бомбили,
И дома вчерашние лежали
Под ногами в битых кирпичах,
Руки же мои, дрожа, держали,
На врага нацелившись, винтовку,
Позабыв о том, что в сердце страх...
Словно много осеней и зим,
Очень много вдаль ушедших лет

Прожила с друзьями в этом месте
Не одна — со всей своей семьей...

Если все не так, то что со мной?
Почему вовек не позабыть мне
Среди всех исхоженных долин
Лишь одной, той черной, словно уголь,
Той дороги, что сюда вела, —
В город тот, где раньше не была?

Все дорогу эту вспоминаю.
А она черна, как будто уголь.

РАЗВЕ ТОЛЬКО ДОЖДИ

Пусть чашу лета ливни переполнят,
Весною нежными дожди бывают,
Живительною влагой наполняют
Соаны — гроздья их цветов лиловых.

Земля зачахнет в сухости суровой,
Но дождь пройдет — она уже здорова,
И листья воду пьют и дышат снова
В саду, помолодевшем в этот полдень.

А ты признайся мне, скажи, ты помнишь
То место, что обоим нам знакомо,
Тот первый дождь, тот ручеек у дома,
Который дал начало наводненью?

Ты помнишь зиму с белыми дождями,
Холмы, где даже зверь не сыщет крова,
Тростник, что гнулся под семью ветрами
На склоне Долгом у ручья Парного?

И снова вспоминаю со слезами
И поле риса, и сиянье солнца,
И долгий май бессонными ночами?

Все то, что было с нами, не исчезло.
О прошлом я на миг не забываю.

Оно огнем сжигает душу, тело,
И мне в груди нести для нас обоих
Огонь всю жизнь, до смертного предела.
Забыть? Да если б даже захотела,
Что прожито, забыть мне не удастся.
Дожди... Дожди... В дождях ли только дело?

ДЕНЬ НАЧАЛА ВЕСНЫ

В природе безмятежно все и ясно:
Листвы блестят зеленые шатры,
Под небом голубым горят согласно
Цветов кроваво-красные костры.
Так отчего ж такое беспокойство
И что меня смущает в этом дне?
Есть всюду недосказанность — во мне
И в мире есть... Как приглядишься: до́ма

Река течет меж берегов знакомо,
Но паруса стремительный полет,
Сжимая сердце, в дальний край зовет,
Который вряд ли на веку увидеть...
Но голос музыки исходит из рояля,
Что в незнакомой комнате звучит
И наполняет нежностью пространство,
И радость неожиданно сулит...

Шаги мои легки в траве высокой,
Разбуженной от тягостного сна.
Душа светла, но кажется далекой
Еще не наступившая весна.

ВПЕРЕДИ — РЕКА

Позади — мой город.
Впереди — река.
Звезды свет неясный
Шлют издалека.

Серебристый воздух
Тишиною звонок.
И над нами месяц,
Тонкий как ребенок.

Я боюсь, что слово
Тишину осудит,
После дней разлуки
Вновь любовь разбудит.
И реку разбудит,
И листву над нами,
И баркас разбудит
Гулкими гудками...

В этот час зари
Светят фонари,
С поздней ночью споря.
И река спешит,
Пробудившись, в море.
И листва не спит,
И трава не спит
В голубом просторе.
Ночь светла, тиха.
Плещется река...

В НЕЗНАКОМОМ ГОРОДЕ

Ни урагана нет, ни наводненья.
Ясна погода. Медленно река
Несет задумчивые воды. Облака
Висят недвижно. Вдаль спешит дорога.

По красным землям. Этот цвет воспет.
Читала я о них, стихи слагала.
Не ведала, что я сама приеду
На эти земли, встречу здесь рассвет.

На экскаваторе флажок трепещет.
Уже ревут машины неустанно.
Уже взлетели к небу стрелы кранов.
Фонарные столбы растут как лес.

Так город пробудился на заре:
Те улицы, которым нет названий,
Без номеров на них — шеренги зданий
И зонтики деревьев молодых.

Район многоэтажных новостроек
Бамбуковые хижины сменяет.

Холмы с землею техника ровняет,
И новый поднимается завод.

И я вливаюсь, как в водоворот,
В шум человеческих шагов, в дороги ярус.
Душа распахнута, как джонки рыжий парус,
И свежий ветер дует мне в лицо.

МОРЕ

Разве думала я, что, свой путь завершая,
встречу море в конце, одинокое море?
Озаренья и нежность, тревогу и горе
в нас рождает безбрежность его голубая.

Рядом с небом стоит оно, вдаль нас маня,
эта зелень глубокая — цвет ожиданья,
я пришла к нему так, как идут на свиданье,
так, как будто бы море позвало меня.

Я прошла через чащи, колючки, излуки,
через топи прошла, с ним на встречу спеша,
испытала в пути своем радость и муки,
но такого смятенья не знала душа!

Как поведать о горечи, вечно томящей,
что сокрыта в зеленой его немоте?
Где слова и где краски волшебные те —
написать этот лик, роковой и манящий?

То, что сломано было, все снова срастется,
словно соли кристалл свою крепость храня,
и из сердца вдруг песня забытая рвется,
точно ветер поет на губах у меня!

1979 г.

ЗЕЛЕНЫЙ КУСТИК

Зеленый этот кустик небольшой
среди дороги голой и пустой,
он сохранит на много дней
души моей покой.

Как очертания теней,
как цвет изменчивый тумана,
как белый берег океана
после набегов волн на золото песка,
как друга теплая рука
в дни огорчения и боли.

Уже не кажется пустой и голой
дорога без единого растенья,
так этот кустик зелени веселой
озеленил дорогу возвращенья!

Вот и пришла я наконец
в край обжигающего ветра,
в край молодой травы зеленой,
край каменистый, разоренный,
где вся вода открыта для луны
и сердце после боли и сомнений
полно покоя и терпенья,
как этот кустик зелени весенней
среди дороги без растений.

1979 г.

РАВНИННЫЙ КРАЙ

Зеленые травы мне видятся вечером зимним,
лежит та равнина за рощами и за песками,
живет та равнина в тоскующем сердце годами,
зеленая, как светлячок, что горит и не гаснет.

Вдоль голой дороги деревья нежданно, как счастье,
шаги замедляешь, вот, кажется, встретишь цвет
пальмовых листьев,
и сердце сжимается ветреными вечерами,
а вдруг это ветер тех лет залетел в край суровый?

На улицах зимних листвы облетевшей покровы,
слегка золотится тот берег реки обмелевшей,
свет солнечный напоминая,
сон улиц пустынных нарушен звонками трамвая,
и вновь пред глазами рисуется край мой равнинный.

Иду в одиночестве к той неприглядной дороге,
пролегшей по старой земле, каменистой, пустынной,

и вижу в тумане на дереве свежую ветку,
чьи листья сорвать не под силу и зимнему ветру...

И кажется, будто сама я прошла через зиму,
прошла через берег, где тихие шепчутся травы,
прошла до конца все пустые вокзалы и все переправы
и снова вернулась к сиянию глаз, ожидающих нас
с нетерпеньем...

И стоит мне вспомнить деревья в уборе весеннем,
я встречи ищу с чем-то очень надежным и полным
покоя,
что стать обещает для сердца защитой
от жизненных бурь и палящего зноя.

1980 г.

НГУЕН ДЫК МАУ

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Приставив к дереву винтовки, мы сели там,
где гуще тень.
Над нами, словно плащ-палатка, в лесу
листвы зеленой осень.
По сигарете докурили — и вновь прощаться нам пора!..
...Четыре года не видались, а вместе были только день.

КРАСНАЯ РЕКА ЛЕТОМ

В платье красного ила оделась река.
Только летом она глубока.
А зимою на мель набегает волна —
Серебром облаков зачарует она.

Где к реке подступил Хоангльен,
До весны в ней вода до колен.
Как словами ее красоту передать!..
Над рекой паруса — крыльям чаек под стать...

Вереницею джонки снуют вдалеке,
Друг за другом сампаны плывут по реке,
Парусов их коричневый цвет
Мне знаком с детских лет.

Не одну ей бомбежку пришлось пережить,
Но истока ее серебристая нить,
Через джунгли петляя, туда пролегла,
Где теченье прозрачней стекла.

В середине сезона дождей широка,
Глубока, полноводна река,

Ил несет на прибрежный простор,
Где сливается небо с вершинами гор.

1966—1971 гг.

СОН

Когда с тобой встречались мы,
Всегда вдвоем я видел нас во сне.

В разлуке мы с тобою год,
Ты не одна уже приходишь в сны ко мне:

Я вижу, как письмо, в котором голос твой,
Мне старый почтальон из сумки достает.

Седой товарищ мой, потупившись, уйдет,
Пять лет уже он дом не видел свой.

Невольно эти люди нас с тобой
Соединяют в снах.

1971 г.

ПРЕЖДЕ

Прежде тут рос бамбук, но выжгло напалмом его.
Здесь, где воронки от бомб, даже кузнечиков нет.
Только обрубка пальмы ствол одинокий воздет.
Да в небе бумажный змей, как лунный серп среди дня.

СНАРЯДЫ

Цвет снарядов напомнил цвет рисовой шелухи.
Как привычны они осторожной солдатской руке!
Их по джунглям везли на буксующем грузовике,
Чтоб они через миг просверкали огнем вдалеке.

Тишина и пунктиры светящихся пуль.
Залп тяжелых орудий на миг всю минувшую жизнь
озарил.

1972 г.

ДЕВУШКЕ ИЗ АНСАМБЛЯ АРМИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Музыка на миг утихла в дане,
Ты несешь дан бау на плече.
Только песня с предрассветной рани
В сердце льется, как вода в ключе.

Неприятель отравляет воду,
Отступая, но всегда чиста
Песня в сердце — песня про свободу,
Крылья песни — дан, твои уста.

Пусть порою бомбы над дорогой,
По которой ты идешь, свистят,
Песня вдаль девчонкой босоногой
Держит путь, и песню ждет солдат.

Ты бледнеешь — песня не бледнеет.
С ритма не сбивается она...
Что для сердца воина роднее
Этой песни, если в ней — весна!

Снова песня озаряет лица,
Как луна, чей свет с небес струится.
Льется песня, что тепла полна,
А луна от века холодна.

Диск луны и лунный диск из песни
Повстречались в эту ночь, когда,
С каждым тактом звонче и чудесней,
Песня льется, как в ключе вода.

И порой воды дороже, пищи,
Словно воздух, воину нужна.
Песня ищет сердце! Сердце ищет!
И находит путь к нему она.

Два солдата — тот, что в звонкой песне,
С тем, что здесь, на фронте, в этот час
Повстречались — встречи интересней
Разве кто придумает для нас!..

Не помеха песне гул орудий
И «фантомов» рев над головой...

Льется песня, и встречают люди
Взрывами оваций выход твой.

По прикладу пальцами солдаты
Отбивают такт — они тебе
Словно вторят... Это знать должна ты:
Песня много значит в их судьбе!

Может, с этой песней образ милой
Вспомнится кому-нибудь из них,
Наполняя сердце грозной силой,
Чтобы воин дрался за двоих.

В час победы мы о ней немало
Скажем слов — оружию под стать
Побеждать нам песня помогала...
Помогала песня побеждать!

Замолчала песня — и ушла ты,
Нежность к братьям-воинам тая...
Знают лишь одно сейчас солдаты:
С ними песня светлая твоя!

1973 г.

ОГРОМНЫЕ БАШМАКИ

Ненужною грудой винтовки, машины, орудья
Лежат как попало за ржавой колючей оградой,
А рядом застыли ботинки большого размера.

Все мимо проходят, никто их примерить не хочет,
И солнце их сушит, и ливни их частые мочат,
Войною забыты, разинули рты они в небо,
Песок засыпает их, дождик опять вымывает.

А ветер и порохом пахнет, и гарью железа.
Где тот, кто носил их? Быть может, идет на протезах!
Америка, след костылей испятнал твою душу!
Как часто хозяин ботинки свои вспоминает?

А может, и сам он давно уж в земле истлевает,
Для жизни своей не нашедши ни смысла, ни цели.
Свинцовые стены сдавили безногое тело,
И эти ботинки с тех пор оказались без дела.

А может быть, ноги, ботинки носившие, целы
И просто, когда убегали, забыли обуть их?
Ботинки, наверное, помнят хозяйские ноги,
Что сбились с пути и дороги обратно не знают.

Ботинки, лежащие здесь, никуда уже не зашагают,
И ветер здесь пыль завивает бесцельным вопросом.

1973 г.

СТИХИ ТЕХ, КТО ПЛЫВЕТ ПО МОРЮ, НАПИСАННЫЕ ТЕМ, КТО ИДЕТ ПО ДЖУНГЛЯМ

Всплывает рыба хе, поверхность вод дробя,
Фонтан блестящих брызг хвостом своим всплеснув.
Сияет небосвод над морем голубой,
И все же нет верней приметы — жди дождя!
Не так ли ты следишь за белкою в лесу?

Смотрю во все глаза на рыбку-стрекозу,
Летит она, волны крутой срезая горб.
Не вспомнится ль тебе в густых деревьях кхоп
Летающей лисы неслышимый полет?

Здесь чаек на воде белеют поплавки,
И берег и волну связуют крылья их.
О чем они сейчас хотят поведать нам,
Садясь на катер наш и поднимая крик?
Ты написал в письме: на фронте птицы вам —
«Преодолеем все!» * — кричат с ветвей сырых.

Когда на койках мы растянемся своих,
Гамак в густом лесу припомню я на миг,
А иногда почти невольно автомат
Заставит вспоминать землянку буквой А.
Окончен наш дозор, уходим мы назад.

Причал в густом лесу, стучит о борт волна.
Вновь рыба на обед — с ума сведет она.
Тем слаще острый вкус простой травы лесной.
Пришлось немало есть без соли нам с тобой.
Как вспоминали, друг, мы соль воды морской!
А в море снятся нам звенящие ручьи...
Картинка на стене — шумят сады листвой.

Дорога здесь шумит бескрайнею волной.
Дорога там у вас — горы отвесный склон.
Здесь катер тяжело ломает грудь валов,
И светится во мгле оставленный им след.
А на дороге той, которой ты идешь,
Твой высекает шаг из кремня брызги звезд.

Внезапно шторм встает в свой исполинский рост,
Сторожевик летит в сплошной струе воды.
Пусть наши катера из джунглей не видны,
Как поясом, они стянули материк.
В кромешной дикой тьме не разглядеть ни зги.
И лишь один компа̀с еще ведет в ночи,
Когда с разведкой ты чащобою идешь,
Не звезд ли вас ведут далекие лучи!

Когда горел в огне весь Чыонгшон почти,
Когда от ядов лес стал весь золы серей,
Враги настигли нас эскадрою своей —
Разрывы мин, торпед, орудий тяжкий рев.
Укрылись в чаще мы береговых лесов.
А парни с гор ушли туда, где бил прибой,

Держали пядь земли у краешка воды,
Но знали, что наш край вовек неразделим.
Как каждому из нас отчизна дорога!
Вновь автомат в руках, горит звезда над ним.

Мы молоды с тобой, идем мы бить врага!
И в джунглях и в морях мы все живем одним!

Хайфон, декабрь 1974 г.

ПАМЯТИ ВТОРОГО НОМЕРА

Мы жили вместе с ним, и рядом он погиб.
Через сухой ручей я внес его на склон.
Враг окружил отряд и бил со всех сторон.
Ни мертвых, ни живых не разбирал свинец.

Я на своих плечах отнес его туда,
И кровь его текла ко мне за воротник.
Стучал по листьям дождь сильнее что ни миг,
И этот дождь один был для обоих нас.

Брезентом я не мог укрыть его сейчас.
И землю глубоко лопатой я разрыл,
Чтоб не промок он там — и тело опустил,
От пороха небес скрывая и дождя.

Последний раз тогда я обнял, Хунг, тебя
Над ямою сухой с обрывками корней.
Я листья набросал на глинистое дно.
От грохота вокруг тряслась земля сама.

Чтоб холода тебе не принесла зима,
Я навалил камней, нарезал плотный дерн.
Ну что же, Хунг! Прощай! Нет времени! Пора!
Я слезы стер с лица и поднял автомат.

Мне имя, Хунг, твое на каменной плите —
Как яркие цветы, как звезды в облаках,
Но каждый раз, когда бомбили в тех местах,
Разрывов тяжкий гром звучал в моем мозгу.

Страдал я, что тебя оставили врагу,
Что там, вокруг тебя, орудия гремят.
Тебя перенести задумал наш отряд
Туда, где ты бы мог уснуть спокойным сном.

Сменялся боем бой, и день летел за днем.
Хранил я горсть земли, в себя впитавшей кровь,
Пока мы не смогли к тебе вернуться вновь,
Друзья твои — мы все сражались за тебя.

Теперь тебя к ручью мы отнесли любя.
Ты помнил дни, когда от жажды сохли рты,
Когда сжигал огонь деревья и кусты
И жесть ненужных фляг сминал тяжелый взрыв!

Мы отнесли тебя высоко на обрыв,
Чтоб видеть звезды ты с собою рядом мог,
Чтоб из землянок, из тяжелой мглы траншей
Порой, взглянув на них, мы взор встречали твой.

Насыпали мы холм под пальмою густой,
Здесь звон стоит цикад, вплетаясь в шум воды,
Здесь соком налиты тяжелые плоды,
И птицы их клюют, качаясь на ветвях.

*

Ты помнишь, как с тобой лежали мы впотьмах,
Один окурок нам обоим пальцы жег.
Один гамак тогда качал обоих нас,
И о родных местах рассказывал ты мне.

О том, как спит трава в вечерней тишине,
Как ветры над рекой деревьями шумят,
Как пчелы средь цветов и вьются и жужжат
И с легких крыльев их летит пыльца к губам.

Поля, где зреет рис, уходят вдаль к холмам,
От белых цапель даль светлее даже в дождь.
Хранит колодцев глубь воды студеной дрожь,
И светлый серп луны не достает в них дна.

Когда-нибудь еще приеду я туда.
Все помню я, мой друг, что обещал тебе.
И ровный плеск реки, и ливистоны гул
Знакомы мне давно, они давно со мной.

Я матери твоей пишу с передовой:
О мама, мы еще увидимся с тобой,
И чашку риса дашь ты мне своей рукой.
И крышу я тебе листвой покрою, мать.

Отныне и земля не станет разделять
Тех, кто на ней, и тех, кто спит в ее груди.
И ты всегда в моих воспоминаньях, Хунг,
Живешь, как прежде жил, и вечно будешь жить.

1969—1975 гг.

СЛОВА И ЧУВСТВА

Пушистая белка мелькает пугливо,
И хвост ее рыжий от капель дождя как в огне.
Срывает зубами листок в вышине,
Бросает — и вяло в гамак он слетает ко мне.
Зима навалила немало листвы меж деревьев,
Но морось зеленых побегов уже поднялась в тишине
В следах, что друзья оставляли здесь в прошлые годы,
И тянется, тянется жадно навстречу весне.

И пение птичье доносится громче, ясней,
Невольно солдата присесть в гамаке заставляя,

Глядит он на крону, лицо от дождя прикрывая;
Пытаясь понять, что за птицы собрались на ветках.
Намокшая крона — большая зеленая клетка.
Звучит колыбельная в листьев замедленном гуле,
Весны наступленье приветствуют старые джунгли,
И птицы встречают нас, радостным полны доверьем, —
О вечные стаи, о вечные эти деревья!
Каким же еще, как птенцам, здесь проклюнуться веснам!
Чьи трели промчатся по веткам здесь в пламени грозном?
Чье пенье таится в утробе грядущего дня?
Как резко запахла сырая весенняя зелень,
Лишь звонкие песни взлетели над ней!
Взгляни-ка, цветы орхидей
Уже распустились почти,
И в брызгах дождя лепестки их горят, как лучи.
Ведь знают, что смотрят на них — и цветут небывало.
Им бабочек, стайкой порхающих, мало:
Без нашего взгляда они увядают с тоскою.
Мы их не срываем, идя друг за другом тропою,
Мы только любуемся ими.
Как влажно вздыхают они лепестками живыми!
Пусть тот, кто за нами идет,
Замедлит свой шаг, на мгновенье застыв перед ними.
След тех, кто до нас проходил здесь, и наши следы...

Струящийся с неба колеблемый полог воды.
Всю землю обнять, отдавая любовь ей и нежность,
Вобрать в себя неба сырую, холодную свежесть...
Дождь падает мягко на плечи и лица,
На травы, на спины, и в листьях таится,
И льется ручьями средь темного леса,
Края размывая воронок и запах смывая железа.
Все выше и выше стремятся ростки неуклонно,
И песня над горной грядою взмывает отвесно,
Где в зелени прячет дорога следы от походной колонны.

Весна 1975 г.

МАЛЕНЬКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЛЕСУ

Вечерний мрак уже окутал лес.
В лесной тиши бамбуковый навес укрыл цыплят.
В гнезде курином густо мельтешат
Пушистые комочки малышат — большой приплод

Куриное гнездо в лесу дает
Теперь, а сколько сил потратил тот, кто кур развел,
Сперва воронки разровняв, — как вол,
Работал, к жизни возвращая дол, пока вдали

Бойцы за светлый день родной земли
Еще с врагом жестокий бой вели — врага добить,
Чтоб на родной земле свободно жить,
Велел им долг! С желаньем победить гнал батальон

Все дальше неприятеля, чтоб он
Вовек не вспоминал про Чыонгшон! И вот боец
Теперь, когда пришел войне конец —
Войне, обжегшей тысячи сердец, услышать рад

В лесной чащобе дружный писк цыплят...
А на ремне он держит автомат, и Чыонгшон,
Вершины устремив под небосклон,
Лучами солнца ярко озарен.

НОН СО СТИХАМИ *

Наденешь нон — отступит зной...
Знакомый нона силуэт
Воспоминаний будит сонм.
Приметен нона белый цвет.

Бумагой мягкой, вшитой внутрь,
Даря прохладу, нежит нон;
Мне не мешает видеть он
Хюэ старинные черты.

ЛОДКА В ДЖУНГЛЯХ

Алеет рассвет
Над зеркалом вод.
Сампан не придет —
Сампанщика нет...

Бери руль-весло
И правь лодкой сам!
Лети по волнам,
Бурлящим светло!

МАРШ ЧЕРЕЗ ДЖУНГЛИ

Дорога сквозь джунгли трудна...

Луна над вершинами гор
На нас устремляет свой взор.
Все гуще сплетенья лиан,
Но роту ведет капитан.
Сказал командир молодой:
«Ночевка — за горной грядой!
Как ни было б трудно в пути,
Обязаны в срок мы прийти!»
Взбираемся дружно на склон.
Завалами путь прегражден.
А дальше глубокий ручей
Бурлит кипятком меж камней.
Но мы на ручей не глядим,
По мостику мчимся над ним!..
До нитки под душем дождя
Промокли, сквозь джунгли идя.
Мы помним, пружиня свой шаг,
Что мину поставить мог враг.
Быть может, под зеленью мха
Она затаилась, тиха...
Сегодня льет дождь, а вчера
Бойцов донимала жара.
А в фляжках — ни капли воды...
И пища — лесные плоды...
А спать нам доводится так:
Подвесив повыше гамак.
...Идти веселее, когда
В запасе есть рис и вода.
Ущелье, опять перевал,
Но я промолчу, что устал.
Ведь ротный, он первым идет,
Бойцов за собою ведет.
Пред нами клокочет река.
Над нами плывут облака.
Лохмотья остались от брюк.
А джунгли все гуще вокруг...
Сквозь листья не видно луны.
В траве светлячки лишь видны,
Горят огоньки их в пути,
Бойцам помогают идти.
Идем мы на юг без дорог,
Усталость не свалит нас с ног.

Ведь этот нелегкий поход
К победе, мы знаем, ведет!

Мы в джунглях, а джунгли за нас!..

СУМБУРНАЯ ПЕСНЯ

Как медленен шаг через джунгли, лианы опутали чащу.
Хоть, кажется, близко гора, но идти далеко к ней, я знаю.
Нам всем здесь по двадцать, но как старики мы ступаем.
Обходим кустарник по склону, дрожат от усталости ноги,
Но в джунглях, мой друг, не бывает прямой и короткой дороги.
Не бойся, товарищ, коль прерван твой путь ледяною рекою,
Пройди по бревну поскорей, не гляди на волну под собою,
Еще задрожишь и уронишь панаму — умчится в долину.
Цветы эти видишь, взгляни-ка, они там не прячут ли мину?
Построже смотри, может мох обернуться зеленой змеею,
А небо, что солнцем сияет, мгновенно пролиться грозою.
Здесь голод любого заставит лесными питаться плодами.
Жара здесь и жаждой измучит, и вздует лицо пузырями.
Напиться захочешь — раздвинь-ка зеленые заросли эти,
Луна пробежит и исчезнет, но звезд здесь не видно сквозь ветви.
Одни светляки лишь мелькают порой над дорогой твоею.
Захочешь ты риса сварить — так уж трубку закрой поплотнее.
Свои гамаки, чтобы ночью уснуть здесь, мы вешаем выше.
А ветер промозглый летит с перевалов и сыростью дышит.
Смахнем в облака под собой горький пот этой тяжкой науки,
И снова берутся за посох до крови истертые руки.
Разорваны брюки, рубахи, их штопаем ржавой иглою.
Поход наш нелегкий по джунглям надолго запомним с тобою,
Но разве иначе возможно постигнуть их вечную душу?!

СТИХИ О ГОРОДЕ ХЮЭ

Вернулись к тебе мы из джунглей далеких.
Идем в гимнастерках, линялых, прожженных,
Как небо военное, наши панамы.

И в каждых глазах видим радости слезы,
На всех ао зай *, всюду белые ноны,
И все улыбаются, словно родные.

Наш Хюэ надел небеса голубые,
И мирное солнце спокойно впервые,
В звезде отражаясь на знамени нашем,
Льет с неба на лица лучи золотые.
Нам встреча запомнится эта навеки,
Как долго мы с городом были в разлуке!

К нам улицы рвутся, стеснив переулки.
Хочу обойти их своими ногами,
Хочу облететь все дома я, как птица,
Чтоб в голос заплакать на милом пороге,
Став снова ребенком, прижавшимся к маме.
Как все мы обратно вернуться хотели!

Но двадцать мучительных лет пролетели!
Вздымали бураны песчаные тучи,
Земля изнывала в окопах и минах,
Взметнувши ряды заграждений колючих.
И горькою память была нам о доме,
Пока мы из джунглей назад не вернулись.

Знамена к весне над тобой развернулись,
Ты рядом почти был на карте военной,
Но дни проходили, и ночи тянулись,
Солдат не хватало, мы ждали снарядов,
Но вот с Чыонгшона ударили пушки!
Былая столица, к тебе мы вернулись!

Река Ароматная *, больше не хмурясь,
Сверкает волнами, и зелены сосны,
И знамя на башне сияет на солнце,
И гром барабанов гремит в небосводе,
И город зеленый нам машет ветвями,
Бросая цветы под солдатские ноги.

На каждом мосту и на каждой дороге
Твоим часовым ты позволь быть мне, Хюэ,
Чтоб долгие ночи смотрел на тебя я,
Дома и деревья твои сберегая,
Мой город, к тебе мы вернулись из джунглей!

Апрель 1975 г.

САПЕР

Враги оставили вокруг немало мин.
Ты стал сапером, услыхав земли любимой зов.
Опять тебя ждала война.
Ты стал последним, кто добьет ее в родных полях.

Прохожие идут, у них спят лотосы в руках.
И лето льет на город аромат.
Впервые отражен волной блеск мирных облаков,
И ноны со стихами там мелькают у реки.
О лето первое в тени пылающих знамен!

На окнах гроздья орхидей цветут.
Спокойно думает народ, что будет делать он:
Сажать скорее надо рис, чтоб голод отошел.
О лето! Грудь бойца и тол
Отделены стальною скорлупой.

Смерть завладела лучшею землей.
Гремит за взрывом взрыв.
Их город слушает, дыханье затаив.
Ты трогаешь тихонько проводок —
Обезоружен зверь.
Кусок железа падает у ног.

Есть мины, глубоко заползшие в песок,
Есть мины, что едва прикрыты мхом.
Но знают все они, что враг им человек,
И все хотят его убить.
Освобождаешь ты дома, мосты широких рек
Во имя завтрашнего дня.

Я знаю, завтра мимо ты пройдешь меня,
И увольнительный листок в твоей руке.
Автобус и дорога — за ухабом вновь ухаб.
Впервые будешь дома ты
За долгих десять лет.
Село. Бамбук бросает тень.
Твои берет подарки сын —
Еще не видел он отца!
И руки, годы знавшие лишь холод мин, коснутся вновь лица
Жены седой.
Но может быть и так: взметнется к небу сталь,
Осядут прах и дым и засинеет даль,

И лишь воронка на́ поле одна...
Но дни пройдут, сады здесь зашумят листвой,
И встанут здесь просторные дома.
Ведь надпись эта: «Берегитесь мин!» —
Зачеркнута твоею же рукой.

Все гордо лотосы несут перед собой.
Весь город ароматом их пропах.
Еще одну разряженную мину, подержав в руках,
Небрежно ты отбрасываешь прочь.

Хюэ, июнь 1975 г.

БУЛЬДОЗЕР

Еще полна земля вокруг воронок и траншей,
Золою сыплется листва с обугленных ветвей,
И мертвый ветер гарь, и дым клубит среди полей.
В то лето падали с небес лишь трупики цикад.
В ту осень засевал поля осколками снаряд.
В ту зиму здесь огонь и дым встречал повсюду взгляд.
И вдруг бульдозер вижу я, его упрямый лоб.

Похож на танки он, что там разбитые стоят.
Но свежей краскою борта его в лучах горят.
Идет, поднявши острый нож, через сожженный сад.
Бежит от гусениц его ребристая земля.
Заслышав грозный рев его, торопятся, спешат
Подпаски радостно к нему, иду за ним и я.

Давай, товарищ, поднажми! Давно здесь ждут тебя.
Давно уж требует земля себе семян живых.
Воронки от тяжелых бомб полны тревожной тьмы,
Но им не удержать его, он засыпает их.
Лафеты пушек и стволы, что враг оставил нам,
Машин разбитых кузова — он валит в кучу их.
Идет по выжженной земле, по спекшимся полям,
Для звонкой радости труда освобождая их.
Как близок сердцу моему его рабочий вид!
И где окопы были, где военный ржавел хлам,
Там вольно птицы запоют, деревья встанут там.
И где сейчас издалека воронки мне видны,
Там маниока даст росток, стерев следы войны.
И над местами, где вчера гудел слепой огонь,

Заблещет мирный небосвод лазурной синевой.
Мы изменили жизнь свою, и станет вся земля
Еще прекраснее, когда оправится от ран,
Когда зашепчутся вокруг зеленые ростки.

Окончен день. Бульдозер спит на берегу реки,
Сливаясь в зареве небес с оранжевой землей,
Как будто буйвол, что пришел сюда на водопой,
Как будто лодка отдыхать легла на берегу.
Вновь ветер запахи цветов теряет на бегу
И льет тягучий аромат, баюкая его.
Рубцы суровые войны скрываются в траве.
Он спит, и слышится ему довольный вздох земли.

Июнь 1975 г.

ДАН БАУ

Слышна дан бау звонкая струна —
Она, переживаньями полна, поет в ночи,
Едва луна прольет свои лучи,
Сияющие нитями парчи, в полночной мгле.

Мир воцарился на родной земле.
И люди — все в делах, я в их числе. Теперь Бенхай *
Не разделяет больше отчий край.
О тех, чьи руки холят рис и чай, вновь дан поет,

Струна его звенеть не устает,
Не прерывает песня свой полет. А над рекой
Моста пролеты — как рука с рукой.
И дан соединил сердца струной. Зажглась звезда...

Отныне Север с Югом навсегда
Соединил струною дан. Слюда речной волны
Сияет! В прошлом грозный час войны!
Сердца людские радости полны. И видит взор

Простор долин и очертанья гор —
До океана их Вьетнам простер! Поля, сады...
В садах сияют солнечно плоды —
Достойная награда за труды. И деревца

Цветеньем вновь порадуют сердца,
Посмотришь вдаль — не видно им конца! Единый сад!

В нем абрикосы, персики висят —
Они сочнее кажутся стократ с тех самых пор,

Как землю разминировал сапер,
Едва был Юг освобожден. Ковер цветов и трав
Лежит на месте боевых застав,
Приметой мирных дней отныне став, — об этом дан

Поет в ночи, поет, как нес сампан
Бойцов сквозь пулеметный ураган, бомбежек гул
Их не пугал и вспять не повернул,
Бойцам победы ветер в лица дул. Кто в эту ночь

Услышит голос дана, тот не прочь
Ему нехитрой песнею помочь, пока Бенхай,
Полна сияньем лунным через край,
Струит в тиши как будто ртуть меж свай — поет о ней

Дан бау светлой песнею своей,
Что ветерка полночного нежней. Как плеск волны,
Доносится до слуха звон струны,
И льется песнь про новый день страны.

СПИМ В ЛЕСУ В БОЕВОМ ПОРЯДКЕ

Спинами люди уперлись в гряду Чыонгшона,
Словно бы только что кто-то из бронзы отлил их фигуры.
Люди лежат на вершинах крутых перевалов,
Мягкие волосы гладят им всем облака, пролетая.

Вместо подушек под их головами луна молодая,
Яркие звезды мерцают меж листьев под их гамаками.
Льется ручьем вдоль дороги гудящее пламя,
Подразделение этою ночью уснуло средь чащи.

Пусть и закрыты глаза их, но слух насторожен у спящих
Словно во сне они тоже врага ожидают.
Лес задремал перед яростным мигом атаки,
Тянутся горы, смыкаясь плечами с горами.

Люди плашмя повалились, плашмя растянулись винтовки
Люди к стволам привалились, прижались винтовки
к груди их
Знают патроны неспящие в тьме магазинов,
Что не один еще прячется враг в этой ночи.

Ждут вещмешки торопливых сигналов побудки,
Зелень скрывает от взглядов тяжелые шлемы.
Длится привал, но пускай задремали здесь все мы —
Грубая кожа ботинок сжимает солдатские ноги.

Сон беспокоен солдата и полон тревоги,
Словно опасность любимой его угрожает,
Словно бы матери сон над ребенком у лампы бессонной.
Нет, и во сне не забыться ему, как стране не забыться,
Если враги сапогами поля ее топчут,
Если годами терзают ее днем и ночью!

Люди с винтовками рядом, винтовки на страже покоя.
Подразделение спит в ожидании близкого боя
В чаще зеленого леса.

1976 г.

ЗЕМЛЯ КАМАУ

Давно Камау сердцу мил,
И вот я с радостью ступил
На оконечность мыса —
Здесь край дыока *, риса...
Ногами шлепать по воде
Я рад — где б ни ступил, везде
Узлы корней дыока,
Что под водой глубоко.
В отлив соленая вода
С земли исчезнет без следа —
Вода исчезнет, все же
Оставив соль на коже.
Я с автоматом, с вещмешком
Прошел вдоль Чыонгшона,
Освобождая Юг с полком,
С бойцами батальона.
Никто из них забыть не смог
Ни в кровь потрескавшихся ног,
Ни жара лихорадки,
Что била, как в припадке.
Достиг Камау нынче я —
Струей жемчужного ручья,
Стекающего к морю, —
И птицам песней вторю!
Земля, леса и гладь реки —
Смотрю на них из-под руки!..

Им — миллионолетье!
Какое многоцветье!
Камау!.. Много-много раз
Слыхал о нем отца рассказ...
Места, и мне родные,
Увидел я впервые.

РАССУЖДЕНИЯ РАБОЧЕГО НА ЛЕСОРАЗРАБОТКАХ

С боями врага гнали мы
По этой дороге на юг.
За эти леса и холмы
Жизнь юную отдал мой друг.
А нынче дорога ведет,
Минуя разрушенный дот,
В глубь джунглей под синью небес —
Там валят рабочие лес.
И, сдав автомат, поутру
Топор и пилу я беру,
Знакомой дорогой иду,
С друзьями всхожу на гряду.
Воронки от бомб здесь и там,
Обрубки деревьев меж ям,
Наполненных ржавой водой,
И тут же — лесок молодой...
Шагал я на юг налегке,
В брезентовом спал гамаке,
Подвесив к деревьям его...
Ночь в джунглях — само колдовство!
Травы фиолетовый цвет
Казался волшебным, пока
Лучами своими рассвет
Насквозь не пронзал облака.
В землянках теснились бойцы —
Бойцы-удальцы, храбрецы...
А спали бойцы в гамаках,
Держа автоматы в руках.
И сколько погибло ребят
Вот здесь, где деревьев стоят
Стволы — обелискам под стать
Они будут в джунглях стоять.
Жестокий тут выдался бой —
Я помню сраженья накал...
От пуль истекал лес смолой,

И кровью боец истекал...
Но враг, что разбрасывал яд,
Уже не вернется назад.
А лес зеленеет опять —
Он будет листвой трепетать!
Травы и цветов аромат
Знаком мне с тех памятных пор.
Окончив войну, автомат
Я сдал, взяв на смену топор.

ГРАНИЦА

Страна моя имеет очертанья,
Что были при прапрадедах моих:
Крутые горы — цепи мирозданья,
Простор лесов, степное трепетанье...
В историю впечатан каждый миг.
Летят ветра — дыхание судьбы.
Вот здесь когда-то пролегла граница.
Стояли пограничные столбы, —
Тут каждый след
Тревогою дымится...
Единый дождь
Шагает над землей,
И небо неделимо
Надо мной,
На части не разрезать высоту, —
Но карта провела свою черту.
Здесь, чудится, у листьев цвет особый...
Враг, ну-ка перейди черту попробуй!

Но отчего в спокойных тех просторах,
Средь светлых гор или в лесах, в которых
Лишь мирный шум был слышен — вдруг теперь
Бежит в испуге ошалевший зверь?
С той стороны —
Чернеют пепелища,
Врагом дотла
Разрушены жилища.
Там — ад кромешный, произвол и мрак.
К нам пламя перекинуть хочет враг.
Грозят огнем прицельным автоматы,
В детей стреляют
Бравые солдаты.

Хотя нас разделяют берега —
Не ожидай пощады от врага.

Мир воцарился...
Мчат грузовики,
Поют в них люди,
На подъем легки.
Им поднимать придется целину,
Они забыть мечтают про войну.
Река Бенхай...
Опять над ней мосты,
И небеса над родиной чисты,
И птицы распевают во все горло,
И параллель страданья наши стерла.
Но отчего же
Выстрелы гремят?
Кто хочет вновь
Разжечь военный ад?
Река соединила нас как нить,
А враг мечтает вновь разъединить.
Бежит граница — долгий, долгий путь,
И с этой ленты нелегко свернуть.
Спешит сквозь джунгли, реки и болота
Граница крови, смерти,
Слез и пота.
Сжимаем мы винтовки и лежим,
А над окопом —
Предрассветный дым.
Отрыт окоп,
Где предки наши шли,
Первопроходцы этой вот земли.
Стоим здесь ныне
В боевом порядке,
Нам не страшны
Ни смерть, ни лихорадки,
Мы верим в счастье будущих времен,
Хоть гибель и грозит со всех сторон.
Тут пропасти, глухие перевалы,
Морщинистые, с прозеленью скалы,
Мигающие блестками слюды,
И тень военной горестной беды —
Пролитой крови темные следы.
Свидетели молчат — надгробья-стелы
Тех, кто погиб в бою,
Сражаясь смело.

Застыло время, думая о них,
И даже ветер вроде приутих...

Граница...
Степная даль спокойно колосится.
Мои однополчане
Погибли здесь в год семьдесят седьмой,
Год Мира...
Граница...
Я вспоминаю молодые лица.
Мои однополчане
Погибли здесь в год семьдесят восьмой,
Год Мира...
Кровь пролили они,
Как дар отмщенья,
Кровь пролили,
Как песню пробужденья!
Деревья ранены,
В стволах застыли пули,
Стоят деревья,
Будто в карауле.
Граница...
Израненных деревьев вереница.
Они стоят, как верные солдаты,
Что бились здесь
С восхода до заката.
Весна прошла, оставив запах смолки,
И ветер здесь порывистый и колкий.
Листва пожухла и, шурша, опала, —
Открыла птиц и небо из опала.

И все ж мы помним: это Мира год.
И потому, когда пришел черед,
Мы сеем зерна
Хлеба и добра.
Да будет пашня, как всегда, щедра!
Но если часть страны еще во тьме,
И у врага лишь козни на уме,
И наползает к пограничью дым —
То, значит, порох нам
Держать сухим!

Страна свои имеет очертанья,
Которые сложились не вчера:
Седые горы — цепи мирозданья,

Вершины их — литого серебра.
И нет войны,
И джунгли зелены,
И птицы в джунглях
Гнезда вьют спокойно,
Забыв всесокрушающие войны.
Клубятся над землею облака,
Течет, как прежде, мирная река,
И земледельцу
Ил свой отдает...
Останься мирным,
Солнценосный год!

Граница...
Ее, как прежде, отвергают птицы,
И не нужны ей
Ног чужих следы, —
Предвестие страданий и беды.
Граница,
Как ручей весной, струится...
Здесь мужество высокое гранится,
И предков след
Не затерялся, нет! —
Поныне он
Ведет путем побед.

Май 1978 г.

ВХОДИМ В ГОРОД

«Мы ждали этого момента!» —
Сказал с улыбкой командир.
Одною пулеметной лентой
Разделены война и мир.
На лицах радость и усталость.
Вошла дивизия в Сайгон!
В душе почувствовал я жалость
К тем, для кого тюрьмой был он.
Мы — победители! И это —
Наш звездный час, победный час!
И город, что бурлит с рассвета,
Встречает нас! Встречает нас!

День 30 апреля
Мне вовеки не забыть!..

Пушки, ввысь стволы нацеля,
Перестали утром бить...
Пыль краснеет на одежде —
Чыонгшона пыль красна.
И понятней всем, чем прежде,
Что окончилась война.

Рады, я знаю, услышать Север и Юг эту весть.
В город, где выстрелы стихли, птицы из джунглей летят.
А молодой батареец пушечный ствол зачехлил.
Сладкий, пришелся по вкусу воинам шауживнг*.
Может, за домом таится
Смерть на исходе войны.
Только уставшие лица
Радости юной полны.
В красной пыли Чыонгшона
Форма бойцов батальона.
Город теперь здесь и там
В зелени наших панам.

Пыль Чыонгшона,
Синь небосклона...
Марево мглы...
Пушек стволы...
Флагами взвились
Тысячи рук.
Соединились
Север и Юг!
Для командира,
Павшего тут,
В первый день мира
Птицы поют.

И дерево абрикоса с персиком-деревцом
В общем саду распустились перед бойцом...
Армии нашей тараном враг опрокинут и смят.
Звуки веселого дана, будто бы птицы, летят.
Яркие залпы салюта переплели небосвод.
Звездная наша минута! Звездный, победный наш год!

На рукаве гимнастерки друга погибшего кровь.
Бой отгремел, но одежда пороха запах таит.
Части, вошедшие в город, скорбно хоронят бойцов,
Кто накануне победы головы в битве сложил.

Вот на могиле погибших мы положили цветы.
Павшие в битве герои в памяти нашей живут.
Вместе прошли мы равнины, вместе сражались в горах...

Вот мы идем через город —
Город теперь не узнать...
Танки и толпы народа...
Слезы и радость в глазах...

Мы наступали с боями.
В ярости злобствовал враг.
Знаю, как верно служили
Мне автомат и гамак.
Цвета военной одежды
Джунгли бойцам помогли.
Песней звучит вдохновенной
Дан, затихая вдали.

Путь наш до полной победы славит дан бау струна.
С нашей победой навеки стала единой страна.

ПОГРАНИЧНЫЙ СТОЛБ

Там, где нашей земли конец,
Тысячу лет столб пограничный стоит, как надежный боец.
И слова на нем
Ни зноем годы стереть не смогли,
Ни дождем.

Чьи руки впервые поставили столб этот здесь?
Я думаю, что вековые деревья
И те родились уже позже столбов пограничных.
И зимы привычно сменялись, и падали листья привычно,
Луна на ущербе
И круглое солнце
Всходили,
А эти столбы пограничные здесь уже были,
И крепче они самых крепких деревьев на свете.

Стоят они вечно. Их джунгли глубоко укрыли.
Надежно они заслоняют собою границу.

Меняются русла, и реки смывают холмы,
Лишь здесь будет все, как и было.
Столбы пограничные —
им не дано измениться.

Хоангльеншон, июнь 1978 г.

ВСПОМИНАЯ МИНУВШИЕ ГОДЫ

В те годы носил я одежду дремучих лесов Лаоса,
купался в струях Намбака, что чудом усталость снимали,
одежда была в заплатах, но не было ей износа,
а струи ключей прозрачных струились, не иссякали.

Под вечер в лесном укрытье, момент улучив свободный,
учил я язык лаосский, я складывал кубики слов,
и парень и Патет Лао учил меня песне народной,
где пелось о водопадах, о джунглях и стаде слонов.

Прошел я Долину Кувшинов, ночами в овраги спускался,
и мягкие травы циновкой стелились передо мной,
я помню минуты блаженства, когда я в них погружался
и слушал вечерний ветер, летящий над головой.

Я видел поля без растений, что были войной изрыты,
где люди из горных селений искали в земле ночлег,
видел детей, зовущих своих матерей убитых,
встречал такие воронки, что их не засыпать вовек...

Парни из Патет Лао звали меня «товарищ»,
матери лаотянки звали меня «сынок».
Мы у костра сидели среди потухших пожарищ,
и волосы их седые румянил он, как цветок.

Я проходил по джунглям, сам лес шел мне на подмогу,
трава меня не колола, не трогали иглы ветвей,
мне опаленные листья показывали дорогу,
и даже птицы пели, чтоб было мне веселей.

Земля меня укрывала от пули и от снаряда,
от верной смерти спасала, со вражеским споря огнем,
не раз, когда глупая бомба взрывалась почти что рядом,
земля окоп раскрывала, чтоб мог я укрыться в нем.

В те дни, когда джунгли Лаоса нам стали отчизной милой,
натрое разделенный, мой край боролся с врагом,

в те дни, когда вырастали безвременные могилы,
Вьетнам и Лаос как на камне я высек в сердце своем.
Вьетнама кровь и Лаоса в едином цвете смешалась,
два края с единым небом, чей цвет синева и алость.

Июль 1978 г.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Деревья осколками бомб
Изранены тысячи раз,
И сколько воронок сейчас
В лесу, что войны не забыл...

Стрекочет кузнечик в траве...
Мальчишка, бредя сквозь бамбук,
Бумажного змея из рук
В глубь неба мечтает пустить.

ГОРОД В СИБИРИ

Сто лет тому назад
Сожжен был этот город.
Огня ревущий вал залил дома вокруг,
И лодки, и мосты, и старые картины —
Исчезло все в огне... весь город стал золой.

Сибирь, Сибирь, глухое место ссылки,
Как много жизней гибло здесь под тяжестью цепей!
Хранит их город в памяти своей.
На стеле имена читаю я погибших.

В молчанье я стою перед могилой —
Замшелая плита, истертых строчек ряд.
«Все эти люди жили на земле —
Теперь они на небо улетели».

Тяжелой песни стон во мне рождает ветер,
Хотя давно отбушевал пожар
И не гремят осколки под ногой,
Лишь только галька чуть скрипит под каблуками.

Места сражений, ржавчина цепей.
Вздымает город ввысь дома, шумит садами,

И зелень их куда сильней огня.
Нет, город не сгорел! Вот весь он перед нами.

Все трудовыми создано руками.
С мозолистых ладоней всходит солнце.
И город вырастает неуклонно
Из бревен, камня, стали и бетона.

Кто говорит: зимой в Сибири сонно?
Бегут огни с берегового склона,
Электростанций поднялись плотины,
Чтобы в любом дому горели звезды.

Спокойный город птиц манит пугливых,
Здесь воробьи чирикают, дерутся,
Снуют меж голубей неторопливых,
И чайки лесу весть приносят с моря.

И в Академию наук заходят люди,
И через мост идут они к заводу,
К вокзалу путь ведет, к аэродрому,
Где крылья небо вспарывают с громом.

Так здравствуй же, Сибирь! Опали цепи.
Так здравствуй, город счастья и свободы!
Стой как стоишь, огнем лучей сияя.
Друзья цветы диковинные дарят,
И запах их заполнил даль до края.

18 августа 1979 г.

ЛОБ ЛЕНИНА

Разный цвет кожи, разная речь.
С самых отдаленных материков идут сюда люди.
Мавзолей Ленина принадлежит не только России,
Потому что сердце его вмещало весь мир.
Ты, друг, откуда?
Вьетнамец я!
На Красной площади становится в очередь вся Земля.

Вдруг в памяти всплыл Разлив.
Берег, редкий камыш. Это здесь Ленин спрыгнул с лодки.
Стеклянный саркофаг и стекло воды: две точки
пространства,

Но какие меж ними дали!
Там отдыхал он и там он работал.
В стекле саркофага озерные видятся волны.
Смотрю я на ленинский лоб: морщины от трудных раздумий.
И прошлое лето военное я вспоминаю...

Вдруг вижу обычный шалаш из обычной соломы —
Шалаш, укрывавший его от недоброго глаза.
В тревожное лето, в преддверии близкой победы,
Не здесь ли предвидел он битв наступление новых?
И мысли его превращались в бегущие буквы,
В страницы, где тьму рассекает нам каждое слово,
В страницы, что в небо взлетели, как голуби мира,
Чьи крепкие крылья срывают земные оковы!

И крейсер «Аврора» мне видится снова и снова —
Не это ли символ России, плывущей сквозь годы!
Напрасно война поднимала тяжелые волны,
Лишь громче великого залпа победное эхо.
Октябрь нам открыл наступление новой эпохи,
И Красное знамя всю землю собой озарило.
Стекло саркофага, Разлива стеклянные волны
И крейсер «Аврора», где Ленин был первым матросом.

Земля к Мавзолею приносит горячие розы,
И с разною кожею люди с единым проходят порывом.
Мне тридцать. Но здесь ощущаю себя я ребенком наивным,
Здесь каждый наш шаг воедино связует эпохи.
Я небо прошу дать немного мне радостной сини,
Я ветер прошу принести аромат благовоний,
Я солнце прошу, чтоб вошло оно вместе со мною
И все озарило сиянием ярким ступени,
Чтоб мог я войти и негромко сказать: Ленин!

26 августа 1979 г.

ЛАМ ТХИ МИ ЗА

ВЕРИМ СВОИМ РУКАМ

Жаркое лето встречает земля...
Ночью прохладно, а днем, ох, как днем горячо!
Бомбы, что сброшены вражьей рукою,
Рушат жилища — мы новые строим.
И на полях, где соленые, кислые почвы,
Трудимся — фронт перед нами.

Край наш лежит в середине страны.
С детства приучены руки ко всякому делу:
Серп и мотыгу в четырнадцать лет они держат умело,
Ну а в шестнадцать — деревья высаживать,
Строить могут дома отлично,
С плугом ходить, и к мозолям привычны,
И не страшна им стихия огня, наводненья стихия,
Дан поднимая, руки и сами как будто поют...
Руки убежища могут копать,
Шить и готовить, стрелять и стирать,
И колыбельку с младенцем качать.

Бомбу взорвать
Руки сумеют — глаза есть у рук.
Вражеский в воздухе сбить самолет
Руки сумеют — у них уши есть, чтоб узнать
Б-52 отчетливый звук.
После налетов притихнет земля —
От тишины заболит голова.
Руки сумеют все перенесть, —
Люди, в свои воплощенные руки.
Звуки лопат и мотыг по камням,
Чтоб откопать под руинами всех погребенных...
Звуки воды по горящим стенам...
Сердца массаж, ну а сердце ни звука, —
Боль только в скрюченных пальцах...

Звуки в стволы погруженных патронов...
Звуки метлы, заметающей стоны...
Ночью —
Отдых для рук онемевших,
Сон среди пепла, бомбежек и смерти.
Утром сажаем мы рис.
Мальчик на флейте,
Сидя на буйволе, грустно играет.
Девушка музыке той подпевает.
Песню на крыльях уносит ввысь аист,
Песня сплетается с голосом ветра...
Край мой родной, ты поверь мне:
Спориться будет работа любая в отважных руках!

ГОЛОС БАМБУКОВОЙ ФЛЕЙТЫ

Качается бамбук вверх-вниз, как колыбель,
Как будто ветерок свою в том видит цель. И с ним
бамбук
Взлетает, падает под шелестящий звук.
Похож на тонкое сплетенье пальцев рук. Узки листы,
Как пальцы детские, а птицы с высоты
Им отвечают, будто жрицы красоты, своей игрой
Крылатой, ветерок летит в деревьев строй...
И эту музыку бамбук принес к нам в бой. В ночи запел
Он флейтой. Душу всю свою вложить сумел
Он в серебристый голос флейты. В нем звенел родной
напев,
И матери слова явились, нас согрев.
Мы вспомнили наш край и лунной ночью сев...
Идет паром,
А мы работаем и о любви поем,
И флейты голос сладостно звучит, а днем любимых в бой
Мы с песней провожаем, машем вслед рукой.
О флейта дивная, не будешь ты рабой в руках врагов!
Душа твоя зеленых и веселых снов,
Твой серебристый звук помочь в беде готов.
Родимый звук!
В краю, где колыбельную поет бамбук.

ЗАПАХИ САДА

Разорвалась у дома бомба в эту ночь.
К заре запели птицы шало во всю мочь. Встаю, иду

На запах гуайяв, что зреют здесь в саду.
Срываю. Сладок сок их, тающий во рту как леденец.

ПРОМЫВКА РИСА

Собрали урожай. И мама моет днем
Наш рис. И пальмы тень струится в водоем, дрожит,
как дым,
И золото зерна в сиянии воды.
И полное зерно с зерном худым — как нить и нить,
Что цвета одного, — их трудно различить.
Но зерна полные осели, чтобы жить, — горят на дне.
А пустотел всплывает по своей вине...
Смотрю на руки мамы, и защитой мне — их доброта.
Начну, как почка, жизнь я с первого листа. В него
всмотрись:
Твои там руки, мама, моющие рис.

НА МАШИНЕ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВАЛ НГАНТ

Меж двух, как крылья птиц, взметенных в небо гор
Покажется и скроется морской простор в лесную тишь.
Ах, море синее, зачем же так шалишь,
Играешь с нами в прятки, как малыш? Ты взрослое...

НЕБО. ВОРОНКА ОТ БОМБЫ

Ты дорогу на фронт пролагать бойцам помогала,
А в ту страшную ночь от бомбежки дорогу спасала.
Чтоб машины успели на фронт,
Ты одна все страданье отчизны,
Словно факел, зажгла
И удар на себя приняла...

Наша рота шагала,
Мы воронку от бомб повстречали...
Вот — могила твоя.
Так могилу лучи освещали,
Что незримым лучом все окрест освещала любовь.

Я смотрю на воронку.
Лежит рядом камень.

Здесь убили тебя. Дождь в воронке дрожит...
Благородна страна наша.
Небо смоет страданья,
Пусть же сердце твое беспокойное спит.

Глубоко под землей ты лежишь, словно неба кусочек.
А ночами душа излучает твой свет...
Над тобою звезда одиноко сияет.
Видно, кожа твоя так светла стала, как облака,
Что ты стала сама облаками?
Днем же небо полно до предела лучами,
И в груди твоей солнце не спит...

Небо, небо, о небо, скажи мне,
Быть может, горячее сердце
Светит мне на дороге той длинной?
Светит девушки имя, а теперь его носит дорога?
Прожила ты немного...
Освещаю я сердце твоею короткою жизнью.
Хоть лица твоего никогда не увидим,
И я не узнала, —
В душах наших солдат
Сохранится твой облик навеки.

УЛИЦЫ СТОЛИЦЫ

В столице первый раз, и столько ярких встреч!
Ле Лою черепаха шлет бессмертный меч. Ей, как слезу,
То озеро и Возвращенный Меч беречь. Нгуена Зу
Ища, встречаю Хо Суан Хыонг в грозу. Минуя чуть,
Я Ба Чиеу * вижу вдруг прозреньем чувств,
Навстречу мне идет Ханоем Куанг Чунг. Шумя листвой,
Здороваются улицы-друзья со мной,
Стоят над нами фиолетовой стеной цветы, светя,
Вбирая с ними ветер и капель дождя,
Вперед спеша, смотрю: темнеет, но, блестя, вдаль, как река,
Струной несется тротуар издалека,
И вновь листва меня качает на руках, и не вина
Моя, что падаю, коль улица ровна,
А если не ровна она, к тому ж длинна, то ей ничуть
Усталых ног моих и глаз не обмануть, —
Привычен больше им замысловатый путь, всегда близки

Дороги трудные, по ним шаги легки...
Цветы фыонгов разбросали лепестки, как фонари,
И дождь идет, и небо светится внутри,
И листья шепчутся друг с другом до зари. Играет дан.
В ночи невидим неизвестный музыкант.
Я птицей малою лечу, простор мне дан: моя листва,
Трава, цветы, и ночь, и музыки слова. И нет конца
Дорогам трем: свет материнского лица —
На близкой, на большой — слышны шаги отца. «О дочь
моя! —
Мне будто шепчет он. — А третья ведь твоя
Дорога — дальняя — в глубины бытия.
Иди по ней...»

АРОМАТ АРЕКА

С тобой на звезды до утра смотрели,
Серебряный их свет пронзал листву,
Арека листья нежно шелестели.
Ты мне любимых звезд не показал...
Луна взошла, явилась в сад прохлада,
И покидать мы не хотели сада.
В одном дворе мы родились, взрослели.
Арека разливался аромат.
Мы о разлуке и гадать не смели
Тогда, всего лишь года два назад.
И вот уж ты давно вдали от дома.
Не та я девочка уже, и ты не тот.
И все же не забыть мне у арека
Цветов его медлительный полет,
Что осыпались прямо нам в ладони...
Не убежать от быстрых дней погони.
Шагая по разбуженной земле,
Ты вспомнил ли в каком-нибудь селе
О девушке с фигуркою знакомой?
Она все помнит, ждет тебя у дома,
И птицы жалобными голосами,
Как будто струн коснувшись осторожно
Ее души, ей вторят...
и тревожно
Цветы арека трогает рука.
Быть может, это не цветы, а чувства,
И ты в них — дуновенье ветерка?

НЕ ХВАЛИ МЕНЯ

Хвалишь, милый, ты без удержу меня.
Недостатков много, знаю я, так что ж
Хвалишь, будто похвалы и сам ты ждешь?
При знакомстве ты сказал: «Твой взор красив!»
Солнце ярко вспыхнуло, сменяя дождь,
Говоришь: «А ты румянее его!»
Встретив раненых, заплакала, а ты:
«О родная, эти слезы так чисты!»
Я от бури убегу скорей в кусты, —
Говоришь ты: «Как тиха твоя душа!»
Я чужого приласкаю малыша —
Скажешь мне: «О как ты ласкова, нежна!»
Прочитаю я хорошие стихи,
С болью книгу к сердцу робкому прижму,
Отчего оно так бьется? Не пойму...
Умер в битве за свободу тот поэт.
Где ж его блуждает вечная душа?
О печальной жизни той узнать без слез
Невозможно, милый, сердцу моему,
Но похвал твоих никак я не приму...
Ты же мне твердишь: «О сколько чувств в тебе!»
Словно ночи, я боюсь хвалебных слов.
Часто думаю об этом я с тоской,
Сидя дома поздним вечером одна:
Почему же так слепа твоя любовь?
Лучше ты плохое все во мне заметь,
Чтобы я разобралась в своей судьбе,
Недостатки все сумела одолеть
И внимательнее отнеслась к тебе.
Мой любимый, грусть моя из-за тебя...
От нее лишь правдой можно исцелить.
Так не надо без конца меня хвалить,
Ведь любовь всегда, как истина, строга.

ПОРА ЦВЕТЕНИЯ БЕЛЫХ ЛОТОСОВ

Помнишь, словно воплощенье кротости,
Нежно-белые сияющие лотосы
Средь прозрачных вод и здесь и там
Распускались в озере Тиньтам?

Их тычинок золотой каскад,
Лепестков волшебный аромат
Напоил еще нас с колыбели,
Годы школьные в цветах горели.

Бросив книжки, школьные тетрадки,
Днем весенним мчались без оглядки,
Помню, мы с тобой без сожаленья,
Чтоб увидеть лотосов цветенье.

Сколько лет мы боремся с врагами!
Стали души грубыми, как камень,
В сердце города исчезла кротость,
Все ж оно нежнейшее, как лотос.

Человек ушел, и нет надежды,
Что вернется... Лотосы, как прежде,
Завернулись в белые одежды,
Полные к бессмертию доверья,
Чуждые любого лицемерья.

Ни дожди, ни ураган, ни зной
Их не уничтожат — вновь весной,
Как одно лицо любви святой,
Лотосы поднимутся, друг мой!

Человек ушел. Вернется он.
Весь Хюэ под кронами знамен.
Лотосу цвести же рановато.
Почему же столько аромата?

О пора цветенья белых лотосов,
Что в душе твоей раскрылись ласково!
Милый, не был ты в Хюэ года,
А твоя душа была всегда.

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЕНИИ

Разговор с дочерью

Хюэ освободили — пришел счастливый час.
Туда, моя дочурка, поедешь в первый раз.
Смеешься ты... Как дорог мне этот звонкий смех!
Я чувствую: в дорогу он нас с тобой зовет.

Хюэ, любимый город, я покажу тебе.
Услышишь там впервые ты колокольный звон —
Над пагодой старинной с названьем Зьеуде,
Потом пойдем на рынок — Донгба зовется он.

Потом над Ароматной послушаем рекой
Те песни, что поются — нет задушевней их,
Сандалии из дерева твои там сложат стих,
По улицам свободным без удержу стуча.

И маленькой подружкой ты станешь для меня...
Средь фениксов багровых откроют детский сад,
И обретешь ты радость в большой семье ребят,
И будешь, словно птица, там петь и щебетать.

Придет учебы время, но с прежним озорством
Вдруг бабочку захочешь ты яркую поймать.
А летом ты помчишься, закрыв свою тетрадь,
Смотреть с немым восторгом, как лотосы цветут...

Так незаметно годы младенчества пройдут.
Однажды в белом платье по городу бродить
С друзьями вместе выйдешь, и феникс над тобой
Качать ветвями будет, прохлады тень струить.

Не зря в бою суровом смогли мы победить
И солнцем наше знамя сияло нам во мгле...
Так не забудь же, дочка, что проливалась кровь
За то, чтоб ты свободно шагала по земле!

СКАЗКИ МОЕЙ РОДИНЫ

Люблю я сказки родины. Они мудры.
Живет в них правда с остроумием игры. Они сулят
Добру лишь торжество, а зло пресечь велят.
Они тебя в бою с врагами окрылят. В беде спасут,
На подвиг вдохновят, на самый тяжкий труд.
Они любить отчизну с малых лет зовут. Не тратя слов,
В них жизнь отдать всегда за друга друг готов,
И верностью платить он будет за любовь. И добрых фей
Ему поможет волшебство. Драконов, змей
Один он победит отвагою своей. Все в сказках в лад:
Кокосы, что в реку с двух берегов глядят,

И звери, что по-человечьи говорят. Там встретишь вдруг
Ты прадедов своих, творения их рук.
Войдешь в их сказочный домашний круг, посеешь рис,
Плоды арека для тебя склонятся вниз...
Так сказка обретет свою вторую жизнь. Беречь веля
Любовь, расскажет о бетеле, не юля,
И об ареке нежном, душу веселя. В груди огнем
Бетель тот красный вызревает день за днем.
Конечно, дольше сказок мы не проживем: их жизнь
длинна,
Из кладезя веков добыта глубина
И мудрость их. Но всякий раз их новизна, как свет
в пути,
Зовет тебя дорогой совести идти.

АНЬ ТИ

МАЙ

Много солнца
расточает май.
Жар такой — утих собачий лай.
Лишь под вечер снова раздается
шум детей у нашего колодца.
Люди на дорогах в нонах белых,
ветер с моря налетает смело,
гонит зной и остужает тело.
Ночи нежны, блещут звезды в небе,
словно увлажненные глаза...

Долго силы дереву копить,
чтоб пустить один побег зеленый.
О любви я говорить хочу
матери своей: ее глазам,
маленьким натруженным рукам,
выцветшей простой ее одежде...
Снова жизнь созрела, и, как прежде,
друг мой песни весело поет.
Взор моей любимой все нежнее.
Вновь любви богатый урожай
время собирать. О дивный май!

1973 г.

«К УГОЛЬНОЙ ПРИСТАНИ СНОВА ПРИЧАЛИЛА ЛОДКА...» *

Запел вдруг кто-то эту песню вдалеке,
Совсем один плыву я в лодке по реке во тьме ночной,
Туман меня окутал плотной пеленой,
И я не вижу ничего перед собой, кругом лишь мрак,
Но песня эта словно подала мне знак,

И я вдруг ясно различил во тьме маяк веселых глаз,
И джонка на реке откуда-то взялась,
В ней парень плыл, и песня с берега неслась к нему впотьмах.
Я был взволнован, шест мой задрожал в руках
И будто сам собою сделал сильный взмах навстречу ей...

И странно — песня вызвала в душе моей
Картину ясную давно прошедших дней. Я увидал,
Как джонка борется с рекой, и тот причал,
И как во тьме свирепый ветер бушевал; на берегу
Стоит там девушка и смотрит на реку.
И песня вдаль летит навстречу смельчаку, и над водой
Трепещут, словно птицы, звуки песни той.
И далеко разносится ночною мглой любви печаль...

Теперь открыла жизнь для джонок свой причал,
И нежный зов любви еще прекрасней стал — вот почему
Легко и радостно плывет челнок сквозь тьму,
Слова старинной песенки спешат к нему, как теплый свет —
Посланцем сквозь туман, как ласковый привет.
Плыву, и улыбаюсь я ему в ответ, и пристань вижу.

НОЧЬЮ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

То далеко, то близко звезд блистанье.
Небесный купол полон пенья волн.
Лишь улыбнусь в ответ на просьбу друга
о жизни рассказать и о любимой.

Лишь улыбнусь в ответ... О как нежны
прохладного песка прикосновенья!
Здесь рядом с морем я могу лишь слушать
немолкнущий рассказ его волны.

Воспоминания встают из глубины:
вот я учусь ходить на берегу,
а вот и парус мой — полны печали
глаза моей любимой на причале...

В большое море капли пота пали,
с волной смешались, расточая нежность,

с ней вместе обошли его безбрежность,
и малое великим стало вдруг...

Когда надежда и любовь, мой друг,
поверь мне, снова расцветут вокруг,
все до конца само расскажет море
о человеке и его любимой.

1974 г.

ЧАН МАНЬ ХАО

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ОГНЮ

Ты мал, как рисовый росток,
Едва заметный огонек. Уселись мы вокруг.
Друзья-соратники! Я вдруг
Представил твердость ваших рук... Нам джунгли
нынче — дом.

Костер горит, и тьма кругом,
Мы мирно возимся с огнем, и клонит в сон костер.
Огонь со сном вступает в спор,
На пламя мы глядим в упор. Не остывай, зола!

С винтовкой молодость прошла.
Такие вот у нас дела! Сегодня у костра
Печаль солдатская остра.
Прощай, минувшее вчера... А что нас завтра ждет?

Молчит уснувший небосвод,
Свершают звезды свой полет, и мы — на полпути.
А сколько нам еще пройти?
Не угасай, костер, свети! Кто пал от пуль врага,

Кому свобода дорога,
И пламень мирный очага, — тот чистым стал огнем.
Мозоли ноют... Вражий гром
Грозит испепелить наш дом. В крови моя ладонь.

Гляжу на пляшущий огонь.
Он обожжет — лишь только тронь! Огонь мы создаем,
Чтоб драться помогал со злом,
Напоминал очаг и дом, древесной пищей сыт.

Прекрасен джунглей сонных вид!
Сижу я, и огонь сидит. А только я ложусь —

И пламя излучает грусть,
В золу уходит... Ну и пусть! Его я подкормлю.

Я, как и все, сижу, не сплю,
В костре поленья шевелю. Я, как и все, солдат.
К груди прижавши автомат,
Огонь баюкаю и рад, что бодрствует костер.

1975 г.

МЫ, МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

Моим однополчанам посвящается

I

Мы родились, как зерна кукурузы, зерна риса,
Стихов Рембо, Верлена не читали,
Я разумею здесь — в оригинале,
Не ведали и запаха помады,
И не знавали барышень кисейных,
И даже — вот какое диво! —
Тоску развеять не умели:
Ведь мы не знали пива.

Снова и снова, как все, благодарность несу
Вам — Ту Сыонг *, Нгуен Кхюен *, Нгуен Зу,
Вам, кто принес океан на своих парусах.
Пристань увидели мы —
Ее ли забудем?!
Пусть благодарность читается в наших глазах
К тем, кто нам путь освещал силой мысли своей,
К тем, кто до нас на вьетнамской земле обитал,
Дальше и дальше неторной шагая тропой.
И, не боясь ни зверей, ни врагов и ни тьмы,
Молоды были они, как, товарищ мой, молоды мы!
Не были ясли поэзии нашей нужны
В день тот счастливый, когда народилась она.
К чести поэзии нашей, сумела она
С миром найти без подсказок высокую связь.
Нет, не лелеял поэзию нашу никто!
Грели лучи ее — ясного солнца привет,
Словно бы медные прутья, блистали они.
Кто их до блеска надраил — сказать не могу!
Эти лучи преграждали дорогу несчастью и злу,
Чтоб развиваться поэзия наша могла.

Старшие братья трудились, их пот каждый день
прошибал,
Горбили спину, чтоб право иметь на шиньон*:
Луковка эта похожа не зря на кулак —
Старшего право он силой готов насаждать.
...Так вот и мы, народившись на яростный свет,
В яслях, качелях ничуть не нуждались с тобой.
Родина наша свободу уже обрела,
И потому был спокойным младенческий сон.
Любит отчизна детей, их в обиду не даст!
В жизни не знали жестокого мы кулака,
Права кулачного тоже не ведал никто.
Детство оборвано было военным огнем,
Детство на фронте сгорело — такие дела.
Но начиналась поэзия в сотнях корзин —
Мы в них, детишки, сидели, держась за борта.
Тихо качались корзины, их беженцы быстро несли.
Мама моя коромыслом натерла мозоль,
Девичье ныло под тяжестью горькой плечо.
Видел я с грустью — земля под ногами плывет,
Чудилось мне, что не будет дороге конца.
Рядом со мною в корзине котенок сидел.
...Тяжкое время, пробитая пулей пора!
Разве игрушка для мамы — корзины ее?
Разве же все, что вокруг происходит, — игра?
Так вот росли мы, тянулись, чтоб мир наш постичь.
Мы постигали его, начиная с азов,
Сами узнать мы старались, кто друг нам, кто враг.
С неба стреляли враги — только мы не боялись ничуть,
Дети суровой, жестокой военной поры.
Зона военная в джунглях — детей этих лет колыбель.
Зона военная в джунглях — сумела ты нас воспитать!

II

О молодости что тут говорить —
Она для нас была обыкновенной.
В пять-шесть штрихов я дам ее портрет...
Поцеловать любимых не успели,
Как вдруг завыли вражеские бомбы.
Я не успел доесть батат на ужин
И вскинуть поспешил свой вещмешок.
Был горизонт коричнев, как одежда,

В которой мать бежала от врага.
Чернили небо вражьи самолеты.
На фронт меня ты, мама, проводила.
Не плачь, не плачь! Я верю, что вернусь.
Ты вскинуть вещмешок мне помогла,
Он рук твоих тепло с тех пор хранит.
В нем все теперь — надежда и друзья,
Одежда, жизнь... Как жаль, что он так тесен!
Ведь с горечью оставил я на полке
Уитмена и Хо Суан Хыонг.
Великие поэты! Извините,
Что не решился взять я вас с собою.
Как джунгли наступаем мы, как море,
В огонь шагаем, со стихией споря.
Веселые мы парни и простые,
Солдатскую одежду носим гордо!
О Чыонгшон! Куда ни глянешь — джунгли...
Царапаем стихи карандашом,
Особого те рукописи рода:
Они — на пачках из-под сигарет
Рождаются в землянках на привале,
Над яслями их — звезд в помине нет.
Они шероховаты, как песок.
Нет акушерки — только вещмешок,
И есть окоп — чтоб их укрыть от смерти.
Просты однополчане — уж поверьте,
Зато они поэты то что надо!
...Республики Испании солдаты!
Мы гимнастерки на себе не рвем,
Как вам в бою порою приходилось.
Война ведь наша длилась слишком долго —
Трех поколений кровь она вобрала!

Я друга вспоминаю своего:
Он поджидал врага на высоте,
И той тревожной бесконечной ночью
Перед атакой сочинил стихи
И написал их на своих ладонях.
Атака... Пыль и дым пороховой...
Он победил врага. Утихнул бой.
Вернулся на позиции мой друг,
Луч фонаря направил на ладонь, —
Но кровь и пот уже закрыли строки,
И мой товарищ с горечью постиг:
Невысказанным тот остался стих.

Такой вовек не позабудешь миг!
Мой друг с однополчанами шагал,
А рукопись лежала в вещмешке,
Ее на дно товарищ положил.
Не то что наяву, но и во сне
В издательство нельзя было слетать.
...Дивизия в лесу остановилась
Послушать стих, родившийся в бою.
Мой друг стихи прочел бойцам усталым,
Затем опять приладил вещмешок
И прикрепил походный котелок,
О дно его измазав руки сажей...
Стихи на фронте! Вы необходимы,
Хоть там и нет артистов и чтецов.

III

Друзья мои! Солдатские поэты,
Ни строчки не отдавшие в газеты!
Ни разу вы в мечтах не поднимались,
Не шли наверх по лестнице заветной,
По той, в Союз писателей ведущей,
Покрытой ярким и красивым лаком.
Но все равно ваш стих — пакетик с рисом,
Разорванный платок для перевязки
Иль ветка, что кладут через ручей,
Чтобы помочь нелегкой переправе.
Она потом исчезнет, эта ветка,
Она исчезнет во мгновенье ока...

Чтоб отыскать друзей военных лет,
Спустя два года в джунгли я вернулся,
В госхоз — к мотыгам, заступам, лопатам...
Приехал я к друзьям своим солдатам.
Из всех однополчан лишь я один,
Уж так сложилось, сделался поэтом:
Печатаются книги у меня,
В редакции работаю давно —
С утра сижу и рукописи правлю.
Но вот, простившись с шумною столицей,
Поехал в джунгли, чтобы поименно
Назвать вас мог, мои однополчане.
За всю-то жизнь немало из друзей
Стихи ни разу не произнесли.
Стихи, написанные кровью сердца...

Есть жизнь у строк — но есть и смерть у них.
В огне упав — уже не встанет стих!

Бойцы-поэты! Павшие поэты!
Спят рукописи ваши, как руда,
И ни один геолог не найдет
Стихи, что похоронены в земле,
На дне десятков тысяч вещмешков,
Средь джунглей, и болота, и песков.
Поэты — вы солдаты в самом деле!
О молодые, те, кто носит нон
Или панаму мягкую солдата,
Перед стихами вместе поклянемся:
Нет ничего правдивей клятвы кровью
Для тех страниц, что молодость узнали
Пред нитью обгоревшей горизонта.

Тэйнинь, 1973 г.; Сайгон, 1977 г.

ЛУНА НА ГРАНИЦЕ

С солдатами — небо, земля и луна,
Мое отделенье шагает сквозь ночь.

О шепчущий ветер, успех напророчь!
Звезда поднимается — вечности дочь — над темной листвой.
Обманчив границы тревожный покой.
Луна наклонилась над самой землей, в просторы маня.

А я и не знал, что луна — для меня
Восходит, синея и тени гоня. Патруль начеку.
В глазах своих небо собрать я могу...
По топи идем, по траве, по песку. Приглушена речь.

Чтоб не было братоубийственных сеч,
Должны мы с тобой тишину уберечь и шепот волны.
И звездные очи до края полны
Глубокой и нежной, как сон, тишины, бессонна луна.

Стою в карауле, звенит тишина,
Мгновенья тревожны, душе не до сна, и травы не спят!
Не спит в карауле отважный солдат.
Угас уж давно золотистый закат, — но вечна любовь!

Земля моих прадедов, светлая новь,
Ты яростно сбросила бремя оков. Я твой навсегда!
Внушают мне веру — и звезд череда,
И нивы родные, и знамя труда, и звезды с луной.

Юго-западная граница, 1978 г.

ВОСПОМИНАНИЕ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В стране Ленина ни разу еще не довелось побывать мне,
увы!
Не видел я площади Красной и светлого облака в небе
Москвы,

Почему же все это во мне словно воспоминанье о чем-то,
виденном впервые?
Это — жажда моя, это — любовь моя к тебе, **Россия!**

Годы войны провел я в джунглях дремучих, чей облик
суров,
Переваливал Чыонгшон, шлепал по воде в Долине
Тростников,
В сраженья шли со мной рядом Нгуен Зу и Пушкин,
прочитанный мною впервые,
Рядом со мной навсегда **Россия!**

В глухую пору в глухой деревушке родился я,
Отец мой встретился с партией, хоть рассвет над страной
забрезжил едва,
Стали светом ему серп и молот и ленинской правды
слова, —
Россия была со мной с детской моей колыбели!

Откуда было знать мне тогда небо над Европой?
Горела Волга, гудел Дон в ту тревожную пору.
Россия! Свободы человечества надежда и опора.
Землю эту в могилу задумал фашизм превратить.
Остаться земле той навеки иль сумеют враги ее
испепелить?
Двадцать миллионов сынов **России** жизнью своей
ответили на этот вопрос,
Знамя с серпом и молотом взвилось над Берлином,
и рухнул фашизм, как прогнивший мост.
В ту самую пору в глухой деревушке мать меня родила.

Есть у меня Россия, встают за горизонтом свершенья ее
и дела.
Помощь свою присылает нам дружественное государство.
Много болезней гонит прочь одна таблетка лекарства.

Любовь к России давно живет у меня в крови.
Книги толстой листаю страницы — и все они о любви.
Душа Николая Гоголя — все еще не утихшая снежная
буря,
И песни мужицкие пронизаны все насквозь
Печальными звуками колокольцев тройки, мчащейся по
таежной земле.

Я гляжу на **Россию** прежнюю, оглядываюсь на
Россию во мгле.
Петербург бесконечно огромный, где мечутся люди без
выхода.
Федор Достоевский! И над тысячами страниц
Долгой тени ночной не рассеивающееся бремя.

Лев Толстой! Человек, который постучался во Время.
Душа великая не в ладах с великой эпохой:
Все было у него, позабыл лишь о шпаге.
Спешил всю жизнь, да так и не пришвартовался к
пристани свободы.

Новый день над **Россией** забрезжил сквозь годы.
Это сбылся наконец сон тысячелетий.
Вера всего мира сосредоточена в слове — Ленин.
Залп «Авроры» — и вот уже человечество от радости
засмеялось.

У меня есть **Россия** — она навеки в душе осталась.
Я не был в России ни разу — почему ж ее помнит душа,
как родные слова?
Позволь мне стать волною твоею, плещущая Нева!
Встречайте меня — упругий ветер, Балтики штормы.
Почему-то чудится мне, что Балтийское море зеленое.

1979 г.

ПОСЛАНИЕ ДРУГУ НА ПАРАСЕЛЬСКИЕ ОСТРОВА

Острова Парасельские — гроздья плодов,
Кто-то с неба спустил их в прибой.

Чтобы руки касались шумящей воды,
Набегает волна за волной.

Птицы здесь говорят без боязни со мной,
Ветер — цвета кораллов морских.
Острова приближаются шумной гурьбой,
Словно дети в веселой игре.

В день, когда я приехал, молчал океан,
Полон будущих смутных тревог.
Люди рыли убежища, чтоб ураган
Не застал, налетевши врасплох.

Помню: вдруг острова запылали огнем, —
Перед факелом пятилась мгла.
И спокойно мы рыбу ловили в ночи,
Глубь морская недвижна была.

Там сейчас ураганы, разорвана тишь...
Помню остров, как помню свой дом.
Друг, ты там с автоматом на вахте стоишь.
Вспоминаешь ли ты о былом?

Корни цепки у пальмы, сгибается стан,
Потому ей не страшен любой ураган.
Гляну в небо — и вспомню тебя,
Остров-радугу, сизый туман...

Подобрались враги, сея смерть и свинец,
Но вдали в нерешимости стали:
Испугали их люди отважных сердец,
Что свои острова охраняли!

Я желаю послать небольшим островам
Всю любовь берегов — как ее передам?
Пожелаю победы далеким друзьям,
Не сломить ни за что их свирепым ветрам!

Острова предо мною спокойно лежат,
Словно гроздья бахромчатых звезд.
Если сунется враг — станет грудью солдат,
Ни один не покинет свой пост.
Острова-кулаки враз отбросят врага.
...Память — к другу далекому мост.
Спойте песню ему, берега!

Хошимин, сентябрь 1979 г.

ЛУКБАТ О ДВУХ БЕРЕГАХ

Сижу я среди солнца и травы,
На водной глади пляшет тень листвы. О Ароматная река!
Поэзия живет в тебе века,
Ты нам, как предкам, навсегда близка, в тебе луна и небеса.

Мне слышатся ушедших голоса,
Внимала им текучих вод слеза, звала тебя, верша свой труд.
Под бег неслышный медленных минут
Два берега любимых вдаль бегут — твоя тут лодка проплыла.

Бесстрашная, волну пересекла...
А струи — то прозрачнее стекла, то мути вспененной полны.
Всю жизнь ты знала нрав крутой волны!
Я боль твою ловил как стон струны, как ропот грозный вешних вод.

Реке навстречу боль твоя идет,
Но просветлел туманный небосвод. Итак, поход окончен мой!
Вот наконец вернулся я домой,
Мы выиграли самый главный бой! Мосты я вражьи подрывал.

И вновь тебя над речкой увидал:
В Хюэ свободном вышел на причал — ты повстречалась мне тогда.
И ныне рядом — хоть прошли года.
Веселая и юная всегда — в душе навек осталась ты!

Пусть в памяти живут твои черты.
Ты шепчешь, что сбылись мои мечты! И Ароматная река
Волной зеленой вновь качает облака,
И лодочка твоя опять летит, легка, казао * в ней — чудесный груз.
Незыблем с колыбельной твой союз!

Я песенный полет спугнуть боюсь. Река, ты мать мне с детских лет!

Все та же ты и в этот час побед,
Тебе даю я верности обет, реке поэзии родной.

Старинные дома передо мной,
Проспект простерся, как стрела прямой, и реет в небе
красный флаг.
Река, река... Навек повержен враг,
Развеян навсегда проклятый мрак. Победы солнце шлет
привет!

Над родиной моей встает рассвет.
Мы победили власть войны и бед. И я пучок травы беру...
Река моя прекрасна поутру,
Колышутся травинки на ветру. Теки, лукбат, моя река!..

1980 г.

СОЛДАТ

Прошел через джунгли солдат.
Свершилось. Исполнились сроки.
Продрался сквозь ливневый ад.
Пылала заря на востоке.

Прошел он немало дорог
Тяжелой походкой солдата.
Заплечный давил вещмешок
И ветры летели крылато.

А сколько в дороге стоптал
Из автопокрышек сандалий!
Опасностей много знавал, —
Но был он, наверно, из стали.

Оружие просится в бой,
Хоть отдыха требует воин.
Пусть спит он на камне порой —
Глубок его сон и спокоен.

Крадется тревожный рассвет,
А с ним — и труды и тревоги.
И незабываемый след
Впечатан в обличье дороги.

Улыбка солдата — как плод,
Что с ветки зеленой смеется.
С улыбкой панама плывет —
В ответ ей весь лес улыбнется.

Солдат на солдата глядит,
Живой о погибших скорбит.
Солдата солдат понимает,
И каждый из них как гранит.

1980 г.

КЛЮЧЕВАЯ ПОЗИЦИЯ ВЕСНОЙ

Здесь голос птицы — словно плод,
Что с дерева слетел.
В тот край, где теплится восход,
Вдруг ветер пролетел.

Панама — в капельках росы.
Взошел на холм солдат.
Спокойно тянутся часы.
Безмолвен автомат.

Пробились горы сквозь туман —
Они в засаде были.
Ветров тревожный караван
Проходит в тучах пыли.

Тот ветер, что иглой колол,
Вдруг ласку матери обрел,
Взглянуло солнце на солдат —
И зимний холодок прошел.

Трава в окопах — одеяло,
Земля весенняя в цвету.
Светило землю обласкало —
Зеленым вспыхнула гора.

Дозор сменяется дозором.
Согрели руки автомат.
Земля весенняя дымится.
Надежен, как плечо, приклад.

Раздула ноздри буйволица,
Ручей поет, гудит пчела.

Народ весну в селе встречает,
И к нам в окоп она пришла.

Светило — словно пчел гнездо,
Лучи весны теплом богаты.
Из дома письма привезли!
В кругу читают их солдаты.

Враги как змеи у границы.
Но зорко с высоты глядят
Глаза защитников отчизны,
Любимых родиной солдат.

И окружает нас весна,
Союзница ручьям.
Цвет абрикоса — словно гость,
Что заглянул к друзьям.

Стальные дула спят пока,
Порос окоп травой,
И пролетает тишина
Над юною листвой.

1980 г.

ТЭЙНИНЬ В ЭТУ ПОРУ

Дожди, суля перемены,
Идут на нас с океана.
Ветер дует с Танбьена,
О чем-то поет неустанно.

До самого до Чангбанга
Тянутся струи прохлады.
Стремительней бурной Вамко
Идут молодые солдаты.

Рекою течет граница,
И ветер хлещет с размаха.
Ручей куда-то стремится,
Бежит и бежит без страха.

Лужи блещут как блюдца,
В них пьявки шныряют рьяно.

Тяжелые ветви гнутся,
Стволы качаются пьяно.

Над Вамко — рекой широкой —
Вижу солдатские лица.
Звездный купол глубокий
Глядит в упор на границу.

Тэйнинь — это джунглей раздолье.
Сплетаются тропок жилы.
Побегам юным приволье...
Края эти сердцу милы.

Селения просят защиты
В сезон, когда рис созревает.
Покоем зерна налиты,
А сердце тревога сжимает.

Солдат похвалился другу:
Вот, мол, какая картина:
Вчера подарила супруга
Отцу счастливому — сына!

Врагу никак не сидится —
Он сеет новые войны.
Пока беспокойна граница —
И мы не уснем спокойно.

Недруг коварный злится:
Бомбы — на рынок Лонгхао!
Петлей ему станет граница,
Назад не вернется — я знаю.

Ноги бойца — как реки,
Ноги — Тэйниня горы...
Земля, родная навеки!
Отчизны древней просторы!

Нет джунглям конца и края,
Их щебет прошил многозвонный.
Поет пограничник, встречая
Дымок очага бессонный.

Люблю Тэйнинь в эту пору!
Мы ветру, как другу, рады.

Глядим на дальнюю гору,
Сжимая винтовок приклады.

Вовек не уступим силе!
Я голосу родины внемлю.
Джунгли берег покрыли,
Чтоб с нами хранить эту землю.

ИЕН ДЫК

БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Так невелик, что не попал на карту,
Что негде сети рыбакам сушить,
Сумел века без имени прожить
Затерянный в морском просторе остров.

Его скрывают штормовые волны
И птичий след смывают с побережья...
Сегодня море ласково с утра,
Готовясь к встрече с дядюшкою Хо.

Вот Хо Ши Мин идет под синим небом,
Он так же шел в Тхайбине по полям.
Вот нежно гладит кустик и ракушку,
Как будто снова вспомнил Каобанг *.

Вот, словно приобщая к жизни новой,
Он называет остров в честь Титова *.
Сверкают камни, зеленеет мох,
А волны вечно ликовать готовы!

Прилив — он льнет к сандалиям вождя.
Оставлены следы сандалий этих
В Нью-Йорке, в Риме, в Лондоне, в Париже.
Здесь, на песке, я их сегодня вижу.

Его следы, о берег, сохрани!
Пусть будут навсегда с тобой они.
На малый островок приехал дядя Хо,
Ведь это капля родины его...

МОЙ ГОРОД

Здесь море и джунгли сроднились когда-то,
здесь выросли сосны над синим бескрайним простором,
здесь песня деревьев легко и крылато
звучит на смешенье ветров бесконечных,
ветров из-за моря, соленых и влажных,
и тех — напоенных лесным ароматом.

Мой город —
он был неизвестным селеньем,
кормился охотой да рыбною ловлей.
И хоть и сменялись у нас поколенья,
названия сел неизменны с далекой поры —
Расщелина Абрикосов и Крабьи Бугры.

Однажды в селенье пришла перемена:
какие-то люди приехали в мощных машинах,
валили на берег железо и бревна,
а после известку, цемент, кирпичи
к реке подвозили они то и дело.
Так стройка на нашей земле закипела.
И вот протянулись строительные леса,
как будто собою хотели закрыть небеса;
дождь сварки блестел раскаленно повсюду,
и в сад превращался любой родомиртовый холм,
и шумной рекою ручей становился.
Ребята со стройки трудились вовсю,
не зная усталости и перерыва,
дома поднимали. Дома поднимали с земли,
расчерчивать улицы и переулки учились...

Чан Фу * эту улицу мы нарекли,
там есть магазин, где прекрасные книги на полках.
Батьданг * — я шагаю вдоль улицы новой:
кафе, автоматы с фруктовой водой,
слепят магазины
сияньем высоких витрин...

Мой город — он стал многолюдней и выше,
над ним не впустую шумели года —
он весел и полнится ритмом труда,
я помню: четыре безжалостных года

швыряли на город мой американцы
за бомбою бомбу, за бомбою бомбу...
И старый торговец рассказывал нам:
когда он на рынке нагнулся за рыбой,
осколок весы перебил пополам...
Друзья мои стали солдатами.
Друзья мои стали студентами.
А город незыблем. Он так же стоит, как и прежде.
Возносится дым в поднебесную рань,
турбины работают слаженно, четко.
Мы свет электрический гоним в Донгань,
мы свет электрический гоним в Камфу,
мы свет электрический гоним в Хайфон.
Мы строим заводы,
разводим животных в госхозах,
идет, продолжается стройка.
Нам фильмы привозят два раза в неделю...
Как прежде, стекается в город народ.
Детей у нас много, ровесников стройки —
им тоже десятый год!

1971 г.

МОЛОДЫЕ ЛЕСА

Сандаловые леса чуть синеют, как закаленная сталь,
В сосновых — деревья так густо-зелены и юны!..
Филао * на солнце блестят, словно мокрые волосы,
И вдаль убегают, обняв бесконечные дюны.

У нас на глазах вырастают и крепнут леса,
Над нами они распускают высокие кроны.
И новые листья из лопнувших почек выходят на свет,
На свет, чтоб наполниться соком зеленым.

На свет, где металла смертельного тонны.
Но всходят деревья из сочной земли.
И песни земли по стволам поднимаются ввысь,
К лучам согревающим устремлены.

Я вижу леса из-за гребня волны,
Бесстрашно глядящие в буйное синее море,

Леса человеческой гордостью, знаю, полны.
О сильную грудь разбиваются все ураганы!

Песчаных краев моих юность, надежда, краса —
Над старыми джунглями вставшие в рост великана,
Покрывшие густо холмы и равнины,
Шумя на ветру, к горизонту уходят леса...

1972 г.

ХОАНГ НЮАН КАМ

СОЛДАТ И КОЛОКОЛЬЦА МУЛА

Закатаны брюки солдата, слепит дождевая завеса.
Идет караван по чащобе по старой, по редкому лесу.
Повсюду лишь птиц непривычное пенье средь плеска и гула
Да звон колокольцев прозрачный на шее у каждого мула.

Грибы темно-бурые, серые всюду поднялись холмами,
Как будто спросонок они и косят удивленно глазами;
Такие цветы, что никто их еще не назвал и цветами,
Свои лепестки раскрывают и слушают чутко.

А звон колокольцев дрожащих плывет и плывет над землею,
Шесть лет уже скоро, как стал он привычною песней лесною.
И всюду, на самых заброшенных, самых пустынных тропинках,
Лишь мула, идущего с грузом, увидишь следы и солдата.

Зеленые дикие чащи сырые, где путь не накатан.
Желтеют в обоймах патроны, в них гнева народного порох.
Идет караван к полю боя, как путь его тяжек и долог,
Тороки колышутся мерно на спинах у мулов...

ОСЕННЕЕ ПИСЬМО

Знаю, что наши следы друг друга в лесу повстречали.
Осенью в городе или прохладной тени тростника
Слышно: стреляют винтовки, страна наша так велика.
Мы же с тобою на стольких суровых фронтах побывали!

Кажется, шли мы с тобою по этому горному склону;
Мост предо мной — по нему ты, конечно, когда-то шагал,
Ты забирался на острые выступы этих же скал.
Осенью наши напевы разносятся по Чыонгшону.

Стал ты теперь уж, наверное, сильным, красивым и стройным.
Я словно слышу в ритмичной победной мелодии дней
Голос возмездия — голос разящей винтовки твоей.
Осенью наши напевы разносятся по Чыонгшону.

Я и теперь помню резкую боль материнского стона
При расставании. Мы обещанья должны исполнять.
Слышу, что где-то стреляют. Я знаю, как любишь ты мать.
Осенью наши напевы разносятся по Чыонгшону.

Враг никогда не пройдет сквозь стоящие насмерть заслоны.
Песня винтовок, огня и возмездия нам дорога.
Пусть эта громкая песня повсюду сжигает врага!
Осенью наши напевы разносятся по Чыонгшону.

Песня из милого детства нам звук барабанов приносит.
Помнишь то время? Фонарик и темный задумчивый сад.
В этом саду мы с тобою беспечно ловили цикад.
Песня, как ниточка, тянет нас в дальнюю детскую осень.

Звезды так чисто сияют. В их свете
Нужно стремиться к победе, пусть снова невзгоды сильны.
Мы изгоняем врага из страны.
Ловля цикад позабыта — мы больше не дети.

1971 г.

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА

Утро:
Сами лучи этого рассвета — праздничные лучи.
Полдень:
Сумерки зверем крадутся.
Вечер:

Ящерицы щелкают языками в ночи,
Где тут уснуть?

Ветер вздыхает листвою,
Слушаю гул перестрелки.
С кем не бывает такое в канун боевого крещенья.
В селе, где осталась мама, петух кричит звонко.
Скатываю гамак, иду туда, где гремят винтовки.

Горы Чыонгшон, 1971 г.

СТРОФЫ, НАПИСАННЫЕ В ОЖИДАНИИ СОЛНЦА

Я снова заснуть не могу, пробудившись средь ночи.
Все мысли — о солнце, хотя и зажег я огонь;
И ветер со мною поспешно задуть его хочет.
Стремительный ветер, мелькнувший, как друга ладонь.

В песок бесконечного берега врылся мой дом,
Ракушка припомнить пытается все, что забыла;
Ракушку мой друг подбирает и чистит от ила.
Я спать не могу безмятежным, бесчувственным сном.

Забытые страшные сказки по джунглям витают кругом:
Вот в городе полы зеленого платья мелькают;
Я слышу, как цокают лошади Чаунг Тхюи и Ми Тяу *,
Проносятся кони, качаются бивни слонов,

Горящие звезды роняет небесный покров.
А завтра здесь песни взлетят на бескрайнем просторе,
Взволнуется нежных побегов зеленое море, —
Вот место, где солнце-победу сегодня я жду.

А завтра я буду здесь яростно биться с врагом.
Друзья боевые! Люблю вас, люблю вас безмерно!
Ручей напевает — и песня та в сердце моем;
Звук тихо дрожит, дождь струится в ночи равномерно.

Всю ночь я был рядом с огнем и винтовкою верной,
Наутро друзья поднимаются, греются вместе со мной.
Бессонная ночь — это долгая ночь беспредельной мечты.
Бессонная ночь — это ночь бесконечных предчувствий.

Чыонгшон, 1972 г.

СЛУШАЯ РАССКАЗ ПТИЦЫ НА КЛЮЧЕВОЙ ПОЗИЦИИ

Окопы рыли, не смотрел никто вокруг.
Теперь лишь птиц с тобой увидели мы вдруг, как
много их!
Оружие в землянках чистим мы своих,
Стираем смазки толстый слой с обойм тугих, скорей
бы в бой!
Пронесся ветер, прошумел густой листвой,
Мелканье птиц, о чем они с такой тоской поют сейчас?

Наивен птицы над окопами рассказ.
Напев дрозда, ну что же хочет он от нас? Эй, друг,
постой!
Твои заботы мне известны до одной,
Как попугая речь, что дремлет за спиной! Война, война...
На части вся моя страна разделена.
От жалоб птичьих в сердце горькая вина еще острей.
В землянке мы, а птицы кружатся над ней.
Наружу б вылез я, но есть приказ: не смей! Замри...
Потом...
Пусть тишина стоит глубокая кругом,
Мы не должны быть обнаружены врагом — терпи,
солдат.
Наутро с ним вплотную встретится отряд.
И эти птицы, бросив гнезда, улетят вперед, вперед,
Когда в дыму с небес сорвется вертолет,
Когда на склон навалит грудой пулемет тела врагов!

1972 г.

НА ФРОНТ, КОГДА ПОЮТ ЦИКАДЫ

Иду на фронт в те дни, когда поют цикады.
Пусть шарики * скатились в дальность детских лет,
Но кто рискнет сказать, что в наших сумках нет
Привычных голосов цикад, звенящих звонкой песней?

На фронт, когда их голоса все громче,
Настойчивей нас призывают в бой,
И все высоты, что мы защитили,
Нам в это лето радуют сердца,

Мне кажется, не знает пение цикад конца,
Как реки и ручьи; шеренги беспрерывно льются,

Цикад протяжные напевы снова следуют за мной,
За нашими шагами вслед несутся.

На фронт в те дни, когда волнующе поют цикады.
В погоне за врагом так много мы узнали бурных дней!
Друг другу стали мы родней,
Когда в бою, в огне, душа про сон забыла.

О время засухи! Ты мне так дорого, так мило!
Пусть шарики скатились в дальность детских лет,
Но кто рискнет сказать, что в наших сумках нет
Привычных голосов цикад, звенящих звонкой песней?

Октябрь 1972 г.

РАЗДУМЬЯ ОТДЕЛЕНИЯ, ОХРАНЯЮЩЕГО ДОРОГУ В ДЖУНГЛЯХ

В джунглях осенних так зелен бывает тростник,
Сотни метелок его — цвета камня.
В зелени джунглей блуждает мой взгляд,
Слышу, как землю снаряды врага бороздят.
Вдруг вспоминается мне стук песта у соседки;
Птица исцветшими, блеклыми крыльями машет,
Будто бы злится, надрывно кричит над деревьями
джунглей.
А отделение весело песню запело —
Такт отбивая, стучат по прикладу ладони.
К солнцу мы песню веселья возносим,
Знаю, что каждая новая осень
Душу солдата чудесно тревожит.
Однополчане, отдавшие жизни в боях,
Живы в солдатских горячих сердцах!
Первую осень войны позабыть невозможно,
Дружеский взгляд и пожатие рук.
Сердце любого единою целью горит,
В джунглях нет времени лучше, чем время зари,
Круглою точкою солнце встает надо мной,
В джунглях, израненных долгой войной,
Нежно разносится запах грибной.
Нет для машин в этом месте дороги иной,
Едут они по привычному следу.
Так долгожданна и радостна наша победа!
Пусть же победа мелодией осени станет!

Джунгли Западного края, 1972 г.

НЕБО НАД СКЛОНОМ ГОРЫ

Головы вскинув, на ясную синь небосклона
Смотрим под пение пуль, сквозь удушливый чад.
Выстрел. К вершине стремится отважный отряд.
Бомбы врага сокрушают гранитные склоны.

Палка сломалась. По острым камням мы идем.
Лица изрезаны, сделался круче подъем.
Небо, что через плечи товарищей вижу,
С каждою капелькой пота все ближе и ближе.

Груда торчащих камней стала огненно-алой:
Кровь остается от множества содранных рук.
Сколько же камни за вечер увидели мук!
Кто ж не касался их лезвий рукою усталой!

Ветер за влажные волосы тянет друзей.
Вот и вершина — и сразу бьет ветер сильней.
Дым и огонь черной тучей ползут под ногами,
Синее небо как будто бы шепчет над нами!

1973 г.

ПОЛИТРУК ПОЕТ ПОСЛЕ БОЯ

Ты седой. На плечах гимнастерка запачкана кровью.
Ну а что же еще, политрук мой, сказать о тебе!
Ты учил одному, как нам выстоять в этой борьбе.
Потому-то, наверно, стихи сочинять я умею.
Ты негромко поешь, ты ладонями бьешь по коленям.
Почернели ладони — с металлом и копотью в порах.
Потому-то война и металл, запах дыма и порох
Входят в песню мою, и мелодией став, и словами.
Политрук мой поет. Он поет о далекой равнине.
День обещанной встречи волнует его, как и нас.
Эта песня сначала виденьем касается глаз
И, слезою скользнув, в пересохшие просится губы.
И я вижу по лицам захваченных песней солдат,
Что такое для них — это пение политрука.
Над неярким костром равномерно взлетает рука.
Все слова об одном, все о доме родном и далеком.
Дрожь по телу проходит. Мелодия льется и льется.
Это песня о том, как солдаты вернутся домой,
О реке Ароматной, которая там, за войной,

О глазах матерей, что глядят столько лет на дорогу.
Политрук мой поет и — смотрите! — проходит зима.
Лес подходит к костру и глядит, как дрова догорают,
Как веселые блики на наших винтовках играют.
Лица бледные вдруг озаряются розовым светом.
Политрук мой смеется, и видно, как плечи трясутся.
Впереди грянул выстрел, другой... И на миг показалось,
Что не выстрелы это, что это весна постучалась.
Над землей занималось весеннее раннее утро.

1974 г.

ЗАПАХ ЖАРЕНОЙ МАНИОКИ ЗИМОЙ

Запах жареной маниоки далекого детства
Летит над полями.
Летит по жизни, в сраженьях прошедшей,
О нежная маниока далекого детства!

Поднимаю глаза, и от синего неба не деться,
Пахнут волосы братьев и пеплом и дымом.
И уснули на прядях сухие и горькие зимы,
Я убежище рою, кукурузу ты в землю сажаешь.

Вижу горное поле и матери старой одежду,
Маниокой далекой и нежной пахнет война,
Только плуг и расскажет о том, что желает она,
Солон каждый кусок от бессонных и горестных слез.

Но не меркнет надежда, подобна сиянию звезд.
И наступит зима, и с зимой прилетят воробьи,
Понесут над землей исхудавшие крылья свои,
Оперенье роняя над полем, не дарящим птиц.

О серебряных нитях, что на гордые пряди легли,
Эй, мотыга и плуг, эй, мотыга и плуг, расскажите.
И на волосы матери сходятся горькие зимы,
На восходе худая рука поднимает мотыгу.

Я в холодных окопах храню свое жаркое сердце,
И на гальке, в песке лица братьев усталы и строги,
И не странно дыханье далекой родной маниоки,
Я с друзьями сижу, с тростником и винтовкой в обнимку.

И струится мне вслед маниоки туманная дымка,
Мы целуем мотыгу, как матери жесткую кисть.

Молча смотрим одни в воробьиную сизую высь
И в бесплодное поле на самом рассвете выходим.

И с начала зимы снова будем в военном походе
С материнскою прядью и с кличем трепещущих крыл,
С мертвой галькой, с песком, что кровавую чашу испил,
Маниокою нежной на марше тревожном хранимы.

И на марше тревожном пробудем всю долгую зиму,
Изорвется одежда, но встретит решающий бой,
Хоть от дыма горька, но обласкана новой Весной.
Маниока далекого детства на дулах винтовок.

НГУЕН ЗЮЙ

МОЯ КАРТИНА

Много картин обычно висит у меня на стене,
Но всегда картина в зеленой гамме лучшею видится мне.
Рама окна,
Над городом белесоватая пелена,
Цепь сизых гор в тумане, зеленеет ярко рисовая рассада,
И под грузом плодов дрожат ветки сада,
Этому и всему, что жизнью человек зовет,
Вечный фон — небосвод.

Картина зеленого цвета всех милей мне на стенке,
Каждый луч изменяет оттенки.
Любая зернинка дождя, тумана клок, крыло птицы
Во мне инкрустированы с тех пор, как смотреть я начал
учиться,
И рисуют одна за одною спокойствия черты.
Потом как-то утром слышу глубокий голос картины:
— Ты,
Любовно глядя, жизнь не простой,
Стань-ка чертою в рисунке, хоть самой простой.

ФИОЛЕТОВЫЕ ПОЗИЦИИ

На холмах родомиртовых лето.
Вечер спокоен и фиолетов.
Стволы винтовок, словно стебли цветов, к небу воздеты.
Листья машут десятками тысяч веток,
Укрывая бойцов от ливней ночных, от солнца жаркими
днями.

Налетевший ветер освежает память.
Под воздействием нежного цвета

Рука в замешательстве рвет цветок, втыкаю его над
ухом.

Смешно: не умею закрепить в волосах.
Там, на коричневых холмах, —
Чей-то смех, беготня. Вижу, буйвол щиплет траву.
Там прикалывают к нонам узор из родомиртовых
лепестков...
Тает в отдалении эхо людских голосов.

Ничто не сравнимо с родомиртом наших краев,
Растет средь засушливых мест, а приносит много цветов.
Побег цвета фаянса становится фиолетов, как только
наберется сил,
Выбивается из-под гальки, а тает во рту, едва ты его
надкусил.
Чем жарче, чем дождливее лето, тем слаще плодов
аромат...

Над позицией то грохот выстрелов, то бомб тяжелый
набат.
Но выпадает, хоть редко, час, когда пространство
молчит
И невесомы холмы родомиртовые, как солнечные лучи.
Они укрывают нас и винтовки краем фиолетового плаща,
Тогда мы смотрим на землю в цветах, будто бы что-то
ища,
И видим в фиолетовом цвете пламени зыбкий мираж:
Из-под тонкой и нежной листвы, трепеща, —
Сверкает цветком родомирта ненависти огонь!

Вечером на равнине, 1962 г.

ВИНТОВКА И ДАН

— Выступаем!
— Равнение!
Вещмешки надеваем, вскидываем винтовки.
Шепчет земля, приходит в движение.
Вздрагивает низким голосом дан.

Правофланговый товарищ Нам
Несет, как обычно, с собою дан:
Тонкая леска натянута на полый бамбук.
Выходим на дорогу. Первый звук
В лад шагам, как ритм кастаньет.

Это бряцает инструмент,
Потому что приклад винтовки задевает дан.
Потом дан замирает —
Звуки земли собирает.
Когда винтовка, сытая от смазки, головой коснется
плеча,
Дан во весь голос начинает звучать:
Мелодия выше и выше льется,
К самому солнцу.

Много дорог был товарищем нам
Замечательный парень Нам,
Хоть ростом не вышел — силой взял.
Не раз на марше в помощь ему ребята свое предлагали
плечо.
И Нам всегда отвечал горячо:
— Воду, и рис, и одежду мою
Я уступлю.
Но винтовку и этот дан
Должен нести я сам!

1969 г.

ВИНТОВКА В НАШИХ РУКАХ

Крепок ствол стальной, прочен приклад.
Эта древесина производная от:
Челнока, спешащего по гребню вод,
Свадебной кровати двуспальной,
Пальмы, чья тень над дорогой дальней...

Эта сталь призводная от:
Компаса, ведущего нас вперед,
Колес автомобиля, ежедневно бегущего вдаль,
Сверла, вгрызающегося глубоко в сталь...

Разве бесследно проходят гнев и печаль:
В кровь искусаны губы, часть нашей жизни вырвана —
Из нее винтовка выплавлена!

Крепко руки сжимают винтовку.
Земля нам опора.
Вот ладонь моя, на ней мозолей следы.
Мы знаем, чего стоит росток дерева и каждый кусок
руды.

Я превращаю сегодня в сталь каплю чугуна.
Земля еще в древние времена
Закаляла слезу смолы в дереве, дающем древесину,
Молча тысячи дней копила в ней силу.

Любимая! Мы не покладая рук
Мотыжили поле, сажали рис, батат,
Разрабатывали недра.
Сегодня мы роем траншеи,
Чтобы земля окрепла.
Прислушиваясь к стонам израненной земли,
Мы многое с тобой постичь смогли.

Недаром повелел отливать Тхук *,
Когда добыча железа была мала,
Наконечники для стрел из бронзы
Против захватчиков,
Осаждающих Колоа *.
Мы знаем цену пищи: маниоки, кукурузы.
Мы понимаем: засыпать продукты в жерла орудий нелепо,
Посылая тысячи тонн риса в небо.
И наши орудия тотчас бы смолкли, едва
Перестали бросать нам на головы бомбы Б-52.
Не будь кораблей, чьи залпы сметают дома на побережье морском,
Иссякли бы пули, поливающие линию фронта стальным дождем.

Лежа в укрытии, мы слышим тяжелые вздохи.
Земля ворочается шумно, вздымает грудь.
Разрубленная надвое, страна не может уснуть!
Истово, с надеждой она
Вкладывает винтовку нам в руки.

Мыши проедают вещмешки — пусть.
Пиявки впиваются в ноги — пусть.
Мы сдерживаем слова раздражения
И вкладываем, как пули, в винтовку отмщения.
Сотни раз разрушали возводимые нами укрепления,
Но мы возводим их вновь.
Наша цель постоянна — сердце врага.
Победа не только мир сегодня. Решимость не изменит нам:
Пусть я руку потеряю в бою, а у тебя лицо перечеркнет шрам, —

Мы сохраним, мы обеспечим грядущим дням
Облик стоящего во весь рост Человека — хозяина
Родной земли,
Единой земли!
Земля и мы кормим друг друга в трудах.
Останется земля — человек пребудет в веках.
Земля со временем восполнит сегодняшние утраты.

Винтовка в наших руках сжата:
Крепок ствол стальной, прочен деревянный приклад!

1970 г.

ПЛЕННЫЙ ВРАЖЕСКИЙ ПИЛОТ ЕСТ ИЗ ОБЛОМКА СБИТОГО САМОЛЕТА, ПЬЕТ ИЗ ТРУБЫ РАКЕТЫ

По небу летая, разве он знал,
Что бомбы его разбили всё.
Из домашних вещей у нас ничего не осталось:
Пиалы фаянсовые — на куски,
Миски, кружки, ложки, кошельки —
Уничтожил, по земле разбросав.

Разве он знал, пролетая в небесах,
Что набит осколками этот земли клочок.
Не найдешь ни кружек, ни мисок, ни кошельков.
Один дюраль глядит из-под ног.

Упал на землю,
Глазам знакомую, но бесконечно чужую.
Миска риса, золотые початки кукурузы, словно воронки от бомб,
Заставили вздрогнуть пилота.
Кружка с водой, словно дым от снарядов,
Заставила вздрогнуть пилота.
Лицо побелело, глаза вылезли из орбит:
На миску и кружку глядит.
Миска из «фантома», что был нами сбит,
Кружка из трубы ракеты.

Мы говорим — он не понимает,
Таращит глаза, молчит,
Не знает языка, дикий вид:
На миску и кружку глядит...
Из чего они сделаны — это он знает.

1970 г.

ПОМНЮ

Помню тебя, если я поднимаюсь на перевал по тропинке
крутой.
Слышу тебя, только ветер очнется, в чаще неведомой,
чаще лесной листом шелохнет.

Помню тебя, если бурную речку перехожу осторожно я
вброд.
Слышу тебя, это в берег от века вольно волна неумолчная
бьет, только сделаю шаг.
Помню тебя, если я прислоняюсь, за день усталый,
к стене блиндажа.
Слышу тебя, только вечер туманный сходит по росам,
в ознобе дрожа, лугом земным.

Помню тебя, милый облик сроднился в долгие марши
с сознаньем моим,
В радость сто тысяч дорог в ноги лягут только тому, кто
тобою любим, мне ль это не знать?

1970 г.

НОГИ СОЛДАТ

Наши парни, на марше шагая, идут через сон.
После смочит следы их туман на дороге.

А наутро и старый и малый удивятся в слезах:
— Шли вы в рассвет при петухах или нет?
Видны им только следы ног, оставленные как привет.

Ноги, что сотрясают форты и что обрушивают доты,
Шагают тише, чем сон людей после обычной работы.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ НОВУЮ ПРИСТАНЬ

Снимает скальпы с гор Б-52,
Так колонизатор
обдирал индейцев.
Леса Хыонгхоа без цветов и птиц
Головами лысы.
Но, гордые, несут
Красную дорогу через облака.

1971 г.

ИНТЕРВЬЮ

Иностранный журналист

Вы видали американцев?
Они ведь бомбы принесли сюда.

Вьетнамский боец

Я видал
Американцев, врагов небесных,
На землю летящих,
Только в двух вариантах:
Или — руки вверх, сдаются в плен,
Или — горят, обращаясь в тлен.

ПЕСНЯ ЖАТВЫ

Рис созрел

Как дали нежные блестят в лучах живых!
Вот ветер с крыльев аиста слетает, тих, к моим полям.
Здесь нашим вторит он веселым голосам,
А нивы клонятся уже к стальным серпам — уборки
ждут.

Рис жнут

Будь терпеливее, цени крестьянский труд.
Ведь больно сердцу, если зерна упадут у наших ног.
Пусть каждый в поле до конца исполнит долг:
«Трудов на палочку — имущества на донг» * — так
говорят.

Рис молотят

Вновь горы риса на дворе встречает взгляд.
Звук рисорушки — до зари в селе не спят — ал
лунный диск.
Летит сухая шелуха с машины вниз,
Сгребаем в сторону ее — стань чистым, рис! — струись
звеня.

Рис сушат

Бросает ясная заря лучи огня.
Как жаждет щедрый урожай сухого дня, как нужен он!

Вот солнце выше поднялось на небосклон,
Вот полдень каждое зерно со всех сторон проверил сам.

Рис чистят

И ветер с поля прилетел на помощь к нам,
Половы серый сор он поднял к небесам — долой, долой!
Пускай зерно сверкает яркой белизной!
Пусть рис, как зеркало, горит передо мной, слепя глаза.

ГАМАК ЛУНЫ

Гамак прогнулся, в небо поднял я лицо.
Как молодой луны высокое кольцо льет свет в лесах!
Мне ветер не о всех поведал чудесах,
И взгляд усталый мой все ищет в облаках густых луну.

Ночь на тугой листве качает тишину,
А лунный яркий диск гамак свой натянул среди ветвей.
Случайно вышло так, но вижу я ясней,
Что рядом гамаки: ее — он из лучей, и грубый мой.

Где ты сейчас? Услышь мой зов в глуши ночной,
Всмотрись в луну и встань, любимая, со мной — хотя б как тень.
Легла вокруг роса, уж протрубил олень,
Я должен спать, я так устал за этот день, но сна мне нет.

Уснули джунгли, спит земля, тускнеет свет,
Плывет во тьме луна, ей ветер дует вслед, — дрожит гамак.
Пускай, где ты сейчас, дождем пропитан мрак,
На Чыонгшоне здесь горит мне, как маяк, в ночах луна.

Май 1971 г.

Я ВСЕ УСЛЫШАЛ

Ты упал на землю, не сказав на прощанье ни слова.
Два танка американских справа горят...

Голову обнажив, склоняюсь над тобой, солдат,
В красной земле хороню, как в сердце.

Ты и слова не вымолвил, но я все услышал, друг:
Эта вытянувшаяся полоска земли, словно красная стрела,
возвращается на юг,
К фронту.

Дорога № 9, 1971 г.

СИГНАЛЬНАЯ ТРУБА В БОЮ ЗА ВЫСОТУ Х

Б-52 только что смолкли.
130-миллиметровые орудия только что смолкли.
Словно озеро в штиль, поле битвы оцепенело... Вдруг

Тишину разрывает тревожный красный звук:
Вперед!
Вперед!
Вперед!
На обгоревшую землю маленький горнист встает,
Зов трубы выходит на фронт.

Сполохи сигнала, как воинские подразделения,
Обрушились на проволочные заграждения
Стремительным вихрем —
На вражеские посты,
На амбразуры,
На головы в касках.
Железо, сталь, бетон — насквозь пробиты медной
трубой.

Поле битвы пришло в движение:
Тяжелые танки ползут в обход,
Из траншей поднялись цепи рот,
Громы и молнии мечет дот,
И реет над полем —
Вперед!
Вперед!

На высоте упало трехцветное знамя.
Сторожевые вышки погребены под взрывными волнами.
Как раструб трубы, столбом вскинулось пламя!..
Белый флаг вверх ползет.

Поле битвы оцепенело вновь.
Оглушительная тишина повисла над нами.
Но звуки трубы, несущие весть о победе, пройдут
другими полями
Дальше и дальше,
Пусть каждый услышит их упоенно в свой час...

Я славлю маленького горниста,
Чтобы все запомнить его могли:
Голос трубы, словно алое пламя, и фигурку,
поднявшуюся с обгоревшей земли.

1972 г.

ПОТЕРЯВШИЙСЯ РЕБЕНОК

— Господин, не убивайте! —
в страхе девочка дрожит.
Я взглянул в глаза ребенку
и едва не плачу сам.
— Господина мы прогнали!..
На руки беру ее.
Я, солдат Освобожденья,
матери дитя вернул.

В освобожденном Куангчи, апрель 1972 г.

СЛЕЗЫ И УЛЫБКА

Наш политрук двадцать шесть лет
был вдали от родных мест.
Изгнать врага время пришло.
Бойцы смели пост. Наш политрук вернулся в родное село.
И вот он встретил свою жену.
Оба поседели за войну.
Он прошел с боями через всю страну,
Чтобы с ней обменяться слезой и улыбкой,
таимой двадцать шесть лет.
Вместе с ними состарились слезы,
Но улыбка осталась молодой.

Донгха, апрель 1972 г.

АРОМАТ АРЕКА В ЗЕМЛЕ

Под арековой пальмой лежал в ту полночь солдат.
Ветер легкий в траншею внезапно принес аромат
к отдыхающим людям.
Блик луны тронул лица, казалось, он спящих разбудит...
Мысль внезапно сознанье прожгла о свершившемся чуде:
небо пало на землю.

Нянбьеу, майское полнолуние, 1972 г.

ОСКОЛОК ЗЕРКАЛА

Разрушена стратегическая деревня —
девушка вернулась в родные края.
Память о детстве — воронки от бомб,
Память любви — воронки от бомб... Они поглотили всё.
Чтобы в солдаты не угодить, прятался парень ее в саду
Под арековыми пальмами год назад.

Неизвестно, где он... Девушка торопливо идет в сад
К колодцу —
Разрушен: обломки лежат!
И вот
В прохладной его глубине
Отразился только один силуэт.
Как в расколотом зеркале — на самом дне
Ясно видит она, наяву, не во сне,
Свое лицо и небес голубой цвет.

Танчук, май 1972 г.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

I. Сон в каучуковом лесу

Подвешен гамак, засыпаю. Тих каучуковый лес.
Я сберегу дерево — накручена на веревки трава.
В дымке сна расплываясь, тает чаща, но ясна голова —
Храню неприкосновенной струйку белой смолы.

1972 г.

17 Заказ 167

II. Птичьи голоса после бомбежки Б-52

Только что сердце сжималось от мощного грохота взрывов.
Плачет на ветках смола изувеченных бомбами лимов,
сорвана листьев краса.
Вот перекличку заводят кокетливых птиц голоса,
Пенье пернатых растет, оживляет леса, боль с веток
снимая.

У ЗАГРАЖДЕНИЙ АЙТЫ

I

Снаряды и тяжкие бомбы лицо искромсали земли.
Стучит в блиндаже моем сердце земное, стихами
я мучаюсь снова.
Мой друг, автомат положив на колени, ждет рядом со мной
Рождение нужной и яркой строки — о, явись к нам,
правдивое слово!

II

Земля укрывает от смерти своей необъятной спиной
Две жизни солдатские, строки стихов, им давно уж
пора бы родиться.
О родине петь я хочу, но так беден солдатский язык,
Что чистой останется эта, в походном блокноте, страница.

1972 г.

ВЬЕТНАМСКИЙ БАМБУК

Скажи мне, зеленый бамбук,
С каких ты пор зеленеешь?
Деревни от века в бамбуковых огорожах — я издревле,
мой друг.

Но тонки листья, стебли как запястья рук...
Забором иль стеной как стать ты можешь вдруг, мне
расскажи,
Зеленые побеги почему свежи,

Хоть средь камней пришлось или в белесой жить сухой
пыли?
Все нипочем тебе, судьба что ни пошли,
Растешь и множишься от этой ты земли, как ни скудна,
Но корни крепки в ней, родная ведь она.
В усердии своем ни отдыха, ни сна не признает,
Пускай зло и упрямо ветер его гнет,
Бамбук листвою колыбельную поет. Прям и упрям,
Встречаться полюбил он с солнцем по утрам
И к небу тянется и, видно, впрямь не терпит тень.

Коль буря налетит, силен он будет тем,
Что за стволы соседей схватится, а те в обнимку с ним.
Бамбук бамбуку-другу дорог и любим,
Отсюда изгороди — так мы объясним — растут стеной.

А если отмер на беду бамбук больной,
От корня в жизнь идет росточек озорной, потом другой.
Бамбук не вырастет кривым или дугой,
С ростка, от роду будет острый и тугой он, как копье.
А спину мочит дождь, жара палит ее.
Бамбук, взрослея, дарит платьице свое младым росткам.
Иной бамбук уж в почке где-то там
Округлый стройный строгий стан уже таит.
И месяц пусть пройдет, и год пусть пролетит,
Состарился бамбук — юнец взамен спешит. И ты заметь:

Впредь,
Впредь,
Впредь
Будет земля зелена от зеленых бамбуков.

1970—1972 гг.

ТЕПЛО СОЛОМЕННОЙ ПОСТЕЛИ

В хижину под соломой постучался я как-то весной.
Рядом рис стоял зрелый. Женщина вышла на ветер
ночной,
Проговорила: «Дом невелик, но ведь ты с дороги устал».
Лишь сокрушалась, что нет у ней лишних циновок
и одеял.
И вместо постели охапку соломы мне принесла.

Меня золотая солома, как куколку кокон, обволокла.
Но не спалось, однако, в медовом запахе полей.
А было гораздо теплей, чем под одеялом любым,
Хотя соломинки тоненькие и невидные укрывали меня.

Сколько ни есть нас, зерном своим рис всех кормит день
ото дня,
Становится теплой постелью, солому свою свивая жгутом;
Запах духмяный, немудрящий свой дух
Поровну делит меж всеми людьми.

Биньлук. Ночью, задержавшись в пути.

ДОЖДЬ СРЕДЬ СОЛНЦА, СОЛНЦЕ СРЕДЬ ДОЖДЯ

Дела заели, а ведь мы давным-давно
Свидание друг другу назначали. Но уже пора
И совесть знать. Чредой проходят вечера,
Стоят влюбленные у каждого двора, тропы любой,
Глядит на них свод неба светло-голубой,
Друг к другу в людях нежность, ласка и любовь, поет душа,
И эта ясная погода хороша.

Вдруг тучи серые на небосвод спешат. Дождь проливной
Вслед первым робким тихим каплям — ой-ой-ой!
Однако ливень лучше ведь жары парной. Он все умыл.
И, головою к голове, от струй прямых
Спешим укрыться, чтоб тесней прижаться, мы. И аромат
Волос твоих от гроз и бурь я спрятать рад.

— Не злись ты, милая, ведь я не виноват, кто знать-то мог,
Что хлынет эдак-то, — не разобрать дорог!..
И голос милой, словно тихий ветерок, принес ответ:
— Молчи, послушай капли, их смешнее нет!

Дождь вправду каплями нам словно шлет привет. Он
будто сев
Ведет себе зерном отборным в полосе.
Хотя до нитки нынче вымокли мы все, а ветер зло
Прическу разорил тебе, мне повезло:
Глаза твои сияют так светло-светло, как солнца луч,
Когда пробился он сквозь серый полог туч.

ПРО МОРЕ

Картина моря

Тебе, учащейся рисовать

Рисуешь ты красное солнце, рисуешь ты белые волны,
Прилежно цвета этой радуги, праздничной, полной —
облачный ярус.
Песок золотой, зелень... Главная краска осталась!
Коричневый (вспомни-ка, девочка, на море парус)
есть на палитре.

Морской ветер

Море дышит зеленым дыханием, море волны тяжелые
движет.
Утро — парус от берега гонит, вечер — к берегу ветром
полнит.
Милость для нас велика, зеленой пучины дыханье:
В зимние ночи — одежда, свежий ветер — в летние полдни.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

I. На марше через перевал Нганг

Тонут внизу темно-синего моря узоры,
Близко оно, да мешают высокие горы, кажется, что далеко.
Взглядом ловлю: пенясь, волны всплывают легко,
Вот они рядом, но скрылись, ушли глубоко, в прятки играя
со мной.

II. Цветы

Холм невысокий, цветами поросший, мой радует взгляд.
Запахом воздух насыщен, не мне ли признанье таят,
окружая, цветы:
«Путник, поверь нам, не зря выделяли прилежно кусты
Пот ароматный... С прохладою вместе возьми его ты, —
мы ведь растем».

III. Ночью, услышав об урагане

Об урагане по радио ночью услышал.
Прочно построенный дом — он ветров не боится.
Но... возле моря... хатенка под ветхою крышей...
И небольшая полоска зеленого риса.

IV. Вспоминая о друге

Вспоминая руку твою — протянул свою руку,
Память, кому, как не лучшему другу, осталась верна.
Утра того аромат я вдыхаю всей грудью сполна,
Речь твоя снова, как прежде, слышна, глажу ладонь.

1974 г.

МАНИФЕСТ 30 АПРЕЛЯ 1975 ГОДА

Когда флаг сброшен вниз и валяется, извиваясь,
Взамен флаг другой вверх идет, полотнище распрямив
в небе века.
Тут все тайны становятся просты,
Многословные доводы кратки, как веха.
Действительно, язык флага самый понятный,
Флаг — он и молча беседует с человеком

Пойдя против течения времени, бурного, текущего
времени,
Встретил я тот день того месяца на тридцать лет раньше.
Над расколотым черепом фашистской Германии
Искрами кипящего металла
Зарница серпа и молота светит ало,
В золе и пепле возвещая:
— Новая эра настала.

Хоть время не ходит вспять,
Истории ведомы повторения как исполнение обета.
Событие великое так вот пришло в день этот
В Сайгон,
Во Вьетнам,
Мое отечество.

Под гусеницы танка-пятьдесятчетверки
Знамя трехцветное рухнуло вмиг,
Оживи попробуй.
Упала смерти тюремная роба,
Прилипла к канаве,
Не отодрать.
На крыше, где морда дракона,
На крыше восточного Пентагона *,
Перекрывая небо над головами,
Красное знамя
Рдеет над всеми ветрами,
Звезда пятиконечная золотая пять континентов сзывала
Торжественным манифестом:
— Вот новой эры начало.

ХЫУ ТХИНЬ

ПОСЫЛАЮ С МАЛЕНЬКОГО ОСТРОВА

К нам опять прилетели веселые птицы,
их не зря нам весенние дни обещали,
по их крыльям бойцы узнают горизонты,
их небесных путей золотистые дали.

Остров пуст, но весна его в зелень оправит,
мы на берег глядим, пишем письма,
море честно исполнит желанье солдата
и письмо мое в руки тебе доставит.

Что послать тебе? Этот песок прибрежный
или эти следы, что оставлены нами?
Мы по дюнам проходим с дозором, и ветер
нам за ворот сыплет песок горстями.

Высоки в море волны, а море без края,
и я знаю, здесь каждая капля — святая,
Если б мог я послать их тебе, чтоб могла ты
слышать рыбы биенье о дно нашей лодки...

Не растут здесь персиковые деревья *,
чьи цветы в Новый год, словно птичьи крылья.
Птицы, дальше, дальше летите, станьте
тем вы мостом, что нас связывает с землею.

Здесь солнце проходит к прудам с сонной ряской,
здесь ветер проходит, чтоб стать волною,
облака проходят, чтоб стать птичьим криком,
а волны — чтоб стать тоской по деревьям...

Когда парус, как лист, упадет на воду
и, вернувшись, ты ляжешь в тесном трюме,
не покажется ль остров тебе чуть ближе?
Это я для тебя здесь выпустил месяц.

1977 г.

ИНОГДА ТАК БЫВАЕТ

Иногда так бывает под кроной деревьев —
рядом друга дыханье в вечернем мраке,
где-то птицы поют, ты слышишь неясно,
только знаешь, что сердце твое открыто,
стало легче тебе, все плохое забыто,
далеко облака, рядом дуло винтовки...
Ты лежишь в гамаке, слышен шорох веревки...
Иногда так бывает под кроной деревьев...

1978 г.

ГОВОРИ, ПОМОГИ НАМ

Лоскуток одежды, спасавшей не раз от дождя и зноя,
сохранился чудом, им протираем мы автоматы.
Автомат, ты в руках наших, крепких и смуглых,
как буря, что стиснута в темных джунглях,
как солдат, что вернулся в землянку из боя,
как мы, что готовы вернуться к любви материнской.

Наши руки тебя вытирают от капель тумана,
мы любим, о автомат, твое твердое тело,
и мы любим, о сердце, твою непреклонность,
а ведь столько дождей изменяло реки этой русло...

Наши руки хранят еще запах волос любимых,
запах риса первого урожая,
все, что там мы оставили за собою,
мы тебе отдаем, автомат,
говори, помоги нам,
на плечах плесневеет одежда — сырая погода,
дождь в безлюдии джунглей...
Но дождь проходит.
Мы идем охранять высоту,
говори, помоги нам,
открываются листья —
значит, близится час восхода.

1978 г.

ЛЮДИ НА ГРАНИЦЕ

Сегодня утром подошли к границе,
туда, где громоздятся горы.

Все позади, заботы, разговоры,
и стук колес,
и крики паровоза.

Давно ль меня ты провожала,
а вот и с матерью простилась,
зеленый луг и рисовые всходы —
вся эта зелень провожает поезд.

Приветливо ты беженцев встречаешь,
все объясняешь им,
пустые руки
лепешками из риса нагружаешь,
и вот уже стоят пред вами горы.

Как пограничный столб, любовь здесь встала,
здесь камни мягки, тверды ноги,
здесь девушку и парня настигает
тоска по дому, первые тревоги.
Окопы вырыты лопатой и мотыгой,
на ведрах комья грязи свежей,
здесь рубят лес ножом, сдиравшим лыко,
колючками изодрана одежда.
Лягушек нет, но колышки рядами
уж вбиты в землю, чтоб стоять на страже.
Земля отцов дарует людям твердость,
они идут, несут с собою мощь долины.
Граница — дамба на пути разлива,
она — родник для берега любви.

Март 1979 г.

ТХАНЬ ТХАО

ДЕРЕВЬЯ БЕЗ КРОН

На холм поднимаемся, зной обжигает лицо.
О тени мечтает уставший в пути батальон.
Обвел я глазами дорогу, край голых холмов,
и вижу — стоят вековые деревья без крон...

Как будто бы их начертили на небе резцом,
ни листьев, ни веток, нагие стволы лишь одни,
их тени лежат на изрытой обстрелом земле,
здесь вместе с людьми они прожили черные дни.

Спросил я героев, что бились на той высоте,
как гибли деревья? Никто мне ответить не мог,
лишь знали, что эти стволы здесь стояли всегда,
как будто несли караул у скрещенья дорог.

И как-то однажды измученный зноем отряд
на этой дороге был ветром лесным освежен,
и кто-то сказал: это нас провожают на фронт,
прохладу свою посылая, деревья без крон!

ВЫ ОСТАЛИСЬ ЛЕЖАТЬ ПОСРЕДИ ЧЫОНГШОНА

С людьми, умершими своею смертью,
не церемонится слепое время.
Но знаю я, у вас горело сердце,
когда пришлось вам пасть на полпути...

Остались холмики в тени деревьев,
над кронами седые облака
плывут в молчании...

Я много говорил о жизни,
но ничего не знаю я о жизни вашей,

людей, которые ушли и не оставили имен,
и все, что я успел увидеть, —
вот эти безымянные могилы...

Но эти безымянные могилы
и даже весь бескрайний Чыонгшон
не смогут скрыть сиянья ваших глаз.
Следите вы за нашим направленьем,
прислушиваетесь к далеким взрывам,
к стрельбе — вы с нами там, у нашей цели!

* * *

Срываю ветку над могилой —
подразделение уходит в путь!
Прощайте!
Вы не хотите видеть слез моих, я знаю,
не плакать будем мы, а продолжать борьбу.
Вы, наши братья старшие, нам освещайте путь
сияньем фосфорическим во мраке ночи,
лучом зари, родящим мир дневной,
своею неисполненной мечтой...

О, будьте с нами в этой битве, души,
прекрасные, как край родной!

ЛУНА В ДЖУНГЛЯХ И ДЕТИ

Эти дети еще не бывали на море,
не видали луну над безбрежной водою,
не пришлось им вырасти в долине,
чтобы петь и плясать под круглой луною *.
Не бывали они и на улицах, залитых светом,
где люди о дне полнолунья забывают порою.

Дети в джунглях
ночь полнолуния в чаще встречают,
отражаются блики лунных лучей, что сквозь чащу
с трудом проникают,
в глубине их глазенок.
«О луна, к нам спустись поиграть!» —
под деревьями тихо поют...
Кто поймет, как тоскует по сказке ребенок?

«О луна, к нам спустись поиграть!» —
мнится им, что луна — веселый подросток
с нежным кротким лицом...
«О луна, к нам спустись поиграть!»
Пляшут блики,
пляшут блики,
и луна так мала, что сквозь ветки кустов
низкорослых
в этих джунглях ее почти не видать.

ГОЛОСА ЦИКАД

Тише, слушайте!
В джунглях кричат цикады!
Хоанг Вьет.
Мелодии джунглей

Голоса цикад
высоки, как огонь,
красным цветом горят
голоса цикад.

Улыбаясь им,
глухо джунгли поют,
тихо листья шуршат,
ветки в небо летят.

Голоса цикад
будят свет дневной,
в голосах цикад
аромат земной,
в них беличий хвост
мелькнул и исчез,
голоса цикад
день и ночь пилят лес.

Облака в синеве
лениво скользят,
голоса цикад
глаза слепят.
Поднимаются ввысь
голоса цикад,
так волны шумят,
так ревет водопад.

Песня смолкла вдруг,
но нет ей конца —
песню цикад
продолжают сердца.

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

Ты просыпаешься еще до петухов
и разжигаешь печку до цикад,
привыкли руки делать все без шума,
привык огонь наружу не светить.

Холодными дождливыми ночами,
когда все перемешано — деревья, люди,
подразделенье спит, никто его не будит, —
сон самый крепкий на исходе ночи.

А ты уж на ногах, давно хлопочешь, —
и это стало здесь обычным делом!
Ты назвалась сестрою нашей старшей,
чтоб на исходе каждой ночи,
из тьмы добытый легкими руками,
в походной печке зашумел огонь.

ПЕСЧИНКА

Люди ищут золото в песке,
но находки ищешь ты иной —
самую обычную песчинку
в будничной обычности земной.

Люди ищут золото в песке,
я ищу тебя, любимый мой!

О следы дорог Сопротивленья,
скрытые средь леса и тумана...
Люди, словно волны океана,
а любовь как отмель на пути...

Если хочешь ты меня найти,
ты ищи меня, ищи весь век,
разглядеть меня совсем не просто,
ибо я обычный человек.

Ибо в каждом береге любви,
в каждой дюне, той или другой,
всюду я — та скромная песчинка,
не замеченная под ногой.

МГНОВЕНИЕ В ТУИХОА

Друзья, где ваше многолетнее укрытье?
Какие камни с гор вы скатывали вниз ночами?
Чья кровь перереза́ла в тишине дорогу
номер один?..
Я заглянул в Туихоа лишь на мгновенье,
в полдень,
ты вынула из верши фиолетового краба...
А море моего родного края
дышало, каменную грудь вздымая,
и девушка в обычной белой блузке
стояла на песке у самых волн...
Ни в детстве, ни потом я здесь ни разу не бывал,
мне это счастье выпало впервые,
но мнится мне,
что здесь я жил и умирал...
Сияющие дали голубые,
ряды песчаных дюн,
креветки, крабы...
Доносит ветер сладкий запах риса
и где-то рядом голоса детей,
на выгоне пасутся сонные коровы,
позванивая тихо бубенцами...
В долгу я перед каждым незнакомым краем,
перед землей, пропахшей солью,
где над водой мерцают птичьи крылья,
в долгу я перед каждой незнакомой жизнью,
я понял это, видя море в час прилива,
в то самое мгновенье. В Туихоа.

ЧАН ДАНГ КХОА

ЦЫПЛЯТА СУЕТЯТСЯ

Цыплята суетятся под дождем,
Червей из луж выуживают ловко
У каждого нахохлена головка,
С них капли катятся, они уже дрожат.
Но дождь прошел, он пожалел цыплят,
Но отряхнуться некогда цыплятам —
Так заняты уловом небогатым.
А в зной у этих маленьких цыплят
Глаза, как капли круглые, блестят.

1966 г.

ДВОРИК И НЕБО

Я в нашем дворике стою по вечерам,
наш дворик маленький, но мне приятно там, все
видно мне:
и небо синее, и луг, и в вышине
двух аистов, их крик я слышу в тишине...
А в поле взвод
снаряды разложил и нападенья ждет.
А в небе вражеский кружится самолет, да нет —
их пять...
Я небо так люблю, что глаз не оторвать...
Я часто выхожу во дворик постоять по вечерам...

1966 г.

ЛУНА СВЕТИТ НА НАШ ДВОР

Круглая седая бабушка луна
ярче нашей лампы освещает двор:
дом, скамейку, листья, тропку и забор.

Бабушка луна из окна видна,
очень добро смотрит на меня она.

Пальмовые рощи стихшие стоят.
В зарослях бананов тишина.
Не трещит кузнечик в этот поздний час,
птица не щебечет, позабыв про нас.
Ночью светит ярко лишь одна луна,
ярче лампы освещает двор:
дом, скамейку, тропку и забор.
Бабушка луна в окно видна,
добро смотрит на меня она.

1966 г.

НАКАЗ СЕСТРЕНКЕ

У мамы с папой дел по горло — рис поспел,
я в школу ухожу, хоть дома столько дел и ты
одна,
так слушай мой наказ, что делать ты должна:
не бегай, не шали, ты знаешь, что война у нас
идет,
а вдруг появится над полем самолет,
куда ты спрячешься, чтоб переждать налет?
Бомбят с утра...
Смотри не выходи, будь умницей, сестра,
и, если бабочка поманит со двора, ты не должна
бежать за ней на луг, сядь лучше у окна...

У мамы с папой дел по горло дотемна,
я в школе, и меня тревожит мысль одна, как там
сестра...

1967 г. (9 лет)

ЧЕРНЫЙ БУЙВОЛ С ЛОСНЯЩЕЙСЯ ШЕРСТЬЮ

Черный буйвол с лоснящейся шерстью,
черный-черный, высокий-высокий,
крутолобый и крутобокий,
наедайся травою вдоволь,
чтобы сильным быть и здоровым.
Только риса не трогай в поле,

мама с папой его пололи
и вложили немало труда,
рис не твой, это наша еда.
Вот тебе из канала вода,
луг поит она и стада,
по ночам с ней играет луна,
солнце будит ее ото сна.
Берега у воды покрыты
травкой сочною, ешь досыта,
чтоб наутро ты сильным стал,
наше поле перепахал.
Пусть в морщинах земля, как кора, —
мы насосы купили вчера,
два сезона еще или три
будет трудно тебе, потерпи, —
затрещат трактора кругом,
подожди, отдохнешь потом.
Он беззубым смеется ртом
и в ответ головой трясет...

1967 г.

УТРОМ В МОЕМ ДОМЕ

Дед Небо свой огонь в полях разжег,
а бабка Двор накинула платок, чего ей ждать?
а папа, взяв кальян, идет пахать,
а мама стала воду наливать в большой черпак,
а дядя Кот потерся о тюфяк
и моет рожицу не кое-как, а лапой трет,
мать Курица кудахчет у ворот, зовет цыплят,
а франт Петух распелся невпопад,
как гастролер,
деревья на * глядят через забор,
расчесывает кудри на пробор сестра Бамбук,
брат Банг уж тянет к солнцу сотни рук,
а стайка белых облаков-подруг глядится в пруд,
а тетушка Метла уж тут как тут,
привыкла, что с утра весь дом метут, метет порог,
а старикашка Медный котелок
поет, приплясывая под шумок...

1967 г.

ПОХОРОНЫ ДЕДУШКИ ЧЕРВЯКА

Старик червяк все утро землю рыл
и в полдень вдруг под деревом почил. Там муравей
его нашел и кликнул сыновей,
и вот из куч песчаных, из корней на зов семьи
спешат, оставив все дела свои,
с седыми головами муравьи. Вот все пришли,
надели траур, факелы зажгли
и гроб на плечи подняли с земли; под плач и стон
процессия печальных похорон
по саду тянется, через каньон, как путь идет,
потом на баклажанный огород,
гроб давит плечи, но молчит народ — ведь как-никак
не кто-нибудь, а дедушка червяк!
Обряд окончен, старший подал знак налить вина,
все в память деда выпили до дна,
идут, шатаясь, падают, спьяна не разберут,
кто их толкнул — а это ветер-плут!

1967 г.

КОКОСОВАЯ ПАЛЬМА

У пальмы листьев тьма, никто их не сочтет,
кивая головой, она луну зовет, пока все спят,
ствол выцвел от дождей, а наверху висят
орехи, сгрудившись, как стадо поросят в тени лесной...

Цветы, раскрыв глаза, глядят на мир ночной,
и может расчесать, как гребень, лист сквозной шерсть облаков...
Откуда здесь вода прохладней родников?
Откуда здесь вино — гирлянды бурдюков висят вокруг...

А пальма шелестит, и этот нежный звук
смягчает летний зной, и ветер свой досуг делить с ней рад.
А в небе голоса веселые звучат,
у речки аисты так радостно кричат: пора в полет!

А пальма сторожит поля и небосвод,
стоит колышется, вот-вот плясать пойдет...

1967 г. (9 лет)

ЦВЕТЫ АРЕКА

Сквозь сон мне слышен дождь... наш сад промок!
В пруду зубрят лягушки свой урок, дразня
мальков.
А на заре кувшин был до краев
осыпавшихся полон лепестков. Арек отцвел!

1967 г.

КОГДА МАМЫ НЕТ ДОМА

Моей маме

Когда нет мамы, я варю батат,
когда нет мамы, я с сестрою чищу рис,
когда нет мамы, я варю обед,
когда нет мамы, я полю наш огород
и подметаю дворик до ворот.

Приходит мама утром — а батат готов,
приходит мама, видит — чистый рис,
приходит днем — в саду нет сорняков,
приходит вечером — двор подметен
и говорит мне: «Ты послушный, Чан!»

Нет, мама, но послушным буду я!
Ты в платье, полинявшем от дождя,
и выгорели волосы твои,
все силы отдаешь ты для семьи...
Нет, мама, но послушным буду я!

1967 г.

Я ПРОСНУЛСЯ СРЕДИ НОЧИ

*Посвящается дяде Хюи Кану**

Сегодня ночью я проснулся вдруг
И вышел на веранду, и как странно —
Услышал я, как говорит бамбук
С дымящимися каплями тумана.

Услышал я: кузнечики звенят,
И где-то ветер бродит за забором,
И листья рты раскрыли (пить хотят),
Как будто бы они запели хором.

Я слышу, как в бананах дышит мгла,
А там, где тыква толстая заснула,
Малюсенькая мышка прошмыгнула
И луч луны легко пересекла.

А наша пальма рассердилась вдруг —
Размахивает веером сердито,
Волнуется какой-то смутный звук —
И тишина надолго позабыта.

1967 г.

ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ВОЗВРАЩАЕШЬСЯ, РЫЖИК?

Когда я прихожу домой из школы,
Навстречу ты бросаешься веселый,
Меня как будто приглашая в дом,
Вовсю виляешь рыженьким хвостом,
Принюхиваешься, головой трясешь,
Того гляди и с ног меня собьешь,
Когда на лапы задние встаешь,
И на меня передние кладешь,
И за рукав меня зубами тянешь.
Я знаю, от меня ты не отстанешь,
И я, куда из дома ни уйду,
Так рад, что дома вновь тебя найду.
А вот сейчас, оглядывая двор,
Я вдруг тревожный чувствую простор,
И не простор, а пустоту скорей —
Тебя я не увидел у дверей!
Ты радостно не бросился ко мне,
И лай твой не раздался в тишине.
Где рыжий хвостик? Где твой чуткий нос?
Какой дракон тебя от нас унес?
Как я грущу по лаю твоему...
Куда ты подевался, не пойму?
Когда американцы налетали,
Тебя, наверно, взрывы испугали?
Мой Рыжик, возвращайся поскорей,
Я рис тебе оставил у дверей.
Мой Рыжик, я хочу, чтоб ты опять
Вернулся и со мною стал играть!
Эй, Рыжик. Рыжик!

ПЕНИЕ ПТИЦЫ

Недавно я домой из школы шел,
зенитку вижу, поднят кверху ствол,
сейчас ударит в небо по врагу,
вот повернулась к красному флажку,
которым машет дяденька солдат,
под ней снаряды длинные лежат,
бойцы хлопочут, суетятся — вдруг
все замерли... В кустах какой-то звук...
Прислушался настороженно взвод...
А это птица в зарослях поет!

1967 г.

ПЕСНЯ ГАМАКА

Скрипит гамак средь тишины,
как музыка, звучит.
Малышка, спи!.. Едва тебя
качнет моя рука,
наш домик точно оживет
под песней гамака.

Гамак поет средь тишины.
Цветет июль вокруг.
Спит птица на одной ноге.
Вот-вот уснет бамбук.

Гамак поет средь тишины.
Деревья клонит в сон.
Глядит влюбленно каждый плод
на чистый небосклон.

Гамак поет средь тишины.
Качни его слегка,
и даже птичка петь начнет
в такт песне гамака.

Гамак поет средь тишины.
Вот так в былые дни
меня укачивала мать.
И снова аисты летят,
как встарь, летят они.

Гамак поет, и сладок звук
в полдневной тишине.
Малышка Зянг из гамака
сквозь сон смеется мне.

Вот снится ей, как вдалеке
слетают аисты к реке
и бродят у воды,
и снится бабочки крыло,
большое, как у птиц,
и снится мама, тяжело
склоненная к земле,
зенитчик дядя, что глядит
с тревогой в небосвод,
он у зениток день за днем
покой наш стережет.

Малышка, спи!.. Едва гамак
качнет моя рука
наш домик точно оживет
в такт песне гамака.
Гамак качается, поет,
качается...
                    поет...

1967 г.

ДОЖДЬ

Скоро дождь,
Скоро дождь,
Вот термиты
Летят.
Юные термиты
Высоко летят,
Старые термиты
Низко летят.
Суетятся цыплята,
Спрятаться хотят.
Небо согнулось
Под тяжестью лат,
Идет на войну,
Машет мечами
Сахарный тростник,
Муравьи маршируют,
Идут напрямик.

Листья сухие
Вышли в поход,
Ветер дует
И пыль метет,
И, заслышав
Шорох листвы,
Насторожились
Уши травы.
Прихорашивается бамбук.
Встали грейпфруты в круг
И, качаясь
Все тише и тише,
Убаюкивают своих
Круглоголовых
Лысых детишек.
Молния
С треском
Небо рвет,
Гром
Во двор заглядывает с высот
И смеется
На весь простор.
Пальма кокосовая
Руки раскинула
И плывет,
Словно хочет
Вести хоровод.
Дождь идет,
Дождь навис,
Словно очищают рис,
Кап-кап...
Кап-кап...
Он смывает
Все следы,
Все смешалось от воды.
Дождь с землей ведет игру,
Пена по двору.
Лягушка прыг-скок,
Собака лает,
Папа с поля пришел,
Гром над ним летает,
Молния над ним летает,
И все небо с дождем.

1967 г.

Я УЖЕ БОЛЬШОЙ

Мне год прибавился, и я уже большой,
не тот, что был в пять лет, свод неба надо мной хоть
и высок,
но все же ближе стал, почти как потолок,
а звезды я рукой теперь достать бы мог. Вершины гор
под тучей сгорбились, а берега озер
и рек вдруг сблизились, стал меньше наш бугор и ниже
сад,
все стало веселей, приветливей, как взгляд
у деда Хо, когда глядит он на ребят, совсем такой...
Мне год прибавился, и я уже большой.
Со всеми я расту в стране родной, растет она,
как весь ее народ, растет моя страна,
к бессильному врагу презрения полна, он ей смешон.

1968 г. (10 лет)

А! Я УЖЕ ЗНАЮ, КАКОЙ ОН, АМЕРИКАШКА!

Американский самолет упал на наше поле,
американский самолет сгорел на нашем поле...
И дядя сторож громко закричал
и всех позвал, все прибежали,
мой папа прибежал,
и мама прибежала,
и старшая сестренка прибежала,
малышка Зянг за нею прибежала,
пес Рыжик прибежал,
я тоже прибежал.

Мой папа взял большой безмен,
а мама коромысло,
сестра взяла ружье,
малышка Зянг взяла свой прутик,
пес Рыжик взял свои отточенные зубы,
а я не знал, что взять,
схватил большущий камень;
у маленького ноги коротки,
пришлось немного поднажать,
чтобы на место прибежать...

Пока мы добежали, враг был мертв.
Он был раздавлен самолетом,

одна рука была протянута вперед...
Ой! Он похож на человека!
Но почему же в небе он
такой жестокий, как дракон?

Пес Рыжик весело махнул хвостом:
— Америкашка-враг
явился во Вьетнам —
и вот он как
явился к нам!

1968 г.

ЗАПАХ НЯНОВ

Как созреют няны, нас проведать
приезжает брат мой каждый год
и с деревьев самых высоченных
грозди нянов спелых достает.

Только как-то раз к сезону нянов
не приехал в отпуск старший брат.
Бомбы сбили с веток наши няны.
Но, как прежде, зацветает сад.

Дни бредут тревожной вереницей.
Вновь повисли спелые плоды.
Соком-молоком они полны,
кожура от солнца золотится.

Я сижу за партой. Запах нянов
сквозь окно доходит до меня.
Щелкают цикады, небо в звездах,
небо в звездах среди бела дня.

Щебет птиц да крик мышей летучих
вечером тревожат тишину.
Кто-то вывел бабушку луну
погулять среди ветвей зеленых.

По ночам в уснувшем нашем доме
запах нянов царствует один.
Все никак уснуть не может мама,
в мыслях у нее далекий сын.

1968 г.

ЛУНА, ОТКУДА ТЫ ЯВИЛАСЬ?

Луна, откуда ты явилась?
Из чащи, что вдали видна?
Луна, как спелый плод, повисла
почти у самого окна.

Луна, быть может, ты явилась
из моря, чуть закат погас,
чтобы уставить, не мигая,
на нас свой круглый рыбий глаз?

Луна, откуда ты явилась?
С площадки, где игрок лихой
тебя, как мяч футбольный, в небо
с разбега запустил ногой?

Луна, быть может, ты из песни
что мама часто нам поет,
где мальчик Куой * не ходит в школу,
а вечно буйвола пасет?

Луна, откуда ты явилась?
Быть может, с фронтовых дорог?
Там путь бойцам ты освещала,
здесь красишь золотом порог.

Луна, тебе все страны света
оттуда хорошо видны,
скажи, луна, есть место в мире
красивее моей страны?

1968 г.

НОЧЬ В КОНШОНЕ

В горах стихают птичьи голоса,
журчит ручей, встречают небеса приход луны,
и листья падают, едва слышны,
звук их паденья, словно тишины немой язык...

Серьезен Будды непонятный лик,
как будто что-то важное постиг, о чем молчат...
Вдруг дальний гром раздался, как набат,
и вижу — свечи в пагоде горят, мигают мне...

И ко́локола голос в тишине,
и сосны словно тянутся к луне, светлы холмы,
как будто Нгуен Чая * дух из тьмы явился
вдруг...
и слышу я стихов прекрасных звук... летят часы...

Орудий дула влажны от росы.

1968 г.

ВОТ КАКУЮ Я ВАМ РАССКАЖУ ИСТОРИЮ

За деревней на пруду рыбу мы ловили
Мы ходили с вершами по колено в иле
Рядом было поле с рисом золотым
Рисовые сестры колоски-косички
Мальчики-бамбуки шептались по привычке
Аисты белые летели вдали
Желтое солнце в клювах несли
Тихо текла через поле река
Ветер-пастух погонял облака
Дедушка солнце крутил свои педали
Мы его таким веселым не видали
Ехал он в гору на велосипеде
А мы были рады своей победе
Мы были рады своему улову
Братцы крабы рису говорят: Здорово!
О чем-то задумались рыбы-зой
Их глаза наполнились горькой слезой
Очень долго дрался сом-старичок
Но справиться с нами так и не смог
Мы все рады
Вдруг
По дороге
Девочки идут
После уроков
Соломенные шляпы на головах
Санитарные сумки на плечах
Мотыги в руках
Красные галстуки на груди
Только ветер летит впереди...
Вслед за ветром
Они бегут...
— Девочки что вы ищете тут?
Может быть ручку кто обронил?

Может остался кто без чернил? —
Девочки отвечали так:
— Здесь ночью сбит
Американский враг
Он упал среди этих полей
Дяди бойцы его увели
Но надо следы его
Стереть с земли
Ведь каждый след его ядовит
Как змея укусить норовит
Мы и выкапываем эти следы
Бросая туда где побольше воды
Мы выкапываем их из песка
Давно с утра еще до звонка
Но остаются пока следы
Как бы не стало от них беды
Мы будем искать их и в пруд бросать...

Каждый из нас головой поник
Бедный наш сом-старик
Бедные крабы и рыбы-зой
Недаром глаза их полны слезой
Они наелись грязной воды!
Они же съели эти следы!
Теперь они страшной смертью умрут
И мы их бросили снова в пруд
Домой мы пришли с пустыми руками
Сестрицы птицы пели над нами
Не переставали
над нами шутить
Смеялись тихонько:
Пить-пить!

РАССКАЖУ ТЕБЕ, МАЛЫШ

Кто бормочет там спросонок?
Это маленький утенок.
Кто вопросы задает?
Кошке дочке папа кот.
Кто полез на загородку?
Паучок ведет проводку.
Кто кружится как игрушка?
Это наша рисорушка.
Кто пускает ветер ртом?
Вентилятор над столом.

Кто травы не ест полезной?
Это буйвол наш железный.
Кто льет воду через нос?
Электрический насос.
У кого так много лап?
Ну конечно, это краб!
Кто врагов погнал назад?
Наш надежный автомат.
Кто твой добрый старший брат?
Это дядюшка солдат.
Кто прилежней из детей?
В дневнике проверите! .
Ну а кто же всех глупей?
Президент Америки!

1969 г.

ЛЕТУЧКА

«Редакция» сегодня будет в сборе,
Нас собирает Тхюи Зянг, мой друг.
Уже готов кабанчик, и вокруг
Струится, всех к столу сзывая, запах.

Вот появился «стихотворец» Ло,
Его усы как у креветки рыжей,
Сейчас он подойдет еще поближе,
И станет от стихов его светло.

А вот за ним пришел «художник» Лап,
За ухом кисть, и на лице гримасы.
Он рисовать и танцевать не слаб,
В руках он держит мячик из пластмассы.

Вот «журналист», пропахший рыбой Тинь.
Он рыбу подбирал за рыбаками,
В одних трусах предстал он перед нами,
Зато его мы ждали дольше всех.

Вот мастера присели не спеша,
Чтоб новый обсудить газетный лист.
«Поэт» был краток, тонкая душа,
И говорил сверх меры «журналист».

Все говорят до самого заката.
Хозяин дома Тхюи Зянг, мой друг,
Несет им блюдо с мясом, и вокруг
Отваренные ломтики батата!

1969 г.

ЗЕРНА РИСА НАШЕГО СЕЛА

Посвящается дяде Суан Зьеу *

В зернах риса нашего села
запахи, что речка принесла,
сладкий запах ила и песка,
лотосов из дальнего пруда,
есть в них песни маминой слова,
что она поет нам иногда...

В зернах риса нашего села
дождик марта,
ветер сентября,
капли пота, что упал со лба
в знойный день,
когда в реке вода,
словно подогретая, тепла,
так, что даже рыба умирает,
крабы лезут на траву, а мама
в поле рис сажает дотемна...

Зерна риса нашего села...
В те года, когда на нас летели
бомбы и в поход к далекой цели
за бойцом его винтовка шла,
ленты пулеметные блестели
ярким блеском рисовых полей,
в те года на жатве чашка риса
пахла дымным запахом траншей...

Зерна риса нашего села
стать добрее людям помогают,
ради них, чуть поредела мгла,
черпаками воду добывают,
черпают все глубже... Тяжек труд,
но высокий рис на загляденье!

Каждый вечер на поля несут
полные корзины удобренья.
Зерна риса нашего села
на войну машина повезла...

Я так рад,
и я о вас пою,
зерна риса нашего села!

1969 г.

БЕЛАЯ ЦАПЛЯ

Цапля дождь встречать летит
В тьме сплошной,
Кто же цаплю возвратит
В дом родной?

Народная песня

Когда черный дождь зашумит на востоке,
на севере дождь зашумит и на юге,
когда он на западе вдруг зашумит
и бросит с небес свои первые капли,
я вижу,
как белая-белая
цапля
летит в темном небе
навстречу дождю...

Рис флагами машет, он ливню так рад,
ростки выпускает зеленый батат,
и пальма подставила руки под капли,
лягушки в болото на сходку спешат.

И рыбы подпрыгивают над водою,
все рады,
но белая-белая цапля —
не знаю, уж так ли
довольна она?
Ведь влага весенняя
так холодна...
Но только начнется на севере дождь,
на юге, на западе и на востоке,
я вижу,

как белая-белая
цапля
летит в поднебесье
навстречу дождю...

1969 г.

ХАНОЙ

Есть в Ханое игрушка-ветряк
Крутится дома сама легко
Без ветра крутится просто так
Не нужно из дома бежать далеко.

Есть в Ханое много цветов
Можно много букетов собрать
Эти цветы для наших бойцов
Чтобы с улыбкой шли воевать.

Есть озеро Возвращенного Меча
В нем вода всегда зелена
Башня Кисти над ним торча
Пишет в небе свои письмена.

Есть в Ханое много траншей
Пули спят в животах винтовок
Есть и куклы для малышей
Очень много игрушек новых.

И в Ханое ходит трамвай
Едет себе и звенит
Едут люди из края в край
И каждый красив на вид.

Враг нам жить мешает давно
Но все так же стоит Ханой
Б «Мире» идет цветное кино
Пагода под золотой луной.

Вот и я приехал в Ханой
Смеются улицы вместе со мной
Друг мой вместе гулять пойдем
Завтра солнечным ясным днем!

МОСТ КАМ *

Этот мост зовется Кам,
он ведет в поселок к нам,
бомбой срезаны деревья —
это понял лишь теперь я...
Кто-то по мосту бежит,
красный галстук над плечом,
птица в зарослях свистит,
пахнет илом и песком.
В поле жнут, и рис таится
в глубине веселых глаз,
серп от солнца золотится
и сверкает как алмаз.
По мосту идут машины.
Словно в ритме гамака,
мост качается под песню,
что поет ему река.
Что ты, речка, вспоминаешь?
Так красна ты отчего?
И косят глазами птицы...
Вот он мост. Вокруг него
встал отряд, дымятся ружья —
наши сбили самолет!
Буйволенок из воронки,
улыбаясь, воду пьет.

1969 г.

Я ПРИЕХАЛ В ХОНГАЙ *

В пыльный угольный край,
в город юный с высоким мостом,
что к заводу ведет... В светлом городе том
есть гора над бурлящей рекой.
Все ее называют Горою Стихов...
И цветок зяу-зя там на каждом окне
бел, как пена на бурной хонгайской волне.
Бомб следы там остались на крышах домов,
и изрыты снарядами склоны холмов.
Я иду в самой гуще улыбок и смеха
ярких девушек из типографского цеха.
Средь шахтеров шагаю проспектом зеленым,
пахнет морем, креветками, ветром соленым.

Наблюдаю, как уголь
свозят в порт самосвалы,
как гусиную шею
кран склоняет устало.
Всюду уголь сверкает.
Море блещет вдали.
Как огромные рыбы,
на воде корабли.

1969 г.

Я УЖЕ ПОНЯЛ

Посвящается дедушке Шонг Хонгу *

Там снеговые вершины вдали,
Здесь золотые равнины легли, реки, пруды,
Села все в зелени, словно сады,
На горизонте, по глади воды парус скользит.

Пятое лето здесь небо гремит,
Но, как горами рожденный гранит, люди крепки.
Метко стреляют по целям стрелки,
Дни долгожданного мира близки, радость придет.

Трубы, как руки, вздымает завод,
Он неустанно победу кует, ночью и днем.
Чувствую гордость я в сердце своем,
Красный мой галстук пылает огнем, сам я горю!

Старших товарищей благодарю,
Всех, защищающих нашу зарю в грозные дни.
Вечно пусть счастливы будут они.
Ласточка, крыльями вольно взмахни, ввысь улетай!
Море, прибой, словно песню, взметай!
Дедушка Хо, над Вьетнамом сияй мыслью своей!

Я уже понял, и мне все ясней,
Как мне свободу отчизны своей славить в стихах!

1969 г.

ВОЗЬМУ С СОБОЙ КРАСКИ МОРЯ *

Как звезды в небе, в лодках огоньки горят, мерцая,
Искрятся облака, как паруса на горизонте.
Возьму с собою краски моря — синева морская
Раскинется над крышами домов родного края.

1969 г.

ПРИНЕСУ МОРЕ В РОДНОЙ КРАЙ

Там звезды зажглись, или это огни челноков?
Там парус белеет, иль светится край облаков?
Цвет моря, все краски его в край родимый возьму,
чтоб цвет его синий остался на крышах домов.

1969 г.

ПАГОДА В БАЙТЯЙ

Здесь пагода стоит уж несколько веков,
ступени древние, жилище пауков, покрыты мхом,
щербины на столбах, следы войны на всем,
не вьется сладкий дым над тусклым алтарем, в пыли гранит,
травой заросший луг воронками изрыт,
земля еще свежа... У этих древних стен стою один,
и прямо предо мной, средь щебня и руин,
из камня статуя — какой-то Господин, седой старик,
как у крестьянина, спокоен добрый лик,
но меч в его руке — и тут я стал в тупик: а меч при чем?
Иду из пагоды и думаю о нем,
передо мной Халонг *, у берегов паром, на нем отряд
и ветки свежие на касках у солдат,
обычный камуфляж, от хохота дрожат... Вот дан сигнал,
паром чуть тронулся и удаляться стал,
и, глядя на солдат, в молчанье я стоял — я, наконец, постиг,
зачем он держит меч, тот каменный старик, тот добрый человек...

1971 г. (13 лет)

ЛЮБУЯСЬ ЦВЕТАМИ

Посвящается Тхюи Зянгу *

Полюбуйся на цветок:
Он проснулся и продрог,
Как он свеж и как он мал,
Ты его не ожидал.
Фиолетовый отлив.
А как стебелек красив!
Смотришь дольше — гуще цвет,
Словно в солнце он одет,
Или даже в дождь одет
Этот нежный, юный цвет...

Любишь красоту в цветах?
Но подумай о корнях,
Растопыренных в песке,
Словно пальцы на руке,
Им держаться за песок,
Чтобы к свету рос цветок.
Им трудиться взаперти
И хвататься за дожди,
Им здесь влагу запасать,
Чтобы в зной цветы спасать.
Им из черной темноты
Делать яркими цветы.

1972 г.

МАРТ

От мартовских дождей бамбук меняет цвет,
как будто солнце в нем оставило свой свет, он стал
красней,
заря зажгла леса снопом своих огней,
и кажется, что там не лес — табун коней летит в поля...

1972 г.

НАПИСАНО НА БЕРЕГУ ПРУДА

На карамболе птица поет, и качается ветка
Фиолетовыми лепестками усыпан весь мост.
И наверно, в пруду удивленные думают рыбки —
Это падают с неба блестящие капельки звезд.

1972 г.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Настала осень, в тучах небосклон,
проснулся я, хоть был занятен сон, окно открыв,
стою, а месяц призрачно-правдив,
и сад не спит, он, как морской прилив, шумит во тьме..

1972 г.

НОГИ УЧИТЕЛЯ

Учитель сидя объяснял урок,
а рядом костыли стояли.
Учитель где-то ногу потерял,
но где, мы этого не знали.

Нас по утрам бомбили. Бомбы рвались.
На крыше разлеталась черепица,
деревья феникс во дворе валялись...
А классная доска была пробита...
Тогда учитель взял винтовку и ушел.
Урок родного языка прервался.
Цветы деревьев феникс
горели в небе, как огонь...

А этой осенью учитель к нам вернулся.
Такая же улыбка, как и прежде,
но нет одной ноги.
Дождливыми осенними утрами
след от ноги мы видим на земле
у двери в школу,
а по бокам следы от костылей...

Нога учителя осталась далеко,
в Кхесани, может быть, а может быть,
в Тэйнипе *,
в Долине Тростников,
нога ударила врагов
за право быть бойцом и человеком...
Я слушаю урок,
слова учителя понять стараюсь,
но мысленно к его ноге все время возвращаюсь,
я слышу, как идет нога,
чтоб бить врага,

я слышу, как в поход
она зовет..

И вот иду я через всю длину
и ширину моей страны,
вслед за следами ног
учителя-солдата,
оставленными им в кровавый год...

Нога учителя, потерянная им когда-то,
вот так же нас
по жизни поведет.

1972 г.

ГЛАЗА

Глаз неба огненный —
горящая звезда,
ночами вспыхивает
на лице пруда..
Пар над колодцами —
земли бездонный взор.
Всю ночь ведет он
с небом разговор.

1973 г.

СПИ, МАЛЫШ

Спи, малыш,
Цветы не спят,
В ветках веет аромат,
В листьях дрожь — рожденье ветра,
Спи и утро не проспишь.

Спи, малыш,
Не дремлет сад,
Все приятнее на вкус
И банан, и пампельмус,
Гроздья спелые висят,
К ним ты утром прибежишь.

Спи, малыш,
Не спят мечты,

Лунный серп вверху повис,
На земле все выше рис,
Утром подрастешь и ты.

Спи, малыш,
Полно забот
О тебе у всех больших:
Дед — в бригаде,
Бабка шьет,
У больших полно забот,
Чтоб ты вырос больше их.

1973 г.

МАЛЕНЬКАЯ ЗЯНГ УЧИТСЯ ЕЗДИТЬ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Не так-то просто, кажется тебе вначале,
Велосипедом править, да и ездить ровно.
Неравномерно нажимаешь на педали —
И вот упала. Будь, сестренка, хладнокровна!

От горьких неудач бывает часто прок,
Усвой-ка твердо этот маленький урок:
Не хочешь у обочины валяться в яме —
Так скорость развивай, работая ногами.

1973 г.

ЗЕМЛЯ

Земля сказать нам что-то хочет,
но все не может выразить в словах,
и изливается в бутонах почек,
и раскрывается в своих плодах...

1974 г.

УРАГАННЫЕ ДЕРЕВЬЯ * НА ОСТРОВЕ НАМИЕТ

Над островом проносятся циклоны,
и снова нет ни облачка в лазури,
вот только жаль деревья мне — их кроны
еще полны смятенья прошлой бури...

Деревья здесь, как люди, гибки станом,
все так же листья свежие сияют,
здесь нет числа ветрам и ураганам,
что гнут стволы к земле, но не ломают.

Под кронами сегодня бестревожно,
стою, ловя их чистое дыханье,
вдали людей фигуры так надежны,
и так стройны деревьев очертанья.
Вот ветер налетел и вдаль пронесся...
Стою, гляжу на вышку для охраны.
И отпечатан силуэт матроса
на облаках, что гонят ураганы.

1978 г.

МОИ ОДНОПОЛЧАНЕ НА ОСТРОВЕ РЫБАЧЬЕМ

Палатка между небом и землей ютится...
Колючка — даже та здесь не растет.
С зарей глаза слепит нам солнце,
а ночью как по облакам плывешь...

Захлопав крыльями от радости, при виде нас
кричат невиданные птицы,
а под ногами волны в белой пене,
кружащихся акул мелькают силуэты...

Весь остров обрамлен зеленым цветом,
и лишь на пенном гребне кровь видна... и мы
кричим:
«О Родина!» — и гнев свой в сердце прячем...
Мы служим ей на острове Рыбачьем...

Остров Рыбачий, 15 августа 1978 г.

НАПЕВЫ РИСА

Один мотив во мне звучит,
в нем ветер детства, луг, трава,
в нем голос риса шелестит,

в нем песни маминой слова.

Мотив тот слышу в тишине,
в нем шепот рисовых полей,
колосья тянутся ко мне,
как руки, полные лучей.

И понял я — передо мной
сверкающие письмена,
быть может, мамино письмо,
что написала мне она.
Мой друг, средь этих тихих сел,
средь радостей и слез земных,
вот здесь я голос свой нашел,
из риса родился мой стих.

ВЬЕТНАМСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Первоначально литература на вьетнамском языке развивалась лишь в устной форме. Записывать ее начали с появлением письменности «ном», которая сложилась на базе китайской иероглифики, приспособленной к фонетическим особенностям вьетнамского языка судя по всему, не ранее XI—XIII веков. Во всяком случае, авторские произведения на вьетнамском языке, записанные «номом», существуют с XIII—XIV веков, а запись фольклорных произведений — еще позднее.

Кроме литературы на вьетнамском языке, вплоть до XX века, существовала письменная литература и на ханване, вьетнамизированном варианте классического китайского языка вэньяня.

Благодаря типологическому сходству китайского и вьетнамского языков, китайские стихотворные формы получили широкое распространение во Вьетнаме не только в поэзии на китайском языке, но и на вьетнамском (правда, с некоторыми изменениями). Таким образом, история вьетнамского стихосложения представляет собой, с одной стороны, историю адаптации и развития китайской системы стихосложения во Вьетнаме, а с другой стороны, историю собственно вьетнамского стихосложения, которое к нашему времени, продолжая развиваться и обновляться, значительно потеснило китайские формы (в классическом, чистом виде они сейчас практически не используются).

Для понимания специфики вьетнамской и заимствованной китайской систем стихосложения следует сказать несколько слов и о вьетнамском языке, о тех его свойствах, которые эту специфику определили. Прежде всего это ярко выраженный силлабический характер этого языка, когда практически любой слог независимо от того, выступает ли он как слово, или является частью слова, имеет лексическое значение, а если нет (в редких случаях), то функционально неотличим от имеющих значение. (Поэтому и при написании по традиции все слоги стоят отдельно.) Далее, каждый слог во вьетнамском языке обязательно несет один из шести смыслоразличительных музыкальных тонов. Кроме того, морфологию вьетнамского языка характеризует господство аналитических форм и, как следствие, изоляция на уровне синтаксиса, то есть связь слов во вьетнамском предложении осуществляется с помощью порядка слов, служебных частиц и т. п. *.

* Для понимания специфики языков типа китайского, вьетнамского и особенностей традиционных систем стихосложения в них очень полезна статья академика В. М. Алексеева «Китайский палиндром в его научно-педагогическом использовании» (Китайская литература. М., 1978).

Каковы же основные элементы вьетнамской и китайской систем стихосложения? Прежде всего главной, базовой единицей в них является слог, и стихотворные формы образуются либо определенным, и количественно и качественно, сочетанием слогов (минимум 2) в стихотворных строках (при нерегламентированном количестве самих строк), либо определенным сочетанием слогов в стихотворных строках, число которых также задано. Иногда это находит отражение в их названиях. Сравните: «тхехайты» — «двусложник», «тхенамты» — «пятисложник», «тхатнгонбатку» — «восьмистрочный семисложник», «лукбат» — «шесть — восемь» (имеется в виду, что в первой строке шесть слогов, а во второй — восемь) и др.

Для части вьетнамских и китайских стихотворных форм важно традиционное, берущее начало в древнем китайском языкознании и поэтике, разделение тонов на две группы: «прямые» (бинь — вьет., пин — кит.). то есть немодулированные, и «косые» (чак — вьет., пзэ — кит.), то есть модулированные. Требуется соблюдение в разных стихотворных формах разного порядка чередования тонов этих групп.

Для большинства вьетнамских и заимствованных китайских стихотворных форм характерно наличие рифмы, всегда односложной, так как рифмуются отдельные слоги, независимо от того, равны они слову или части его. При разной допустимой степени созвучия обязательным условием рифмовки является лишь совпадение группы тонов у рифмующихся слогов: «прямые» рифмуются с «прямыми», а «косые» с «косыми». Характер рифмовки также различен (смежное рифмование, перекрестное и т. д.), причем рифмоваться могут как последние слоги строк, так и, например в некоторых вьетнамских стихотворных формах, последние слоги предшествующих строк с определенными по счету от конца слогами последующих строк и т. д.

Внутристрочная смысловая пауза во вьетнамских и китайских стихотворных формах разбивает стихотворные строки на отрезки по два, три и четыре слога.

В некоторых твердых формах большую роль играет параллелизм, являясь или обязательным, или желательным. Причем традиционно различают параллелизм тоновой и параллелизм смысловой. Тоновой параллелизм заключается в противопоставлении слогов с «прямыми» и «косыми» тонами. Параллелизм смысловой требует соположения слов как бы одного понятийного поля (например, земля — небо, высокий — низкий и т. п.). При этом различают смысловой параллелизм в пределах одной стихотворной строки и параллелизм между строками.

Из различных комбинаций вышеприведенных элементов и складываются формальные признаки тех или иных стихотворных форм, встречающихся во вьетнамской поэтической практике.

О собственно вьетнамских стихотворных формах можно судить прежде всего по народной (песенной и непесенной поэзии на вьетнамском языке), в которой сохранились двусложные, трехсложные, четырехсложные, пятисложные, семи- и восьмисложные формы с неопределенным чередованием «прямых» и «косых» тонов, разным количеством строк и разным характером рифмовки. Одни из них встречаются считанные разы (двусложники, трехсложники), другие редко и ограниченно, например, в определен-

ных жанрах и местностях (четырехсложники, пятисложники), третьи довольно часто. Но самым распространенным в народной вьетнамской поэзии, без сомнения, является лукбат: до 80 процентов произведений народной поэзии малых форм (часто моностроф) имеет лукбатную форму. Поскольку лукбат получил широкое распространение и в письменной классической поэзии, а также продолжает использоваться в наше время, став поистине национальной вьетнамской стихотворной формой, к тому же очень специфической, он заслуживает особого внимания и более подробного описания.

Прежде всего следует сказать, что элементарной формой лукбата являются две строки по шесть и восемь слогопозиций соответственно в первой и второй строках. Содержащие четное количество слогов строки лукбата делятся на двусложные сегменты, условно говоря, стопы, в которых особым образом распределяются «прямые» и «косые» тоны. В пределах каждой стопы лукбатной схемой определяются только тоны каждого второго слога, как бы отсекающего один двусложный сегмент от другого, тон же каждого первого слога для схемы безразличен. Вот как выглядит схема лукбатной строфы:

СП СК СП^{1}

СП СК СП^{1} СП, С — «свободный» слог, тон которого роли не играет; П — слог с «прямым» тоном; К — слог с «косым» тоном; рифмующиеся слоги обозначены цифрами. При этом шестой и восьмой слоги второй строки, как видно, оба «прямые», обязательно должны иметь разные «прямые» тоны. Рифма в элементарной лукбатной строфе падает на шестые слоги обеих строк, последний же, восьмой слог второй строки, рифмуется в многострочном тексте с шестым слогом первой строки последующей строфы и т. д. Внутристрочная пауза в первой строке чаще всего встречается после второго слога, во второй — после четвертого. Параллелизм для лукбата необязателен, хотя встречается часто. Таков лукбат в, так сказать, нормативном виде. От него, и это естественно, возможны отклонения как в количестве слогов в стихотворных строках, так и в распределении «прямых» и «косых» тонов, в рифмовке.

С лукбатом во вьетнамской устной и письменной поэзии тесно связан еще один довольно распространенный стихотворный размер — шонгтхатлукбат (букв. две строки по семь, шесть и восемь), представляющий собой соединение двух семисложных строк с лукбатной строфой по схеме:

ССКСПСК^{1}

ССПСК^{1}СП^{2}

СПСКСП^{2}

СПСКСП^{2} СП^{3} и т. д.

Здесь, как видим, в семисложных строках определенные в отношении тонов слоги должны быть как бы противоположны друг другу. Внутристрочная пауза в семисложных строках располагается обычно после третьего слога. Параллелизм для семисложных строк также необязателен. В случае мультипликации строф происходит как бы нанизывание одной комбинированной четырехстрочной строфы на другую, при этом восьмой слог предшествующей строфы рифмуется с пятым семисложной строки последующей строфы.

Таковы в основном вьетнамские традиционные стихотворные формы. Китайская система стихосложения представлена во вьет-

намской поэзии двумя ветвями: так называемыми древними формами, восходящими к древнейшему китайскому литературному памятнику «Книга песен» и «Чуским напевам» Цюй Юаня (III в. до н. э.), а также «танскими» формами, или «уставными» стихами, правила сложения которых оформились в Танскую эпоху. Древние размеры — это в основном четырехсложники, пятисложники и семисложники с неограниченным количеством стихотворных строк (от 4-х и более), с нерегламентированным чередованием «прямых» и «косых» тонов, с необязательным параллелизмом. Непременным условием древних форм являлось только наличие рифмы (монорифмы, разных рифм). Основными «танскими» формами также были пятисложники и семисложники, но для них как раз характерна строгая регламентация, касающаяся всех элементов стиха. Кроме определенного количества слогов в стихотворных строках, строго определялось чередование «прямых» и «косых» слогов как внутри строк, так и в пределах всего стихотворения, обычно состоящего из восьми строк; рифма должна была быть сквозная и обязательно с «прямым» тоном; для определенных строк был также обязателен тоновой и смысловой параллелизм; строго определялось место внутристрочных пауз.

Вот схема одного из вариантов «танского» пятисложника:

ППККП [1]
КККПП [1]
ККППК }
ППККП [1]
ПППКК }
КККПП [1]
ККППК
ППККП [1]

и схема одного из вариантов семисложника:

ППКККПП [1]
ККППККП [1]
ККПППКК
ППКККПП [1] }
ППККППК
ККППККП [1] }
ККПППКК
ППКККПП [1]

где подчеркнуты рифмующиеся слоги, знаком } отмечены параллельные строки.

Кроме этого, в стихах, написанных «танскими» формами, требовалась определенная композиция, в соответствии с которой восьмистрочное стихотворение как бы делилось на части, несущие разную функцию. Так, первая строка должна была называть тему, вторая — вводить в нее, третья и четвертая — определять название, пятая и шестая — выражать чувства и мысли автора, а седьмая и восьмая — давать заключение.

Помимо восьмистрочных пятисложников и семисложников, во Вьетнаме были распространены их четырехстрочные варианты, так называемые «оборванные» строки (вьет. тытуйет), и целый ряд других форм, иногда с очень формалистической задачей. Естественно, что в практике стихосложения, как на китайском, так и на вьетнамском языке, строгие правила «танского» стихосложения нарушались, тем более если учесть, что «танские» формы просуществовали до нашего века и ими нечасто, но продолжают пользоваться, хотя и в очень измененном виде.

С начала XX века, когда Вьетнам стал французской колонией,

можно говорить о следующем этапе во вьетнамском стихосложении, связанном со знакомством с европейской поэтической культурой, прежде всего французской. К 30-м годам новые тенденции в развитии вьетнамской поэзии привели к рождению движения так называемой «новой поэзии», для которого наряду с борьбой за новое содержание была характерна борьба за обновление формы. Самыми широко используемыми формами в «новой поэзии» были семисложники и пятисложники, скорее в более свободных правилах «древних», чем «танских», форм, в которых допускались различные отклонения в рифмовке и отдавалось предпочтение словам с «прямым» тоном; восьмисложники с неопределенным количеством стихотворных строк и рифмующимися последними слогами, причем самыми разными способами; лукбат и некоторые другие формы. В это время во Вьетнаме появляются и стихи, в которых отсутствуют все основные традиционные регламентации вьетнамских и китайских размеров: в них — свободное и колеблющееся количество слогов в стихотворных строках, нерегламентированное количество строк, свободное распределение тонов в строках и разнообразный характер рифмовки. Эти стихи во Вьетнаме называются «тызо».

В настоящее время тызо господствует во вьетнамском стихосложении, а поиски в обновлении стиховой формы продолжаются. Современные вьетнамские поэты прибегают к ступенчатому расположению стихотворных строк в самых разных вариантах, рифму используют окказионально, пробуют писать и совсем нерифмованным стихом. Наряду со стихом тызо используют семисложники, пятисложники, восьмисложники, лукбат и многие другие формы, а также пишут «стихи в прозе». Таким образом, современное состояние вьетнамского стихосложения, при безусловном господстве стиха тызо, характеризуется разнообразием используемых традиционных форм с очень нетрадиционным подходом к ним.

Т. Н. ФИЛИМОНОВА

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 9. Бак — дядя, дядюшка — так любовно называют во Вьетнаме Хо Ши Мина.

Стр. 10. Лонгбьен — двухкилометровый мост через реку Красную, соединяющий Ханой с пригородами.

Стр. 11. Феникс (фыонг. — *Вьет.*) — тропический цветок.

Стр. 12. Личжи — тропический фрукт.

Стр. 13. Лонган — тропический фрукт.

Мит — хлебное дерево и его плод.

Там — героиня сказки, вьетнамская Золушка.

Стр. 15. Дан — в этом случае: дан бау — разновидность струнного музыкального инструмента.

Чыонг Ти и Киеу — герои вьетнамского фольклора и классики.

Стр. 16. Нон — конусообразная шляпа из пальмовых листьев.

Матушка Шуот — одна из народных героинь периода войны Сопротивления против французских колонизаторов (1946—1954).

Динь — самая большая постройка во вьетнамской деревне, место общинных праздников и сборов.

Стр. 17. Теу и Сион Ван — герои вьетнамского фольклора.

Кхен — народный музыкальный инструмент у вьетнамских горцев народности мео (север Вьетнама).

Стр. 18. Дан — в этом случае: дан мой — разновидность дана.

Стр. 19. Строка из стихотворения классика вьетнамской литературы Нгуен Зу (1765—1820), автора поэмы «Стенания истерзанной души» и др.

Строка из стихотворения современного вьетнамского поэта То Хыу (р. 1920 г.).

Чыонгшон (Длинные горы) — горный хребет, протянувшийся через весь Вьетнам; по нему проходила знаменитая Тропа Хо Ши Мина.

Стр. 20. Здесь и дальше строки из песни «Чыонгшон Западный, Чыонгшон Восточный».

Ле и кхоп — породы тропических деревьев.

Стр. 21. Хоп — дерево с очень твердой древесиной.

Особый сорт риса, отличающийся высокими вкусовыми и питательными качествами; несмотря на то, что урожай такого риса может созреть только раз в году, горцы предпочитали его всем другим сортам.

Стр. 22. Медвежья желчь используется как лекарство.

Мыонги — горская народность, к которой принадлежит автор.

Волан делается из пестрых матерчатых лоскутов, парни и девушки горской народности мыонг играют им по праздничным дням.

Стр. 25. Нгоу — тропическое растение.

Стр. 27. Ваи — плоды личжи.

...Заветный рядом ставила сосуд — имеется в виду сосуд в виде трубки, в которой перевозят пчел.

Стр. 28. Соан — мелия гималайская.

Вань тинг — новогодний пирог.

Стр. 29. Тет — вьетнамский Новый год, исчисляемый по лунному календарю; празднуется как начало весны.

Б-40 — тип американского бомбардировщика.

АК — автомат Калашникова.

Стр. 35. Долина Тростников — знаменитый партизанский район в Южном Вьетнаме; в сезон дождей долина залита водой.

Стр. 36. Эта девушка надевала на себя шесть платьев разного цвета и всякий раз, достигнув другого берега, в целях маскировки снимала одно из них. *(Примеч. Ле Ань Суана.)*

Стр. 38. Остро отточенными бамбуковыми колышками партизаны утыкали дно ям-ловушек; колышки часто смазывали ядом.

Стр. 39. Нгуен Динь Тьеу (1822—1888) — великий поэт-патриот, призывавший к свержению колониального господства.

Две войны Сопротивления: I — против французских колонизаторов (1949—1954), II — против американских империалистов (1964—1975).

Стр. 40. ...кустистых пальм — низкорослая водяная пальма.

Стр. 44. Город Андык находится в уезде Бачи провинции Бенчи.

Таншоннят — аэродром в бывшем Сайгоне, ныне Хошимине.

Стр. 46. Б-52 — тип американского бомбардировщика.

Зонг — порода тропических деревьев.

Стр. 50. Ко — ливистона, вид пальмы, листья которой идут на покрытие домов, плетение шляп и т. п.

Стр. 51. Тамдао (Трехгорье) — высокогорный район к северо-западу от Ханоя, курорт.

Стр. 52. Имеется в виду урожай риса.

Стр. 53. Слова из народной песни.

Стр. 54. Имеется в виду 5-я симфония Бетховена, о первых тактах которой сам автор сказал, что «так судьба стучится в дверь». *(Примеч. авт.).*

Имеется в виду 14-я соната Бетховена, известная под названием «Лунной сонаты». *(Примеч. авт.).*

Стр. 55. Увертюра Бетховена к трагедии Гёте «Эгмонт». Эгмонт стал символом веры во всепобеждающую силу народа. *(Примеч. авт.).*

9-я симфония Бетховена — венец его творчества. В последней части для хора «Оды к радости» на слова Шиллера есть слова: «Обнимем же друг друга мы, миллионы людей». *(Примеч. авт.)*

Стр. 56. Хамжонг — ставший знаменитым в годы войны с американскими империалистами мост во Вьетнаме, в районе которого велись самые ожесточенные противовоздушные бои; через мост проходила артерия, питающая фронт.

Стр. 57. В районе моста Хамжонг красноземные берега.

Капока — тропическое дерево.

Стр. 59. Фу Донг — герой древней вьетнамской легенды: он один на железном коне вступил в сражение с китайским войском, наголову разбил его и вместе с конем вознесся на небо.

Стр. 61. Американцы, ведя войну во Вьетнаме и бомбардируя Север, хвастливо утверждали, что вернут эту страну в каменный век.

Стр. 66. Тхыатхиен — провинция на юге Вьетнама.

Куангчи — провинция в центральном Вьетнаме.

Стр. 71. Лим — железное дерево.

Имеются в виду новогодние пироги из клейкого риса, которые заворачивают в зеленые листья.

Стр. 74. Дерево чам — каепутовое дерево, растущее на крайнем юге Вьетнама; славится его особо прочная древесина, идущая на различные поделки и строительство домов.

Стр. 75. Строка из стихотворения Ван Тиня. *(Примеч. авт.)*

Стр. 77. Обезьяний мосток — мост из одной жердочки и еще одной, используемой в качестве перил.

Город Хюэ — бывшая королевская столица, крупнейший культурный центр; расположен в центральном Вьетнаме.

Стр. 78. В войне против американских империалистов и проамериканского марионеточного сайгонского режима эти провинции несколько раз переходили из рук в руки.

Стр. 81. Цвет одежды вьетнамских крестьян — коричневый.

Стр. 84. Тэйнин — пограничный с Кампучией район, где шли бои с полпотовцами.

Тяудок — уезд на границе с Кампучией, где шли тяжелые бои с полпотовцами.

Стр. 88. Донгкха — название провинции в центральном Вьетнаме.

Кхо — дерево карамбола.

Стр. 91. Фо — национальное блюдо типа похлебки.

Стр. 92. Дедушка Хо — имеется в виду Хо Ши Мин.

Стр. 95. Ветер из Лаоса — так называют горячий сухой ветер.

Стр. 96. Куанг Чунг (1753—1792) — полководец; возглавил крупнейшее в истории страны крестьянское восстание «тэйшонов», победа которого возвела его на императорский престол. В 1789 году он разгромил вторгшиеся во Вьетнам войска правившей тогда в Китае маньчжурской династии. Именем Куанг Чунга названа одна из центральных улиц Ханоя.

Ли Тхонг и Там — персонажи вьетнамских народных сказок.

Стр. 105. Банг — дерево терминами.

Стр. 106. Государство Тямпа было расположено в центральном Вьетнаме (XIII в.). О его высокой культуре свидетельствует сохранившаяся до наших дней тямпская скульптура.

Стр. 110. Строка из стихотворения вьетнамского поэта Тинь Хыу.

Стр. 111. Название улицы в старом Ханое.

Стр. 115. Дан там-тхап-лук — одна из разновидностей дана; имеет 36 струн (там — 3, тхап — 10, лук — 6).

Имеется в виду легенда о Золотой Черепахе, вынесшей из вод озера, расположенного в центре Ханоя, волшебный меч, которым король Лe Лой изгнал из страны войско китайского императора

Мина; после победы (1428 г.) Ле Лой возвратил меч Золотой Черепахе.

Стр. 117. Нге — имеется в виду провинция Нгеан в центральном Вьетнаме.

Стр. 121. Священные птицы, напоминающие журавлей, высеченные на самых древних предметах (бронзовых барабанах), представляющих культуру Вьетнама.

Стр. 127. Сказание о Дам Шане — эпическое сказание южновьетнамской народности эде.

Стр. 137. Стиенг — одна из народностей Вьетнама.

Стр. 140. Зялам — аэропорт в Ханое.

Стр. 144. Имеется в виду Хо Ши Мин.

Стр. 149. О-ро — тропическое растение.

Зао, тхай, мео — народности, населяющие горные районы севера Вьетнама.

Стр. 151. В городке Тхакба построена мощная электростанция.

Тхак — водопад.

Ба — госпожа.

Онг — господин.

Стр. 153. Камау — полуостров, самая южная географическая точка всей страны; в годы войны — партизанский край.

Стр. 155. Озеро Возвращенного Меча в центре Ханоя.

Небольшая пагода (XV в.) на острове в центре озера, поставленная в честь Золотой Черепахи. Сейчас во время праздников там вывешивают государственный флаг СРВ — красное полотнище с золотой звездой.

Стр. 163. Залан — разновидность орхидеи.

Стр. 169. Во Вьетнаме паруса рыбачьих джонок красят клубнем батата в коричневый цвет.

Большой Холод — один из 24 сезонов сельскохозяйственного года, с 20—21 января по лунному календарю.

Стр. 183. Буквально: «Трудности преодолеем!» В начальных звуках этой фразы по-вьетнамски есть сходство с криком птиц.

Стр. 188. В городе Хюэ существует давний обычай: между двумя слоями тонкой пальмовой соломы, из которой делаются ноны девушек, молодые люди вкладывают листочки прозрачной бумаги с написанными на них стихами.

Стр. 191. Ао зай — национальная женская одежда.

Река Ароматная (Хыонг. — *Вьет.*) — на ней стоит один из крупнейших городов Вьетнама, Хюэ.

Стр. 194. Бенхай — река, по которой Вьетнам был разделен на части: Северный и Южный.

Стр. 196. Мыс Камау покрыт мангровыми (дыок. — *Вьет.*) лесами; корни деревьев во время прилива заливает соленая вода.

Стр. 202. Шаужиенг — плодовое дерево.

Стр. 211. Ба Чиеу — национальная героиня, вместе со своим старшим братом возглавлявшая восстание против господства китайских феодалов (248 г.). Потерпев поражение в бою с огромной китайской армией, она покончила с собой, чтобы не попасть в плен к врагу. Именем ее названа одна из улиц Ханоя.

Стр. 217. «К Угольной пристани снова причалила лодка угольщика. Вижу, милый, как тебе трудно живется, жалею тебя» — слова из народной песни, очень популярной на реке Ма. Угольная пристань — одна из пристаней неподалеку от города Тханьхоа.

Стр. 221. Ту Сыонг (1870—1907), Нгуен Кхюен (1836—1909) — классики вьетнамской поэзии.

Стр. 222. Шиньон имели право носить только чиновники и знать.

Стр. 229. Казао — частушка; в городе Хюэ существует обычай: лодочницы не просто гребут, но при этом обязательно поют песни, сохранившиеся с давних пор или сочиненные ими самими.

Стр. 235. В 1941 году после 30 лет странствий Хо Ши Мин тайно вернулся на родину, перейдя китайско-вьетнамскую границу на участке провинции Каобанг.

Речь идет о космонавте Германе Титове, председателе Общества советско-вьетнамской дружбы.

Стр. 236. Чан Фу — пламенный революционер, первый Генеральный секретарь Коммунистической партии Индокитая (образована в 1930 году).

Батьданг — в 938 году на реке Батьданг вьетнамский народ одержал победу над вторгшимися в страну китайскими феодалами.

Стр. 237. Филао — каузарина.

Стр. 241. Чаунг Тхюи — сын китайского феодала, муж Ми Тяу, дочери легендарного вьетнамского короля Ан Зыонг Выонга (II в. до н. э.); он выведал военные секреты у вьетнамских полководцев, с помощью которых китайским феодалам удалось победить древнее вьетнамское государство Аулак. Чаунг Тхюи искренне любил свою супругу; их любовь стала во Вьетнаме символом вечной борьбы двух начал: любви и долга.

Стр. 242. Игра в стеклянные шарики, популярная у вьетнамских ребят.

Стр. 250. Тхук — династия, правившая в 257—208 годы до н. э.

Колоа — древняя крепость, столица Вьетнама в III веке н. э.

Стр. 253. Вьетнамская пословица; донг — основная денежная единица во Вьетнаме.

Стр. 263. *...восточного Пентагона* — дворец бывшего президента Республики Южный Вьетнам Нгуен Ван Тхиеу.

Стр. 264. Тет по традиции встречают у распустившегося персикового дерева.

Стр. 268. Во Вьетнаме есть особый детский праздник — праздник Середины Осени; отмечается он в 15-й день восьмого месяца по лунному календарю, когда стоит самая полная, самая круглая луна. Это очень веселый костюмированный праздник с песнями и танцами.

Стр. 274. На — крушина съедобная.

Стр. 276. Хюи Кан — один из виднейших современных поэтов Вьетнама.

Стр. 283. Мальчик Куой, по преданию, живет на Луне, где пасет буйволов.

Стр. 284. Нгуен Чай — великий вьетнамский поэт, зачинатель поэзии на родном языке, полководец, национальный герой. В Коншоне воздвигнута пагода в его честь; 600 лет со дня его рождения широко отмечалось в 1980 году.

Стр. 287. Суан Зьеу — крупнейший современный лирический поэт Вьетнама.

Стр. 290. В переводе — Птичий Мост.

Х о н г а й — край, где расположены крупнейшие во Вьетнаме угольные карьеры.

Стр. 291. Ш о н г Х о н г (Красная Волна. — *Вьет.*) — псевдоним известного вьетнамского поэта и политического деятеля.

Стр. 292. Стихотворение дано в параллельных переводах.

Х а л о н г (Залив Спустившегося Дракона) — название залива Тонкинского моря.

Стр. 293. Т х ю и З я н г — друг Чан Данг Кхоа.

Стр. 294. Названия знаменитых партизанских баз.

Стр. 296. Особая порода деревьев, способная выдержать натиск тайфуна, урагана; растет на острове Намиет (архипелаг Парасельские острова). Ураганными деревьями их назвали вьетнамские пограничники.

И. ЗИМОНИНА

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВУ КУАН ФЫОНГ (род. в 1940 г.) — поэт, прозаик, критик, публицист. По образованию медик, окончил медицинский факультет Ханойского университета. Свои стихи начал печатать в центральных газетах сразу после окончания университета (1965). Основные произведения Ву Куан Фыонга собраны в двух книгах стихов: «Весенние травы» (1968) и «Цветы на деревьях» (1977).

На русском языке публиковался в периодической печати.

ВЫОНГ АНЬ (род. в 1940 г.) — дебютировал стихами в конце 60-х годов. Представитель одной из малых народностей — мыонг. Пишет на языке мыонг, большую часть своих стихотворений сам переводит на вьетнамский язык.

На русском языке публикуется впервые.

ВЫОНГ ЧАУНГ (род. в 1940 г.) — по образованию математик, окончил математический факультет Ханойского университета. С 1965 года в рядах армии, тогда же начал писать стихи. Первый сборник стихов Выонг Чаунга «Стихи уходящих на фронт» (1972) вышел в соавторстве с Нгуен Дык Мау.

На русский язык переводится впервые.

ЛЕ АНЬ СУАН (наст. имя Ка Ле Хьен, 1940—1968, род. в провинции Бенче, Южный Вьетнам) — один из наиболее популярных вьетнамских поэтов. Окончил исторический факультет Ханойского педагогического института. Первый сборник стихов Ле Ань Суана «Крик петуха» (1965) вышел в Ханое. С 1965 года находился в Южном Вьетнаме, где сражался в рядах армии Освобождения. Погиб в Сайгоне во время всеобщего весеннего наступления 1968 года. Его произведения этих лет изданы посмертно под псевдонимом — это книга стихов «Цветы кокосовой пальмы» (1971) и поэма «Нгуен Ван Чой» (1971) о национальном герое Южного Вьетнама.

На русском языке стихи Ле Ань Суана публиковались в различных антологических изданиях и периодической печати.

ЗЫОНГ ХЫОНГ ЛИ (наст. имя Буй Минь Куок, род. в 1940 г. в провинции Хатэй, северная часть Вьетнама) — филолог, окончил филологический факультет Ханойского университета. Дебютировал в конце 50-х годов в центральных газетах, публикуя стихи под своим настоящим именем. С 1963 года после окончания университета находился в Южном Вьетнаме в рядах сил Освобождения, принимал участие в боях при Тэйнгуене. Со времени пребывания на Юге пишет под псевдонимом.

Стихи, написанные им в этот период, вошли в сборник «Земля, которая сделала нас бойцами» (1971 г. — 1-е изд., 1975 г. — 2-е изд.).

На русский язык переводится впервые.

НГО ВАН ФУ (род. в 1940 г.?) — в литературу пришел в конце 60-х годов. Автор сборника стихов «Ветры и ураганы» (совместно с Фам Нгок Канем и Хоай Анем, 1970). Кроме того, автор многочисленных рассказов. Творчество Нго Ван Фу посвящено жизни вьетнамской деревни.

На русском языке публикуется впервые.

БАНГ ВЬЕТ (род. в 1941 г. в Хюэ, центральный Вьетнам) — по образованию юрист, окончил юридический факультет Киевского университета. В литературу пришел в 60-е годы. Автор книг стихов «Огонь в очаге» (в соавторстве, 1968), «Лица и небо» (1973), «Земля после дождя» (1977), а также ряда эссе, посвященных выдающимся деятелям мировой культуры. Банг Вьет один из ведущих переводчиков русской и советской поэзии. Работает над переводом романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Много внимания уделяет современным советским поэтам — переводил стихи К. Симонова, О. Берггольц, Е. Евтушенко и др.

На русском языке неоднократно публиковался в антологических изданиях и в периодической печати.

ЛЫ ХЮИ НГУЕН (род. в 1941 г.) — в литературу пришел в 60-е годы. Автор книги рассказов и очерков «Дорожные записки» (1970), книг стихов «Проходят месяцы и годы» (1971), «Глубина города» (1978).

На русский язык переводится впервые.

СУАН КУИНЬ (род. в 1942 г. в провинции Хашонбинь, Северный Вьетнам) — творческий путь этой поэтессы начался в середине 60-х годов, в самом начале его Суан Куинь снискала любовь читателей отличающимися необычайной ясностью и благозвучностью стихами для детей и о детях. Первая книга ее стихов «Золотые коконы, лазурные шелка» (в соавторстве, 1962) вышла, когда поэтессе было всего двадцать лет. Другие сборники стихов: «Цветы вдоль траншей» (1968), «Ветер из Лаоса, белый песок» (1974), «Колыбельная над землей» (1978).

Стихи Суан Куинь неоднократно переводились в Советском Союзе.

ФАМ ТЬЕН ЗУАТ (род. в 1942 г.) — один из популярнейших во Вьетнаме молодых поэтов. Окончил Ханойский педагогический институт. Войну антиамериканского Сопротивления провел в рядах армии. Автор книг стихов: «Луна в огненном кольце» (1970), «Этап пути» (1972), «На двух вершинах» (1981).

На русском языке стихи Фам Тьен Зуата неоднократно публиковались в периодической печати.

ФАМ НГОК КАНЬ (род. в 1942 г.?) — в литературу пришел в середине 60-х годов. Во время антиамериканского Сопротивления был в армии. Автор сборника стихов «Ветры и ураганы» (в соавторстве с Нго Ван Фу и Хоай Анем, 1970).

На русский язык переводится впервые.

ЗЬЕП МИНЬ ТУЕН (род. в 1943 г. в Митхо, пров. Тьензянг, Южный Вьетнам) — окончил университет в Ханое. В 1968 году добровольцем ушел в Южный Вьетнам, сражался в рядах армии Освобождения. Автор книг стихов «В пору, когда поднимаются воды» (1972), «Ночи на наносных землях» (1975).

На русском языке публиковался в периодической печати.

НГУЕН КХОА ДЬЕМ (род. в 1943 г. в Хюэ, центральная часть Вьетнама) — за участие в студенческом движении в Южном Вьетнаме был арестован, сидел в тюрьме, откуда был освобожден во время всеобщего весеннего наступления 1968 года, после чего ушел в освобожденные зоны. Основные произведения — книга очерков «Стальные ворота» (1969), книга стихов «Земли предместья» (1972), поэма «Дорога надеется» (1974).

На русский язык переводится впервые.

ФАН ТХИ ТХАНЬ НЯН (род. в 1943 г. в Ханое) — одна из наиболее популярных во Вьетнаме поэтесс. С начала 1961 года — журналист. Первые стихи ее появились в середине 60-х годов. Автор книг стихов «Месяцы начала года» (в соавторстве, 1969), «Неслышный аромат» (1973), «Портреты победителей» (1977).

На русском языке стихи Фан Тхи Тхань Нян неоднократно публиковались в периодической печати и вошли в ряд антологических сборников.

И НИ (род. в 1944 г.) — сегодня также одна из наиболее популярных во Вьетнаме поэтесс. Окончила филологический факультет Ханойского университета. После воссоединения страны добровольцем уехала на Юг, где несколько лет работала в издательстве «Освобождение». Автор книги стихов «К реке навстречу» (1978).

На русском языке стихи И Ни публиковались в периодической печати.

НГУЕН ДЫК МАУ (род. в 1945 г.) — в литературу пришел в середине 60-х годов. С 1966 года находится в рядах армии. Автор поэтических книг «Стихи уходящих на фронт» (в соавторстве с Выонг Чаунгом, 1972), «Зеленые деревья и огненная земля» (1973), «Боевые доспехи» (1975).

Стихи Нгуен Дык Мау неоднократно публиковались в Советском Союзе.

ЛАМ ТХИ МИ ЗА (род. в 1948 г. в провинции Куангбинь, центральная часть Вьетнама) — творчество этой поэтессы также очень популярно во Вьетнаме. В годы войны антиамериканского Сопротивления была участницей народного ополчения в родной провинции. Автор книги стихов «Сердце, память» (1974).

На русском языке стихи Лам Тхи Ми За публиковались в периодической печати.

АНЬ ТИ (род. в 1949 г.) Первая книга стихов — «Песня» — вышла в 1979 году в соавторстве с Иен Дыком и Тхать Куком — «Песня. Источник света. Земля».

На русский язык переводится впервые.

ЧАН МАНЬ ХАО (род. в 1949 г. в провинции Ханамнинь, Северный Вьетнам) — с 1967 года был бойцом армии Освобождения Южного Вьетнама, воевал на разных фронтах. Первая книга стихов, вышедшая в 1974 году, называлась «Чыонгшон». Чан Мань Хао принадлежат также сборники стихов «Птица стучится в окно» (1974) и «Небо над городом» (1978).

В Советском Союзе стихи Чан Мань Хао публиковались в периодической печати.

ИЕН ДЫК (род. в 40-х гг.). В 1979 году вышла первая книга стихов «Источник света» (в соавторстве с Ань Ти и Тхать Куком в сборнике «Песня. Источник света. Земля»).

На русский язык переводится впервые.

ХОАНГ НЮАН КАМ (род. в 1951 г. в Ханое) — с 1971 года в армии. Автор книги стихов «Поэзия двадцатилетних» (1974).

Стихи Хоанг Нюан Кама на русском языке неоднократно публиковались в периодической печати.

НГУЕН ЗЮЙ (род. в 1951 г.?) — в литературу пришел в начале 70-х годов. С того же времени служит в армии. Автор книги стихов «Белый песок» (1973).

На русском языке стихи Нгуен Зюя публиковались в периодической печати.

ХЫУ ТХИНЬ (род. в 1953 г.?) — последние годы войны антиамериканского Сопротивления был офицером бронетанковых войск. В литературу пришел в начале 70-х годов. Стихи его широко публиковались в периодике.

На русский язык переводится впервые.

ТХАНЬ ТХАО (род. в 1955 г.?) — один из наиболее молодых поэтов, уроженец Юга Вьетнама. Был солдатом армии Освобождения. Автор книги стихов «Следы на траве» (1978).

На русском языке публикуется впервые.

ЧАН ДАНГ КХОА (род. в 1958 г.) — первые стихи этого поэта появились, когда ему было всего семь лет, и сразу завоевали широкую популярность. В восемнадцать лет, будучи автором двух книг стихов — «Из уголка моего двора» (1972) и «Мое небо» (1973), Чан Данг Кхоа стал членом Союза писателей Вьетнама. Является также автором поэмы «Песнь о героях» (1975).

В Советском Союзе стихи Чан Данг Кхоа неоднократно публиковались в периодической печати, а также вошли в различные сборники.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи молодых поэтов Вьетнама периода анти-
С80 империалистической войны 1964—1975 гг.: Пер. с вьет./Сост. Н. И. Никулин; Послесл. Т. Н. Филимоновой, Худож. серии Л. М. Чернышев. — М.: Мол. гвардия, 1982. — 319 с. — (Б-ка вьет. лит.)
В пер.: 2 р. 20 к. 30 000 экз.

В антологию вошли стихи 25 поэтов молодого поколения. В них отражен последний героический этап тридцатилетней освободительной войны, завершившийся воссоединением страны в едином социалистическом государстве.

С $\frac{4703000000-016}{078(02)-82}$ 253—81

ББК 84.5В
И (Вьет)

ИБ № 2753

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ВЬЕТНАМА ПЕРИОДА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1964—1975 гг.

Редактор **Св. Котенко**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Р. Сиголаева**
Корректоры **Г. Василёва, Е. Сахарова, А. Долидзе**

Сдано в набор 06.03.81. Подписано в печать 25.11.81. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8. Учетно-изд. л. 15,5. Тираж 30 000 экз. Цена 2 р. 20 к. Заказ 167.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1998

2 р. 20 к.